

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ XV.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

Продолженіе.

Между тѣмъ, вспомя родителей и дочь мою, почувствовала я въ сердцѣ своемъ горестъ. Въ послѣднія минуты жизни моей нѣтъ со мною ни одного человѣка изъ любезныхъ мнѣ людей! воскликнула я... Дражайшіе родители! вы не благословите умирающей дочери своей! . . . Любезная дочь! я не могу благословишь себя, и не буду имѣть удовольствія испустишь духъ мой въ твоихъ объятіяхъ! . . . Ты не можешь даже и сожалѣть обо мнѣ! . . . Въ сію минушу, когда несчастная мать своя готовится умереть, ты безъ сомнѣнія занимаешься какими нибудь дѣтскими забавами! . . . Мучительная мысль! . . . Я умираю, а всѣ уже перестали печалиться о моей смерти! . . . Но что я говорю, несчастная! Я дерзаю роптать въ то время, когда всѣ мои печали кончашся? . . . Боже мой! прости мнѣ сію

порочную слабость; я сама осуждаю ее. . . . Повели мнѣ предсать предѣ Тебя, Судія и Опецъ мой! . . . Будучи исполнена надежды и вѣры — будучи увѣрена въ вѣчномъ блаженствѣ, спокойно ожидаю смерти, и стала бы призывать ее, естли бы Ты не запретилъ мнѣ ее желать! — Произнеся сіи слова, отъ слабости упала на солому, которая служила мнѣ вмѣсто постели. Въ сердцѣ своемъ ощущала я такую тишину, такое спокойствіе, какого до того времени никогда еще не чувствовала. Мнѣ казалось, что спасительной бальзамъ изцѣляетъ вдругъ всѣ раны сердца моего. Наконецъ отъ великой слабости всѣ мысли у меня пришли въ смятеніе, и я погрузилась мало помалу въ пріятное забвеніе, подобное сну, во время котораго самыя восхитительнѣйшіе образа представлялись моему воображенію. Мнѣ мечталось, будто бы Ангелы, блистающіе небеснымъ свѣтомъ, окружали мою постелью; издали слышала я гармоническіе голоса, восхитительное пѣніе; казалось, что небо было для меня отвергнуто, и высочайшее Существо готовилось излишь на меня Свои дары . . . Но Оно подлинно въ самую сію минуту пеклось обо

обо мнѣ, и милоспивою Своею десницею прерывало цѣпи мои . . . Я вдругъ проснулась и затрепепала, услышавъ у окна стукъ. Я спала слушать, не смѣя вѣришь своему слуху; но стукъ продолжался. Сердце у меня билось Но въ какое удивленіе, въ какое неописанное восхищеніе пришла я, услышавъ голосъ, не голосъ гонителя моего, но совѣмъ иной! . . Я почла его за голосъ Ангела, шедшаго съ неба для избавленія моего. Будучи внѣ себя, сложила я руки и съ движеніемъ живѣйшей благодарности воскликнула: Боже мой! Ты посылаешь ко мнѣ избавителя! . . Ахъ! съ радостію гоповилась я умереть, а Ты возвращаешь мнѣ жизнь. . . Мнѣ позволено любить жизнь, которая есть Твое благодѣяніе! — Сказавъ сіе, хотѣла я вспасть и подойти къ окну; но не имѣла сполько силъ, и опять упала на землю. Въ сію минушу дверь опворилась -- я увидѣла свѣтъ — кто-то вошелъ. Я привстала, хотѣла посмопръть, но не могла ничего видѣть; глаза мои, шоль долгое время не выдавшіе свѣта, не могли сносить слабаго свѣта фонаря и закрывались прошивъ моей воли. Между шѣмъ человекъ ко мнѣ приблизился. Кто

ты? спросила я шомцымъ голосомъ. Сказавъ сіи слова, силилась отккрыть глаза и увидѣла человѣка споящаго передо мною на колѣняхъ; онъ поддерживалъ рукою голову мою и предлагалъ мнѣ пищу. Чувствуя чрезвычайной голодъ, забыла я все и думала только объ удовольствореніи оному; всѣ другія мысли мои, такъ сказашь, оспановились, и я съ жадностію бросилась на предлагаемую пищу. Наконецъ, почувствуя возобновленіе силъ своихъ, вдругъ оборотилась къ незнакомому. Лице его было въ тѣни, и я не могла разсмотрѣть его. Кто ты? спросила я; скажи мнѣ, избавилась ли ты мой, или сообщникъ Герцоговъ? . . . Боже мой! перервалъ незнакомецъ: какой голосъ! . . . Гдѣ я? — Сказавъ сіе, онъ вскочилъ, схватилъ фонарь, подошелъ ко мнѣ и разсмашривалъ меня съ великимъ вниманіемъ, умиленіемъ и нѣкопорымъ ужасомъ. Я взглянула на лице его, освѣщенное фонаремъ; волосы у него были разшрепаны; онъ блѣднѣлъ и шрепепталъ — однакожь я не могла не узнать его. Хотѣла говорить, но слезы прерывали слова мои, и я могла только произнести имя Графа Бельмира . . . Онъ стоялъ передо мною неподвижно; по шомъ упалъ

упалъ къ ногамъ моимъ, обливалъ ихъ слезами и все еще смотрѣлъ на меня . . . Едва могъ онъ сказать нѣсколько словъ. Онъ рыдалъ и благословлялъ Небо; но состраданіе его было столь велико, что онъ казался болѣе опечаленнымъ, нежели радостнымъ. Мы говорили вмѣстѣ, не слушая другъ друга и не отвѣчая другъ другу на вопросы. Во всей пещерѣ раздавались наши восклицанія. Наконецъ онъ вскочилъ и воскликнулъ: варваръ! чудовище! извергъ! есть ли такое наказаніе, которое было бы соразмѣрно своему злодѣянію? А вы, продолжалъ онъ, помогая мнѣ встать, оставьте это ужасное мѣсто, гдѣ столько времени мучилъ васъ безжалостной варваръ; вы свободны . . . Услышавъ сія слова, я бросилась къ двери; но вдругъ остановясь, сказала Графу: вы избавитель мой; я обязана вамъ жизнью, свободою . . . Но могу ли совершенно наслаждаться жизнью и свободою? . . . Увы! я не смѣю спросить васъ . . . Мать моя . . . отецъ . . . „Они живы.„ — Живы? . . . А дочь моя? — „Она въ Римѣ, и скоро будетъ въ вашихъ объятіяхъ.„ — Боже мой! сказала я, упавъ на колѣни: чѣмъ могу достойно возблагодарить Тебя? Эта

одна минуша наградила меня за всѣ мои спраданія! . . . Великодушной мой избавишель! продолжала я, оборотясь къ Графу: вѣ награду вамъ скажу, что я невинна; но прежде, нежели расскажу подробно печальную свою повѣсть, позволите мнѣ спросить васъ объ одномъ Вѣрно Герцогъ нездоровъ? Онъ при смерти, ошвѣчалъ Графъ, и не можетъ жить долѣе двухъ дней. Пойдемте, выйдите изъ этой ужасной темницы Пусть варваръ прежде смерти своей узнаетъ, что вамъ возвращена свобода Нѣтъ, перервала я: родителямъ моимъ надлежитъ меня вывести изъ этой темницы, а не кому иному. По томъ просила я Графа послать томъ же часъ курьера къ отцу моему; что онъ мнѣ и обѣщалъ. Онъ далъ мнѣ листъ бумаги и карандашъ, и я написала слѣдующее письмо:

„Любезные родители! я еще живу, и невинна. . . . Поспѣшите присутствиемъ своимъ оживотворить меня совершенно Поспѣшите извлечь меня изъ подземной темницы и изгребить изъ памяти моей все претерпѣнное мною.“

Сіе письмоцо едва можно было прочитать. Около четверти часа писала я его; пошому что забыла буквы и правописание. Графъ, видя, что я непременно рѣшилась пробить въ шемницѣ до прѣзда моихъ родителей, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ дверей и оставилъ меня съ прискорбіемъ, обѣщавъ мнѣ ни о чемъ не говорить съ Герцогомъ, еспли онъ еще живъ, и на другой день въ сумерки пришпи ко мнѣ. Оставшись одна, почувствовала я великой ужасъ, почти такой же, какой ощущала при началъ моего заключенія. Однакожь у меня былъ свѣтъ: Графъ оставилъ мнѣ лампаду и пошпенной фонарь. Я взяла у него еще часы, чтобы знать время. Стоя неподвижно на помѣ мѣстѣ, на которомъ оставилъ меня Графъ Бельмиръ, насилу могла я дышать; не смѣла поднять глазъ, однакожь не могла удержаться, чтобы пошохоньку не осмопрѣться вокругъ себя. Свѣтъ не только меня не успокоивалъ, но еще и умножалъ ужасъ мой, освѣщая печальное и мрачное жилище мое. Наконецъ, не могши долѣе шуть бышь, взяла я фонарь; отворила первыя двери и вышла въ нѣкоторой родъ длиннаго коридора, куда было сдѣлано

окно изъ той части темницы, въ которой я заключена была. Я почувствовала великое облегченіе, видя себя въ новомъ мѣстѣ, которое было ближе къ послѣднимъ дверямъ моей темницы. Пошедши по коридору, пришла еще къ другимъ дверямъ, и, отворя ихъ, увидѣла крыльцо. Оставалось оппереть только однѣ двойныя двери, копорыя были въ садѣ. Я заперла дверь коридора, чтобы ошдѣлиться отъ ужасной пещеры, въ которой жила столько времени. По томъ, скорыми шагами вошедши на крыльцо, сѣла я на послѣднюю ступень и начала отдыхать. Казалось бы, что послѣ такого щасливаго и нечаяннаго случая надлежало мнѣ чувствовать живѣйшую радость; но я такъ долго терпѣла и сердце мое столь привыкло къ несчастію, что я не смѣла предаться восторгамъ сладчайшей надежды. Правда, я съ восхищеніемъ помышляла, что всѣ любезныя мнѣ люди живы и здоровы; но разсуждая о несказанномъ щастіи, которое почувствовала бы я, бросаясь въ объятія моихъ родителей и дочери моей, не смѣла думать, чтобы такое щастіе было когда нибудь моею частію. Тысячи печальныхъ мыслей наполняли мое вообра-

обра-

ображеніе и смущали сердце мое; и въ семъ уныніи, въ семъ меланхолическомъ разположеніи души, почитала я всѣ мечшательные страхи за предчувствія. Сіе примѣчанія достойное время жизни моей — день, въ которой Графъ Бельмиръ вошелъ ко мнѣ въ пещеру — было прешіе число Іюня 17 * *. Онъ ушелъ отъ меня въ полночь, и до шести часовъ утра была я въ описанномъ мною положеніи. Въ сіе время услышала я легкой шумъ; приложивъ ухо къ дверямъ и слушая съ великимъ вниманіемъ, услышала я — не смотря на толстоту дверей и камня, ихъ закрывавшаго — пѣніе пивецъ, пробужденныхъ наступленіемъ дня. Не возможно ни описать, ни понять движенія радости, которое почувствовала я въ сію минушу. Вся моя меланхолія исчезла; сердце мое облегчилось, и восхитительная надежда, разлившись по внутренности его, меня оживила. Сладостныя слезы пошекли изъ глазъ моихъ, хотя мысли мои были еще въ великомъ замѣшательствѣ; и я не въ состояніи была разсуждать о неожиданной переменѣ судьбы моей; ибо занималась только однимъ сильнымъ желаніемъ слушать proceedingшее въ саду. Я боялась дышать,

и слушала съ такимъ вниманіемъ, котораго никакая мысль перервать не могла. Я слышала лающихъ собакъ, ходящихъ людей, и даже могла вслушиваться въ разговоры ихъ; все же сіе причиняло мнѣ несказанное удовольствіе. Между тѣмъ, около вечера, весьма хотѣла я скорого наступленія ночи, чтобы увидѣться съ Графомъ Бельмиромъ и спросить у него о тысячѣ вещахъ, которыя неперпѣливо узнать хотѣла, и которыя одна за другою приходили мнѣ на мысль, по мѣрѣ того, какъ воображеніе мое освобождалось отъ печальныхъ и беспорядочныхъ представлений. Наприм. мнѣ весьма хотѣлось знать, сколько времени провела я въ пещерѣ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ думала я, что мнѣ уже около пятидесяти лѣтъ; но молодость лица Бельмирова доказала мнѣ, что несчастныя не умѣютъ счислять времени. При всемъ томъ я все еще не знала точно, сколько мнѣ лѣтъ. — Графъ пришелъ ко мнѣ въ самую полночь. Легко мнѣ было примѣтить по чрезвычайной его блѣдности, великому его замѣшательству и нѣкошорому прискорбію, сколь пронутъ онъ приключеніемъ, перемѣнявшимъ участь мою. Уважая мое положеніе, по

кошо-

копорому принуждена я была принимать его одна въ полночь — уважая несчастной союзъ, копорому скоро уже надлежало разорваться, но копорой еще не прервался — ни слова не говорилъ онъ о любви своей. Услышавъ, что онъ писалъ къ опцу моему и отправилъ къ нему мое писмецо, и что Герцогъ былъ въ крайней опасности, просила я его сказать мнѣ, какія причины побудили Герцога повѣриться ему въ шоль важномъ для него дѣлѣ. Графъ удовлетворилъ моему любопытству слѣдующимъ уведомленіемъ:

„Путешествовавъ около года, получилъ я извѣстіе о вашей смерти. Ко мнѣ писали, что Герцогъ, потерявъ васъ, былъ безутѣшенъ. Это обстоятельство заставило меня полюбить Герцога болѣе, нежели когда нибудь я любилъ его. Я путешествовалъ еще два года; наконецъ по многимъ обстоятельствамъ надлежало мнѣ возвратиться въ Италію. Для свиданія съ Герцогомъ былъ я принужденъ пріѣхать въ эпортъ замокъ, потому что онъ весьма рѣдко выѣзжалъ отсюда, и то единственно для того, чтобы побывать у Неапольскаго Двора.

„Я

„Я видѣлъ здѣсь гробъ вашъ, видѣлъ
 „вашъ поршреть почти во всякой ком-
 „натѣ. Я полюбилъ эпохъ замокъ, и
 „споль привязался къ мучителю вашему,
 „что мнѣ прудно было съ нимъ раз-
 „статься. Онъ былъ всегда въ великой
 „горести, въ глубокой печали. Предпочи-
 „тая его цѣлому свѣшу, большую часть
 „времени жилъ я съ нимъ въ здѣшнемъ
 „замкѣ. За годъ передъ симъ Герцогъ
 „занемогъ опасно болѣзнію; но не ду-
 „мая, чшобы онъ былъ споль близокъ
 „къ смерти, нѣсколько разъ ѣздилъ
 „еще въ Неаполь. Но въ прошедшую зи-
 „му болѣзнь его такъ усилилась, что
 „онъ совсѣмъ уже опсталъ отъ Двора,
 „и писалъ ко мнѣ въ Римъ, гдѣ я тогда
 „былъ, что жизнь его не можетъ долго
 „продолжиться, и что онъ весьма же-
 „лаетъ со мною видѣться. Я приѣхалъ
 „сюда въ Генварѣ мѣсяцъ и нашелъ его
 „почти умирающаго, хотя онъ никакъ
 „не хотѣлъ лежать на постелѣ и всегда
 „былъ на ногахъ. Иногда казалось мнѣ,
 „что онъ былъ помѣшенъ. Будучи шер-
 „заемъ совѣспію, почиталъ онъ жизнь
 „несноснымъ для себя бременемъ; но при
 „всемъ помѣ смерть казалась ему ужа-
 „сною. День отъ дня спановилъ онъ

„слабѣ, и скоро начались у него во всемъ
„шлѣ шакія конвульси, что ему уже
„необходимо надлежало лечь на постелю.
„Три дни лежалъ онъ. На четвертой
„день, въ девять часовъ вечера, пришелъ
„ко мнѣ его камердинеръ и позвалъ меня
„къ Герцогу, сказавъ мнѣ, что онъ
„въ сію и прошедшую ночь высылалъ
„опъ себя всѣхъ людей и хотѣлъ одинъ
„встать съ постели; но что не могли
„споять на ногахъ, опять призывалъ
„ихъ; и что тогда находили его сошед-
„шаго съ постели и до половины одѣ-
„шаго. Я тотчасъ пришелъ къ нему
„въ комнату. Онъ выслалъ Доктора и
„людей, и сказавъ, что хочетъ мнѣ по-
„вѣрить важную шайну, заспавилъ меня
„обѣщаться вѣрно хранить ее. По томъ
„посмотрѣвъ на меня пристально, ска-
„залъ мнѣ: нѣкошорыя фамильныя обсто-
„ятельства заставляють меня держать
„здѣсь въ заключеніи одну преступницу,
„которая заслуживала бы смерть — у нее
„шеперъ нѣтъ пици — опнеси ей хлѣба
„и воды. Постучись въ окно, которое
„и сдѣлаю для того, чтобы подавать
„ей пицу; и если она не будетъ тебѣ
„отвѣтствовать, войди въ ней въ пе-
„мницу и подай ей помощь, буде она
„ну-

„нужна ей. Но предувѣдомляю себя,
„что эта женщина сошла съ ума; и
„пакѣ не слушай рѣчей ея. Опдай ей
„пищу и попчасѣ возвратись. Обѣщаюсь
„сказашь тебѣ нѣкогда имя ея и расска-
„зашь всю ея исторію. — Тогда Гер-
„цогѣ открылъ мнѣ, что въ этомѣ
„замкѣ есть у него тайная подземная
„пещера, и вынувъ изъ подъ-подушекѣ
„связку ключей, отдалъ мнѣ ихъ и про-
„силъ меня немедленно исполнишь его
„волю. Барварѣ, думая, что я нѣкогда
„васѣ не видалъ, надѣялся найти во мнѣ
„наилучшаго повѣреннаго; и такимѣ об-
„разомѣ поручилъ мнѣ судьбу вашу.,,

По томѣ Графѣ Бельмирѣ просилъ
меня рассказашь ему мою исторію. Но
какѣ я не могла рассказашь ее безѣ того,
чтобы не упомянуть о той любви, ко-
торую нѣкогда къ нему имѣла; то рѣ-
шительно сказала ему, что желанію его
могу удовлетворить только въ присут-
ствіи моихъ родителей. По мнѣнію
Графа, отцу моему необходимо надле-
жало прѣхашь черезѣ два дни. Будучи
уже спокойнѣе и пришедши въ состояніе
размышлять, цѣлыя сутки радовалась я,
ожидая моихъ родителей. Но неперпѣніе
мое

мое умножалось по мѣрѣ того, какъ приближалась минуша моего освобожденія, и наконецъ сдѣлалось для меня несноснымъ безпокойствомъ. Во всю жизнь мою не чувствовала я въ сердцѣ своемъ такого ужаснаго волненія, какъ на канунѣ щасливѣйшаго дня жизни моей. Во весь день и во всю ночь не спускала глазъ съ часовъ, и съ горестію смотрѣла на медленное для меня движеніе стрѣлокъ ихъ. Каждую минушу казалось мнѣ, что я слышу у дверей шумъ: я препетала — вся кровь моя волновалась и сердце чрезвычайно билось. Сія сильныя движенія еще умножились, когда пѣніе пшицъ взвѣстило мнѣ наступленіе дня — сего щасливаго дня, въ кошорой надлежало мнѣ снова родиться и снова получить священное право называться дочерью и матерью. Сія минуша, кошорая могла бы наградыть меня за сполѣтнія спрданія — сія споль нешерпѣливо желаемая минуша приближилась. . . . нашла! . . . Слышны крики, многіе голоса, шумъ каретъ, топотъ лошадиной. . . . Сей шумъ усиливается и приближается. . . . Я трепещу . . . Боже! . . . чей голосъ опозвался во глубинѣ моего сердца! . . . Дражайшая родительница! . . . Ты кли-

чешь дочь свою! . . . Сердце мое спремится къ тебѣ! . . . Боже мой, давшій мнѣ силу сносить мое несчастіе! ахъ! дай мнѣ силу снести и чрезмѣрную радость мою! . . . Я ослабѣваю, умираю . . . Ахъ! уже ли надлежитъ мнѣ изпустить духъ у ногъ моей родительницы? — Лишь только я произнесла сіи слова, двери отворились, и я бросилась вонъ изъ пещеры. Не смотря на блескъ дня, копорой ослѣпилъ мои глаза, отвыкшіе отъ свѣта, я еще успѣла узнать моихъ родителей — закричала, бросилась въ ихъ объятія и упала въ обморокъ. . . . Ахъ! какое перо можеть описать то восхищеніе, копорое, пришедши въ себя, я ощущала! Я была въ объятіяхъ любезной родительницы и чувствовала лице свое омочаемое слезами ея. Отецъ мой, стоя передо мною на колѣняхъ, жалъ мои руки. . . . Я видѣла свѣтъ, величественное солнце . . . Была увѣрена, что и дочь свою скоро увижу. . . . Въ шопъ часъ исполнились всѣ мои надежды, совершились всѣ желанія сердца моего. Не могу дать описанія въ шѣхъ мысляхъ, которыя въ сіи первые минуты были у меня въ головѣ. Я шоль много чувствовала, что не могла думать, и чрезмѣрную

ную

ную радость свою изъясляла однѣми слезами и рыданіемъ. Наконецъ отецъ мой, поднимая меня, сказалъ: вспань, любезная дочь! оставь поскорѣ это ужасное мѣсто, гдѣ порокъ такъ долго мучилъ невинность. Я вспала, осмопрѣлась, и съ удивленіемъ увидѣла, что мы были окружены множествомъ вооруженныхъ людей, между которыми узнала я нѣкопрыхъ изъ нашихъ родственниковъ и старинныхъ друзей дома нашего. Отецъ мой сказалъ мнѣ, что онъ, не выѣзжая еще изъ Рима, собралъ ихъ и по шомъ поѣхалъ съ ними прямо въ Неаполь, гдѣ, бросясь на колѣни передъ Королемъ, и показавъ ему мое письмо, не только выпросилъ у него позволеніе вывести меня вооруженною рукою, есѣли нужна будетъ сила; но получилъ отъ него и приказъ взять съ собою команду. Прѣхавъ сюда, продолжалъ онъ, услышалъ я, что твой мучитель умеръ; и такъ нынѣшній щасливой день возвращаетъ тебя нѣжнымъ твоимъ родителямъ, а тебѣ возвращаетъ совершенную свободу. вмѣсто отвѣта на сіи слова, я обняла отца моего, проливая слезы.

Въ сіи щасливыйя минушы, въ которыхъ мнѣ уже не чего было бояшся, не

могла я не сожалѣшь всемъ сердцемъ моимъ о судьбѣ несчастнаго Герцога Ч***. Увы! сказала я: естли бы я любила его, то онъ не впалъ бы во многіе пороки; онъ бы жилъ и былъ щасливъ! . . . Сія мысль была для меня весьма горестна и мучительна, и сердце мое на нѣсколько мибутъ наполнилось печалію. По томъ мы поѣхали. Приѣхавъ въ Римъ, насладилась я новымъ щастіемъ: въ восхищеніи обнимала я дочь мою, сію дражайшую, любезнѣйшую дочь, съ которою разспавалась я нѣкогда съ такимъ опчаяніемъ; я видѣла ее проливающую радостныя слезы, слышала съ нѣжностію произносимое имя матери. . . . Первые два дни была я въ нѣкоторомъ изступленіи, будучи оглушаема шумомъ, изумляема всемъ, и находя все щастіе свое въ объятіяхъ моихъ родителей и дочери моей. По томъ, пришедши въ себя, начала я чувспвоать цѣну и другихъ благъ, которыхъ лишена была полъ долгое время. Въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ находила я пріятнѣйшее и новое удовольствіе; все было для меня ушѣшнымъ зрѣлищемъ. Прогуливаясь въ первой разъ при свѣтѣ луны, чувспвовала я неописанное удивленіе и живую радость,

увидя

увидя снова сіе крошкое, ясное сіяніе, и небо усѣянное звѣздами. Прожаживаясь въ полѣ, или въ саду, на всякомъ шагѣ я останавливалась, чтобы во всей подробности разсматривать представлявшіеся зрѣнію моему предметы. Я не могла насыпиться разсматриваніемъ цвѣтовъ, плодовъ, деревъ, зелени, облаковъ, восходящаго и заходящаго солнца, зари — все сіе было для меня восхищительнымъ и величественнымъ зрѣлищемъ. Боже мой! восклицала я: какими чудесами окружилъ Ты насъ — чудесами, изъявляющими благость и премудрость Твою! Какіе драгоценные дары получаемъ отъ руки Твоей! Можно ли человѣку быть столь безчувственнымъ, чтобы на величественныя дѣла Твои взирать безъ вниманія, благоговѣнія и благодарности? Можешь ли онъ, наслаждаясь такими благами, почищать себя когда нибудь несчастливымъ? . . . Такимъ образомъ сердце мое съ восторгомъ предавалося безчисленнымъ удовольствіямъ. Видя себя въ помѣ домѣ, гдѣ я родилась, въ ксторомъ щекали щасливья лѣта моего дѣтства и юности моей, чувствовала я въ себѣ такую же радость; но признаюсь, что съ нѣкошорымъ непріятнымъ чувствомъ

увидѣла въ первой разѣ Маркизу Венузи, стариннаго моего друга и первую причину всего моего несчастія. Графъ Бельмиръ скоро пріѣхалъ къ намъ въ Римъ; и въ присутствіи моихъ родителей, Маркизы Венузи и нѣкоторыхъ родственныхниковъ нашихъ, рассказала я ему мою исторію. Когда я окончила ее, онъ бросился передо мною на колѣни, и, заливаясь слезами, съ великимъ жаромъ изъявлялъ мнѣ благодарность свою. Вы, говорилъ онъ, могли бы избавиться отъ всѣхъ претерпѣнныхъ вами мученій, если бы меня наименовали; но вы были столь великодушны, что лучше хотѣли все претерпѣть, нежели устремить на меня мщеніе озлобленнаго Герцога! Я низвергнулъ васъ въ эту ужасную бездну; и когда вы въ ней спенали, я жилъ и наслаждался свѣтомъ, котораго вы для меня лишены были! Смѣю ли надѣяться, что ставъ супругомъ вашимъ, нѣжнѣйшею моею къ вамъ любовію могу ошчастить наградить васъ за прошедшія сраданія ваши? Можеть ли ваше благородное и иѣжное сердце быть невѣрно? Уже ли несчастіе ваше совсѣмъ испребило въ васъ ту любовь, которой нѣкогда меня удоспоивали? . . . Отецъ мой

мой нѣжно обнялъ Графа Бельмира, и шѣмъ далъ мнѣ знать, что одобряетъ его любовь. Но что касается до меня, то изгнавъ уже давно изъ сердца моего ту спраспную любовь, которая нѣкогда была во мнѣ споль сильна, не могла я даже и представить себѣ, какъ могутъ люди ей предаваться. Помолчавъ около минушы, начала я говорить, и споль живо описала Графу Бельмиру разположеніе сердца моего, что онъ въ минушу потерялъ всю надежду. Онъ удалился изъ Рима на нѣкоторое время; но скоро опять къ намъ возвратился, и будучи утѣшенъ дружбою, которую ему я оказывала, навсегда оспался жить въ Римѣ.

Между шѣмъ день опѣ дня болѣе чувствовала я цѣну того щаспія, копорымъ наслаждалась. Проснувшись, начала я радоваться, начинала веселиться, осматриваясь въ комнашѣ, видя подлѣ себя постелю дочери моей, видя себя въ домѣ моихъ родителей. Мнѣ уже чудно казалось, что я могла жить безъ того щаспія, которое тогда вкушала; даже и шѣ вещи, копорыя служатъ единственнo къ забавѣ и удовольствію жизни, начали мнѣ казаться необходимыми для человекa.

Сіи мысли вселили вѣ меня нѣжнѣйшее сожалѣніе ко всѣмъ несчастнымъ. Девять лѣтъ спала я на соломѣ, перпѣла голодѣ, жажду, холодѣ; несчастію моему была я обязана пому чувству, которое насѣ наиболѣе Божеству уподобляетѣ. Я не могла слушать безѣ живѣйшей горестиспенанія бѣднаго, перебующаго моей помощи. Судьба его воспоминала мнѣ мою; я видѣла вѣ немѣ подобнаго себѣ чело-вѣка и находила чистѣйшее удовольствіе вѣ томѣ, чтобы утѣшать его и по возможности облегчать его участь. Я не довольствовалась тѣмъ, чтобы только тогда помогать ему, когда онѣ придетѣ ко мнѣ и будетѣ просить меня удовлетворить его потребностямъ; но я сама его искала. Не должно ли стараться предупреждать прозбу страдающаго, которой часто не смѣетѣ требовать самой слабой помощи, могущей спасти жизнь его? Сіе желаніе искать несчастныхъ и стараніе перемѣнять судьбу ихъ, было для меня не добродѣтелию, но самою необходимою потребностію сердца моего и самымъ сладостнѣйшимъ удовольствіемъ. Но чѣмъ болѣе привыкала я къ новымъ пріятностямъ жизни моей, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе дѣлало во мнѣ воспоминаніе моего

моего заключенія, и скоро не могла я ни говорить о прошедшемъ несчастіи своемъ, ниже спокойно слушать такіе разговоры, которые мнѣ напоминали его. Сія слабость произвела во мнѣ и многія другія слабости: я не могла сносить ни шемнопы, ни совершеннаго уединенія. Въ одну ночь погасла у меня свѣча; открывъ глаза и увидѣвъ себя въ глубокой пьмѣ, почувствовала такой ужасъ, что никакъ не могла ни преодолѣть, ни умѣрить его разсудкомъ своимъ — я закричала — и когда прибѣжали ко мнѣ люди, то нашли меня блѣдную, почти совсѣмъ безъ чувствъ и въ жестокихъ конвульсіяхъ. Сіи пустые страхи, сіи невольныя слабости, печальные плоды моего заключенія, не составляли еще всей моей горести. Меня болѣе огорчало то, что я не могла сама воспивать дочери моей; мнѣ надлежало снова учиться читать и писать. Но примѣчанія достойно то, что я почти ничего не забыла изъ читаннаго мною прежде. Бывъ цѣлыя девять лѣтъ совершенно праздною, занималась я воспоминаніемъ прошедшаго, и приводила себѣ на память со всѣми подробностями то, что я когда нибудь читала или слышала. Такимъ образомъ все сіе впечашлѣлось въ

моей памяти весьма сильно, такъ что я не могла бы того помнить споль живо, еспьли бы жила все въ свѣтѣ. Мнѣ было дващцать семь лѣтъ, когда я вышла изъ шемницы, а дочери моей десять; когда же ей минуло пятнаццать лѣтъ, и когда она могла уже обойтись безъ учителей, могши сама собою далѣе успѣвать въ наукахъ, къ копорымъ она пристраспилась съ самаго своего младенчества: то я начала помышлять о шихомъ уединеніи, въ копоромъ мнѣ давно уже хотѣлось провести осташокъ моей жизни; къ тому же и воздухъ многолюднаго города былъ вреденъ для моего здоровья. И такъ отецъ мой купилъ землю въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима, гдѣ построили мы проспой и покойной домъ, и скоро совсѣмъ переѣхали туда жить. Графъ Бельмиръ, по дружбѣ ко мнѣ и ко всему нашему дому, не захошѣлъ отъ насъ отстать и поѣхалъ съ нами.

Около чепырехъ лѣтъ живу я въ семѣ уединеніи и наслаждаюсь совершеннымъ здоровьемъ, стараясь упѣшать нѣжныхъ родителей моихъ и быть достойною ихъ любви ко мнѣ. Достоинства дочери моей, ея ко мнѣ привязанность,
ея

ея нѣжность, суть для меня источникъ величайшихъ радостей. Здѣсь-то всякой день благодарю я Небо за вкушаемое мною щастіе и даже за всѣ прошедшія мои страданія, которыя сердце мое очистили отъ многихъ пороковъ и дали мнѣ почувствовать, что одна Религія есть для человѣка средство къ блаженству. Здѣсь-то опять отвыкла я отъ многихъ мнимыхъ потребностей, которыя соспавляютъ всегда большія или меньшія препятствія къ достиженію истиннаго спокойствія; здѣсь преодолѣла свою слабость, и могу не только безъ ужаса, но еще и съ удовольствіемъ разсуждать о горестныхъ приключеніяхъ жизни моей. Здѣсь-то готовлюсь повергнуться въ объятія моего Господа.

ПУСТЫННИКЪ.

Господинъ Девисъ, молодой Англичанинъ, путешествуя по всей Европѣ, пріѣхалъ наконецъ въ Швейцарію. Сія Земля ему опмѣнно полюбилась. Прекрасныя мѣста, великолѣпныя виды, естественно доброй характеръ жителей, простота ихъ

ихъ — все сіе сдѣлало вѣ немѣ сильное впечатлѣніе и побудило его прожить вѣ Швейцаріи долгое время. Часпо ходилъ онѣ по Алпійскимъ горамъ одинѣ, не бравѣ для безопасности своей никакихъ проводниковѣ вѣ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмѣ не слышно о разбойникахъ — гдѣ всякой, не будучи богатѣ, доволенѣ своимѣ состояніемѣ. Г. Девисѣ, отпра- вляясь вѣ сіи пріятныя путешествія, всегда бралѣ съ собою деньги; но всегда же приносилѣ ихъ и назадѣ, не изпра- шивѣ изѣ нихъ ничего. Пастухи угоща- ли его безденежно, давали ему лучшее молоко, лучший сырѣ, лучший хлѣбѣ; бо- лѣе у нихъ ничего не было — болѣе ничего онѣ и не спрашивалѣ. За обиду почишали они, когда онѣ хотѣлѣ запла- тить деньгами за угощеніе ихъ. „У насѣ всего довольно, говорили они: начпо намѣ твои деньги? Сказавѣ отѣ всего сердца *спасибо*, щедро заплашишь намѣ за на- ше гостепрїимство. „

Вѣ одинѣ день Г. Девисѣ сбился съ дороги; но сіе ни мало его не безпокоило. Онѣ шелѣ далѣе по незнакомымъ мѣ- стамѣ, и, будучи отѣ природы склоненѣ кѣ меланхоліи, погружался вѣ глубокомѣ

раз-

размышленіи. Между пѣмъ небо, до сей минушы ясное, покрывалось черными облаками; поднялась буря, сдѣлалась гроза и пошелъ сильной дождь. День совершенно въ ночь превратился; глухой шумъ разносился по горамъ. Нашъ путешественникъ вышелъ изъ задумчивости своей — для того, чтобы восхищаться величественнымъ зрѣлищемъ. Молнія, разрѣзывая тучи и извиваясь по вершинамъ высокихъ горъ, которыя и въ ясные дни бывають не видны, освѣщала ихъ гордыя главы, вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ покрышыя. Какое впечатлѣніе долженъ былъ сдѣлать такой великолѣпной видъ въ сердце чувствительномъ къ красотамъ Натуры! Можеть ли искусство когда нибудь представить взору нашему такую важную картину? Сердце Англичанина билось въ восторгѣ. Онъ смотрѣлъ, вникалъ — душа его возвышалась, возвеличивалась. Наконецъ дождь иппи пересталъ; но небо было еще мрачно, молнія еще блиспала, хотя уже и не столь часто, не столь сильно, и громъ гремѣлъ еще въ тучахъ. Г. Девисъ почувствовалъ великую усталость. Въ тотъ день прошелъ онъ пѣшкомъ нѣсколько миль; къ тому же дождь промочилъ

мочилъ его насквозь, и плащье на немъ спало весьма тяжело, такъ что онъ не въ состоянїи былъ итти далѣе и сѣлъ на праву. Спало гораздо свѣплѣе. Облака пончали, раздѣлялись, разсѣвались; буря утихла, дождевая вода съ шумомъ текла по горамъ. Верхи деревъ, отъ сильнаго дождя наклонившіеся, начинали мало помалу подниматься; легкой вѣсперокъ спрясалъ съ листочковъ воду. Вся Напура, во время грозы пребывавшая въ благоговѣйномъ молчанїи, снова приходила въ движеніе, бывъ оживлена приливомъ пишательнаго сока. Прекрасная Ириса показалась на южномъ небѣ, занимствуя разноцвѣтной блескъ свой отъ лучей Фсба. Наконецъ явился и самъ царь свѣша — Напура улыбнулась, и круговращеніе ея спало быспрѣе и живѣе. Пшички, пряпавшіеся отъ дождя подъ листочками, вдругъ всѣ вылетѣли и запѣли обыкновенныя свои веселыя пѣсни, разпуская свои перья и сушася на солнцѣ.

Г. Девисъ смотрѣлъ на все съ великимъ удовольствїемъ; нѣсколько уже лѣтъ былъ онъ влюбленъ въ прелестную Напуру, и всякое дѣйствїе, всякое движеніе ея было для него прїятно. Вниманіе,
съ

съ которымъ онъ разсмапривалъ все представлявшееся глазамъ его и слушалъ пѣніе пшичекъ, было прервано легкимъ шумомъ, кошорой услышалъ онъ позади себя. Оборотившись, увидѣлъ онъ выходящаго изъ маленькаго орѣховаго лѣску спараго почпеннаго человѣка, просто, но хорошо одѣшаго, держащаго въ рукѣ книгу и прямо къ нему идущаго. Г. Девисъ вспалъ. Незнакомой, подошедши къ нему, снялъ шляпу, поклонился ему и съ ласковою улыбкою пожалѣлъ, что дождь его вымочилъ. Г. Девисъ опевѣчалъ, что не смопря на то, онъ очень доволенъ своею прогулкою; что онъ весьма любилъ прогуливаться во время бури и грозы, слушаешь громъ и смопрѣшь на молнію. По произношенію вашему, сказалъ незнакомой — они говорили по Нѣмецки — кажется, что вы иностранецъ? Такъ, государь мой, опевѣчалъ Г. Девисъ: я Англичанинъ. Незнакомецъ посмопрѣлъ на него приспально и позвалъ его къ себѣ въ домъ, кошорой, говорилъ онъ, былъ опшуда въ нѣсколькихъ шагахъ. Плашье ваше намокло, продолжалъ онъ: надобно его высушить. Англичанинъ съ благодарностію согласился на его предложеніе, и пошелъ съ нимъ черезъ орѣховой лѣсокъ.

сокѣ. Они вышли на лугѣ, посрединѣ копораго былѣ маленькой прекрасной домикѣ, обсаженной большими елями. Здѣсь живу я, сказалѣ незнакомецѣ, и повелѣ Англичанина вѣ домѣ. Ихѣ встрѣтилѣ старой слуга, копорой, поклонясь Г. Девису, отворилѣ двери. Иванѣ! сказалѣ ему почтенной хозяинѣ: приготовь вѣ моемѣ кабинетѣ платье для эпова Господина; подай ему кафтанѣ моего сына — онѣ ему будетѣ впору — а его платье высуши на солнцѣ. Онѣ ввелѣ Г. Девиса вѣ залу, чисто прибранную, и просилѣ его сѣсть. По томѣ началѣ его спрашивать, давно ли онѣ вѣ Швейцаріи, откуда приѣхалѣ и сколько лѣтъ путешествуешь. Г. Девисѣ, отвѣщая на его вопросы, примолвилѣ, что желаніе познакомиться сѣ известными учеными людьми и славными писателями, есть главная причина путешествія его. Между тѣмѣ пришелѣ слуга и сказалѣ, что платье для гостя приготовлено. Г. Девисѣ, поблагодаря своего хозяина за его услужливость, пошелѣ переодеваться кѣ нему вѣ кабинетѣ, гдѣ увидѣлѣ множество книгѣ, астрономическихѣ трубѣ и микроскоповѣ, и по тому догадался, что онѣ вѣгостяхѣ у человека

вѣка

вѣка ученаго. Возвратившись къ хозяину своему въ залу, сообщилъ онъ ему догадку свою. Правда, ошебчалъ онъ, что я въ наукахъ упражняюсь; однакожь названіе ученика принадлежитъ мнѣ болѣе, нежели названіе ученаго. Сказавъ сіе, велѣлъ онъ человѣку своему приготовить обѣдъ, и повелъ молодого Англичанина на балконъ, съ котораго видны были синѣющіеся хребты высочайшихъ Алпійскихъ горъ и множество большихъ озеръ. Семь лѣтъ живу я въ этомъ уединеніи, сказалъ пустынный: въ жизни своей имѣлъ я великія огорченія, и лишился многаго шакого, что было драгоцѣнно моему сердцу; но, благодаря Бога! я нашелъ утѣшеніе въ лучшемъ понятіи о истинномъ человѣческомъ благѣ — понятіи, которое сообщили мнѣ науки, сообщивъ мнѣ лучшее понятіе о всемъ окружающемъ насъ. — Англичанинъ смотрѣлъ на него съ великимъ вниманіемъ; онъ почувствовалъ великое желаніе знать его исторію, но удерживалъ свое любопытство, боясь быть нескромнымъ. Пустынный примѣтилъ его желаніе. Если вамъ угодно, сказалъ онъ, то я подробно расскажу вамъ мои приключенія; только прежде опобѣдайте со мною и оп-

дохните. Г. Девисъ обнялъ своего хозяина, увѣряя, что ему весьма хочется знать обстоятельство жизни такого человека, которой, по видимому, имѣлъ весьма много опытовъ, и которой наконецъ въ собственномъ своемъ сердцѣ нашелъ источникъ удовольствій.

Пустынникъ спрашивалъ у Англичанина, съ кѣмъ онъ знакомъ въ Швейцаріи. Путешественникъ сказывалъ, что онъ былъ раза три у славнаго Бисп., посѣщалъ почтеннаго Бдмр. и коротко познакомился съ пріятнымъ Гснр. и великимъ Лф. — Послѣ обѣда пустынникъ опвелъ молодаго Англичанина въ свою спальню; просилъ его отдохнуть, а самъ пошелъ въ свой кабинетъ. Г. Девисъ спалъ крѣпкимъ сномъ около четырехъ часовъ. Проснувшись, вышелъ онъ на балконъ, куда пришелъ къ нему и почтенной хозяйнѣ его, которой по томъ началъ рассказывать испорію свою слѣдующимъ образомъ:

Отецъ мой, Баронъ В*, служилъ долгое время въ Императорскихъ войскахъ, долженъ былъ наконецъ, за болѣзнію своею, итти въ отставку. За хорошую службу его опредѣлили ему по смерти его пенсію.

сіонѣ. Кромѣ меня не было у него дѣшей. Лишась супруги своей черезъ два года послѣ своей женидѣбы, полагалъ онѣ во мнѣ все свое утѣшеніе и старался меня хорошо воспитывать. До двѣнадцати лѣтъ учился я дома разнымъ языкамъ. На тринадцатомъ году отвезъ меня родитель мой въ Лейпцигъ и поручилъ Профессору Л*, къ которому имѣлъ онѣ полную довѣренность, и подѣ предводительствомъ котораго надлежало мнѣ учиться въ тамошнемъ Университетѣ; самъ же возвратился въ Вѣну. Я учился съ великою прилѣжностію, и въ шестнадцати лѣтъ имѣлъ уже изрядное понятіе о Философіи, Математикѣ, Физикѣ и Химіи. Въ сіе время скончался мой родитель. Извѣстіе о смерти его меня поразило; я весьма нѣжно любилъ его. Предавшись сердечной скорби своей, нѣсколько дней я беспрестанно плакалъ, не могъ учиться и не выходилъ изъ своей комнаты. Профессоръ Л*, у котораго я жилъ, всячески старался меня утѣшать. Любезной другъ! говорилъ онѣ мнѣ: слезами не возвратишь ты жизни отцу своему. Почти память его не чрезмерною горестію, а хорошею жизнію; вѣшь способъ доказать любовь къ роди-

шелю, копорой при смерши своей молилЪ Бога, чшобы шы былЪ доброй человѣкѣ. Онѣ хопѣлѣ сдѣлать сердце швое честнымѣ и просвѣпитъ разумѣ швой науками: исполняй же волю его; продолжай прилѣжно учись; будь достойнымѣ сыномѣ покойнаго друга моего., — Такія наставленія произвели во мнѣ желанное дѣйствіе. Я началъ учись еще прилѣжнѣе прежняго.

У меня не было родспвенниковѣ; не было никакого дохода: ибо отецѣ мой жилѣ однимѣ пенсіономѣ, копорой и окончался сѣего смершию. Все мое имѣніе соспоало вѣ трехѣ тысячахѣ талеровѣ, которые онѣ сберегѣ для меня весьма умѣренною своею жизнию, и которые по кончинѣ его мнѣ доставлены были. Профессорѣ Л*, будучи моимѣ опекуномѣ; употребилѣ ихѣ вѣ торгѣ черезѣ одного Голландскаго купца, пріятеля своего. — Кромѣ шѣхѣ книгѣ, копорыя сообщали мнѣ пространнѣйшее понятіе о наукахѣ, любилѣ я чипать и Поэтовѣ, а особливо Англійскихѣ. Частпо приходила ко мнѣ охопса самому писать. Всѣ свои сочиненія прочипывалѣ я Профессору Л*; онѣ безпристрастно кришиковалѣ ихѣ, замѣчалѣ недостатки:

и нѣкоторыя небольшія красоты: но всегда совѣщывалъ мнѣ болѣе читать, нежели писать, говоря, что я еще не могу быть полезнымъ Авторомъ. Между тѣмъ мнѣ минуло двадцать лѣтъ. Въ день моего рожденія, поутру, вошелъ ко мнѣ мой благодѣтель, обнялъ меня и поздравилъ со вступленіемъ на двадцать первой годъ. Мой другъ! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ: я пришелъ сдѣлать тебѣ нѣкоторое предложеніе, которое, сколько догадываюсь, будетъ тебѣ пріятнѣе всякаго подарка. Я приготовился со вниманіемъ слушать его. „Ты довольно успѣлъ въ наукахъ, продолжалъ онъ: ты слушалъ лекціи моральной Философіи, которая изъясняетъ намъ природу человека; но всѣ теоретическія познанія въ нѣкоторомъ смыслѣ суть мертвыя познанія — ихъ надобно оживить практикою, то есть обхожденіемъ съ людьми, внимательнымъ наблюденіемъ движеній сердца человеческого въ обществѣ. Родъ нынѣшней жизни твой не шакое, чтобы ты могъ изъ опытовъ многому научиться — чтобы тебѣ было удобно разсматривать человека. И такъ, любезной другъ, оставь Университетъ — отправимся путешествовать по Европѣ;

ибо разумной, внимательной путешественникъ имѣешь случай приобрести шѣ живыя познанія о сердцѣ человѣческомъ, копорыя имѣють весьма сильное вліяніе на щастіе наше. „ — Я обнялъ благодѣтеля моего, и, проливая слезы, благодарилъ его за всѣ опеческія его обо мнѣ попеченія. Онъ самъ заплакалъ, называлъ меня любезнымъ сыномъ, утѣщеніемъ своимъ. Воспитывая себя, говорилъ онъ, нащелъ я въ жизни своей новыя прилжности; всѣ мои знанія, копорыя приобрѣлъ я долговременнымъ ученіемъ и многими опытами, спали для меня драгоценнѣе, пошому что я могъ и могу сообщать ихъ тебѣ. У насъ есть сполько денегъ, продолжалъ онъ, что мы можемъ нѣсколько лѣтъ путешествовать, да я сполько еще останешся, что намъ, при умѣренной жизни, будетъ чѣмъ жить, когда возвратимся въ наше опечество.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того выѣхали мы изъ Лейпцига; объѣздили всю Германію, посѣщали многихъ ученыхъ людей, изъ копорыхъ съ каждымъ Профессоръ Л* говорилъ нарочно о томъ, въ чемъ онъ наиболѣе свѣдущъ былъ, чтообы я могъ получишь болѣе пользы отъ

отъ такихъ посѣщеній. Онъ находилъ знакомыхъ во всей Германіи. Мы были благосклонно приняты при дворахъ многихъ Нѣмецкихъ Князей. Двору Вѣнскому былъ я представленъ какъ сынъ храбраго Полковника, пользовавшагося всегда опмѣнною милосцію его. Мнѣ предлагали выгодное мѣсто; но я, поблагодаря за такую милость, предоставилъ себѣ впредь ею пользоваться, весьма желая продолжать свое путешествіе. Изъ Вѣны поѣхали мы во Францію. Будучи въ Парижѣ, захошѣлось мнѣ видѣться съ славнымъ Фернейскимъ *Философомъ*. Профессоръ Л* былъ увѣренъ, что я ничего не могу отъ него занять; однакожь, желая, чтобы я опытно въ томъ увѣрился, доставилъ мнѣ случай быть у него, не хошѣвъ самъ ѣхать къ нему. Я пріѣхалъ къ Господину В* съ однимъ изъ его пріятелей, которой, оставя меня въ залѣ, пошелъ предувѣдомить его о моемъ пріѣздѣ. Я слышалъ, что они говорили въ другой комнашѣ. Молодой Нѣмецкой ученой, сказалъ господину В* пріятель его, восхищенной вашими сочиненіями, желаетъ имѣть щастіе видѣть самаго Авшора, первѣйшаго *Философа* и *Поэта* нашего вѣка. Такой докладъ мнѣ весьма

не полюбился. При словахъ: *qu'il entre!* отворились двери. Я вошелъ, и послѣ учтиваго поклона, сказалъ Господину В*, что слава его возбудила во мнѣ любопытство видѣть его самаго. Онъ ожидалъ отъ меня, можетъ быть, великолѣпнѣйшаго привѣтствія, и попому обошелся со мною довольно сухо. Какія изъ моихъ сочиненій вы читали? спросилъ онъ. Одну Генрияду, и то не всю, отвѣчалъ я. Онъ нахмурился, а пріятель его покраснѣлъ. Я начиналъ было говорить о наукахъ; но Г. В* не хотѣлъ впускаться въ такую матерію, а довольствовался только шушками на щетъ нашихъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Я пошутилъ надъ его шушками, а онъ разсердился и въ жару своемъ наговорилъ для меня много обиднаго. По томъ я опкланялся ему весьма хладнокровно, и, выходя изъ комнашы, услышалъ громко произнесенныя имъ слова: *quelle impertinence!* Приѣхавъ домой, рассказалъ я Профессору Л*, какъ принялъ меня В*, и что говорилъ. Я не ожидалъ ничего лучшаго отъ этого посѣщенія, отвѣчалъ онъ: теперь суди самъ, можно ли по справедливости называть Философомъ такого человѣка, которой хочетъ только шушить!

Во Франціи пребыли мы не долѣе осьми мѣсяцовъ и побѣжали въ Англiю. Вышедши на Англiйской берегъ, почувствовалъ я радость въ сердцѣ своемъ. Съ самаго моего дѣтства любилъ я Англiю. Все, что попадалось мнѣ въ глаза, казалось мнѣ прiятнымъ. Смотря на поля, покрытыя хлѣбомъ, и деревни, хорошо построенныя, пожалъ я руку у Профессора Л* и сказалъ: вошъ Земля, которую прилѣжанiе возвело на высочайшую степенъ политическаго совершенства! Какое вездѣ изобилiе! какое равнодушное спокойствiе изображается на лицѣ каждого поселянина, увѣреннаго въ достаточномъ пропитанiи! Смотря на бѣдность и изнеможенiе Французскихъ крестьянъ, сердце мое сжималось; но видѣ трудолюбивыхъ и богатыхъ Англiйскихъ поселянъ восхищаетъ меня. — Тебѣ здѣсь кажется все хорошимъ, отвѣчалъ съ улыбкою Профессоръ Л*: однакожь Англiя есть подлинно одно изъ совершеннѣйшихъ политическихъ обществъ. Всемъ своимъ благосостоянiемъ обязана она мудрости своихъ Законодательей, которые, зная хорошо человека, умѣли вселить въ сердца согражданъ своихъ охоту къ трудамъ, предлагая за то щедрое награжденiе.

Духъ прудолобія, духъ соревнованія въ прудахъ обогатилъ Англію многими славными опкрышіями, за копорыя весь родъ человѣческой обязаѣ ей благодарностію. Здѣсь цвѣшешъ коммерція; но цвѣшъ ея скоро бы увялъ, еспьли бы духъ національнаго прудолобія переспалъ оживлять ее.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, остановились мы въ пракширѣ. На другой день поѣхали къ Лорду Р*, къ копорому были съ нами письма изъ Вѣны отъ родственниковъ его супруги; ибо Лордъ женатъ былъ на Нѣмкѣ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и представилъ своей супругѣ, дочери и сыну. Мы обласканы были всею фамилією. Лордъ удержалъ насъ у себя обѣдать. Лади Р* посадила меня подлѣ себя и разспрашивала о новыхъ произведеніяхъ нашей Липшпературы. Нельзя было выбрать лучшей матеріи для разговора со мною. Я перечелъ ей всѣхъ нашихъ новыхъ Писателей и Спихопворцовъ, и описывалъ ей красоты ихъ швореній. Миссъ Р*, сидѣвшая съ другой стороны подлѣ своей матери, также предлагала мнѣ нѣкопорые вопросы касательно Липшпературы. Она очень хорошо говорила по Нѣмецки и читала многихъ

гихъ нашихъ Авторовъ. Я началъ говорить объ Англійскихъ Поэсахъ, Миссъ Р* хвалила нѣкоторыхъ изъ нихъ, и похвалы ея были такъ справедливы и шонки, что я удивился ея разуму и знаніямъ. Когдажъ я похвалилъ ея вкусъ въ Поэзіи, она покраснѣлась, и съ улыбкою признала похвалы мои за одну учпивость. Между тѣмъ Профессоръ Л* разговаривалъ съ Лордомъ и сыномъ его. — Мы пробыли у нихъ до самаго вечера. Когда прощались съ ними, то Лордъ и Лади просили насъ чаще посѣщать ихъ. Поблагодаривъ ихъ за ласку ихъ, мы поѣхали. Пріѣхавъ домой, Профессоръ Л* шушкою замѣшилъ, что я слишкомъ люблю говорить о Липшерашурѣ. Не всѣ любяшъ то, что мы любимъ, сказалъ онъ: впрочемъ я не говорю точно о нынѣшнемъ швоемъ разговорѣ; пошому что Лади и Миссъ Р* слушали меня, кажется, съ непритворнымъ вниманіемъ.

Мы ѣздили къ Посланнику Вѣнскаго Двора и къ Барону Т*, копорой познакомилъ насъ съ нѣкоторыми знашными домами и со многими учеными; но нигдѣ не было мнѣ такъ весело, какъ въ домѣ у Лорда Р*, къ копорому мы весьма часто спали ѣздишь. Все семейство его

мнѣ

мнѣ полюбилось. Самъ Лордъ былъ чело-
вѣкъ веселой и обходительной, и хотя
уже ему минуло пятьдесятъ лѣтъ, одна-
кожь онъ былъ весьма живъ. Часто вхо-
дилъ онъ въ горячіе споры, казался сер-
дитымъ, но въ самомъ дѣлѣ никогда не
сердился. Любимая его матерія была
Полишика. Онъ читалъ полишическія
сочиненія Аббата Мабли, держался его
системы и образъ Спартанскаго пра-
вленія предпочиталъ всякому иному. Бра-
нилъ искусства, бранилъ коммерцію, и
почиталъ ихъ источникомъ пагубной
роскоши, и, какъ говорилъ онъ, *разсла-
бленія нервъ всѣхъ націй*, гдѣ онъ про-
цвѣтали. Я съ нимъ спорилъ чаще, не-
жели Профессоръ Л*, которой вообще
былъ очень скромнѣе. Когда уже мы
коротко съ нимъ познакомились, то онъ
обыкновенно называлъ меня *любезнымъ
педантомъ*. Не могъ перпѣшь чиновъ,
любилъ вольность въ обхожденіи, шулки
и всегда говорилъ то, что думалъ. —
Лади Р* имѣла весьма доброе сердце и
хорошій разумъ; любила много говорить,
читала много романовъ и стихотвор-
цовъ. Миссъ Софія была дваццати двухъ
лѣтъ, и характеръ имѣла самой Ангель-
ской, сердце весьма нѣжное, разумъ про-
ница.

ницапельной и просвѣщенной многими знаніями. Она знала по Нѣмецки, по Французски и по Италіянски. Весьма много читала философическихъ книгъ и имѣла склонность къ Поэзіи. Говорила немного, но всегда основательно и разумно. Никогда не входила въ споры и всегда переспавала говорить, какъ скоро ей прошиворѣчили. Не занималась нарядами и всегда просто одѣвалась. Не любила публичныхъ собраній, кромѣ Театра, въ которомъ не рѣдко ѣздила съ своею матерью, а особливо, когда представляли Шекспировы Дамы, которыхъ красота она живо чувствовала. — Сирѣ Карлѣ, которому минуло дванцать три года, былъ добросердечной молодой человекъ, зналъ многіе языки, но не любилъ читать, и лучшую свою забаву находилъ въ охотѣ. Любилъ также скакаться на лошадяхъ и держащъ большіе заклады, такъ что Лордъ часто долженъ былъ платишь за его шалости по нѣскольку сотъ фунтовъ сперлинговъ. Впрочемъ онъ былъ такъ добродушенъ, что не лзя было его не любить.

Цѣлые дни проводили мы у нихъ въ домѣ. Лади Р * меня очень полюбила, часто ходила со мною въ свой кабинетъ.

и рассказывала мнѣ самыя прогашельнѣйшія мѣспа изъ чипанныхъ ея романовъ. Часпо говорила о помѣ, какъ въ первой разѣ увидѣлъ се въ Вѣнѣ Лордъ Р*, какъ въ нее влюбился, и какія шрудности надлежало преодоаѣшь, чшобы ей вышши за него за мужъ. „Я ни сѣ кѣмъ не могу разговаривать такъ искренно, какъ сѣ вами, говорила она: племянникъ мой описалъ мнѣ васъ такими красками, чшобы я полюбила васъ по одному письму его. А шеперь чѣмъ болѣе васъ узнаю, шѣмъ болѣе нахожу въ васъ любезныхъ свойствъ.„ Я цаловалъ у нее руки, а она отъ чувствительности плакала. — Лордъ любилъ со мною спорить и часпо не пускалъ меня въ кабинетъ къ Лади, говоря ей: зачѣмъ ты уводишь его отъ меня? Ты рассказываешь пустыя сказки, а мы говоримъ сѣ нимъ о дѣлѣ. Ну, любезной спорщикъ, доказывай, чшо не лъзя нынѣ составить такого политическаго общества, въ которомъ бы у всѣхъ членовъ было общее имѣніе! „Между шѣмъ не всегда слушалъ онъ мои доказательства, а любилъ сказывать свои. — Софія рѣдко выходила къ намъ изъ своей комнашы прежде обѣда и по обыкновенію

всёю своему большую часть дня проводила въ чтеніи. Послѣ обѣда бывала она свидѣтельницаю нашихъ споровъ съ Лордомъ, или нашихъ нѣжныхъ разговоровъ съ ея матерью. Я искалъ случая говорить съ нею, и всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ слушалъ ея разсужденія. Иногда читали мы съ нею въ кабинетѣ у Лади Англійскихъ Спихопворцовъ. Однажды, читая Томсонову Осень, при стихахъ:

— — — for loveliness
Needs not the foreign aid of ornament,
But is, when unadorn'd, adorn'd the most.

[То есть: ибо любезность не имѣетъ нужды въ нуждой помощи украшенія; и неукрашенная бываетъ украшеннѣйшею] взглянулъ я на нее: она закраснѣлась, и пошупила глаза въ землю. Я перевернулъ листъ и прочиталъ въ другой разъ стихи:

The modest virtues mingled in her eyes,
Still on the ground dejected, darting all
Their humid beams into the blooming
flowers.

[То есть: Скромныя добродѣтели соединялись въ ея глазахъ, всегда въ
землю

землю потупленныхъ и изливающихъ всѣ влажные лучи свои на цвѣтущіе цвѣты.]
Она посмотрѣла на меня съ важнымъ видомъ, и въ глазахъ ея примѣшно было нѣкоторое неудовольствіе. Я продолжалъ читать; но она не имѣла уже вниманія, и такимъ образомъ окончалось наше чтеніе. Профессоръ Л* былъ при семъ случаѣ свидѣтелемъ; однакожь ни слова мнѣ не сказалъ, и вообще давалъ мнѣ волю въ моихъ поступкахъ, хотя не укрывалось отъ него никакое движеніе моего сердца. Онъ не хотѣлъ ни въ чемъ принуждать меня. Часно, когда онъ предлагалъ мнѣ ѣхать къ какому нибудь ученому человѣку, я отговаривался головною болію или инымъ чѣмъ, а черезъ часъ просилъ у него позволенія итти къ Лорду Р*. Онъ улыбался, и шуткою говорилъ мнѣ, что я нахожу уже большее удовольствіе въ разсужденіяхъ о Поэзіи и въ чтеніи Томсона и Шекспира, нежели въ метафизическихъ бесѣдахъ съ Англійскими учеными, и слѣдственно явно отдаю преимущество Поэзіи передъ науками. Между шѣмъ никогда меня не удерживалъ, и всегда по желанію моему ходилъ со мною къ Лорду Р*; иногда же отпускаялъ меня куда одного.

У Лорда рѣдко бывали гости, потому что онъ самъ ни къ кому не ѣздилъ; но весьма часто бывалъ у него молодой Графъ С*, которой при насъ уже возвратился изъ Парижа, живши тамъ около года. Онъ старался приобрести благосклонность Лорда и Лади Р*, и при томъ такими средствами, которыя мнѣ не нравились. На примѣръ, онъ всегда льстилъ имъ и осыпалъ ихъ кшапи и не кшапи великими похвалами. При всемъ томъ себя хвалилъ онъ еще болѣе, нежели ихъ. Не было такой вещи, которую почиталъ бы онъ для себя неизвѣстною; при всякомъ случаѣ хотѣлъ показывать свои знанія, которыя въ самомъ дѣлѣ были очень не велики, и говорилъ обо всемъ рѣшительно. Когдажъ Лордъ или Лади въ чемъ нибудь ему противорѣчили, то онъ въ минушу съ ними соглашался, говоря, что онъ только худо изъяснился, а думаетъ съ ними одно; но когда противорѣчилъ ему Профессоръ Л*, Сиръ Карлъ или я, то онъ упорно защищалъ свое мнѣніе и выдумывалъ множество лжей для подтвержденія его. Профессоръ Л* бывалъ въ такихъ случаяхъ весьма хладнокровенъ, не хотѣлъ прямо уличать его въ неправдѣ,

Часть XV. Но. 30. Г и

и переставалъ говорить, видя его сердящагося; но я, будучи молодъ и горячъ, часто входилъ съ нимъ въ жаркіе споры. Лордъ и Лади старались насъ въ такихъ случаяхъ мирить; а особливо Лади, бравшая часто мою сторону и любившая меня всегда болѣе, нежели его, какъ онъ ни старался ей льстить. Опытной другъ мой просилъ меня никогда не горячиться, не спорить съ Графомъ С., и давать ему волю говорить все, что ему угодно. Ты ничѣмъ не можешь доказать ему несправедливость его мнѣній, говорилъ онъ: споря съ нимъ, огорчаешь ты Лорда и Лади, которые любятъ его; и еслии не хочешь разорвать дружбы съ домомъ ихъ, то тебѣ необходимо надлежитъ быть хладнокровнѣе и уступать Графу. Я послушался его совѣта, и съ того времени старался удерживать свою горячность. Однакожь Графъ не любилъ меня, а я его. Сиръ Карлъ совѣмъ не могъ его шептѣть и старался всегда досаждать ему, такъ что Графъ часто жаловался на него Лорду, которой въ такихъ случаяхъ бранилъ сына своего за его грубость. Съ Софіею обходился онъ весьма учтиво и старался входить съ нею въ разговоры; однакожь она, казалось, убѣгала того.

При-

Пришедши однажды къ Лорду, никого не нашелъ я въ гостиной комнатѣ; мнѣ сказали, что онъ сидитъ запершись въ своемъ кабинетѣ съ Графомъ, а Лади нездорова и лежитъ въ постель. Я не зналъ, куда мнѣ ийти, и сѣлъ въ залъ. Черезъ минуту вошла Софія. Увидѣвъ ее, весьма я испугался: она была вся заплакана и блѣдна какъ мертвая. Что такое сдѣлалось, сударыня? спросилъ я, подбѣжавъ къ ней. Она пришла въ замѣшательство, и когда я повторилъ свой вопросъ, отвѣчала мнѣ, что Лади занемогла; по томъ поспѣшъ ушла назадъ. Узнавъ, что Сиръ Карлъ дома, пошелъ я къ нему въ комнату, нашелъ его сидящаго на креслахъ и опирающаго слезы. Что такое у васъ сдѣлалось? спросилъ я, будучи въ великомъ безпокойствѣ. Сиръ Карлъ вскочилъ и бросился меня цаловать. „Любезной другъ! сказалъ онъ, обнимая меня: я вчера былъ у себя, чтобы рассказать тебѣ наше печальное приключеніе, но не заспалъ себя дома. Графъ, котораго я не могу перпѣть за подлую душу и хваспливость его, влюбился въ мою сестру; вчера открылась причина, для чего такъ часто ѣздилъ онъ въ нашъ домъ, и для чего такъ

примѣтно льстилъ батюшкѣ и мапушкѣ. Вчера поушру пріѣхалъ онѣ къ намѣ, вызвалъ батюшку въ кабинетѣ, открылъ ему свою любовь къ Софіи, и со слезами говорилъ, что щастіе его теперь у него въ рукахѣ, и есшли онѣ не опдаспѣ за него своей дочери, по сдѣлаетѣ его на вѣкѣ несчастнымѣ. Отецѣ мой, ослѣпленной знатностію и боѣашспвомѣ его, обнималъ его и увѣрялъ, что онѣ за честь почтетѣ имѣть его своимѣ зятемѣ. По томѣ пошелъ сѣ Графомѣ къ мапушкѣ и сѣ веселымѣ лицомѣ говорилъ ей, какѣ Графѣ влюбленѣ въ Софію, какѣ униженно проситѣ выдать ее за него, и что онѣ самѣ почиаетѣ за щастіе вступишь въ такую связь сѣ знатною Графскою фамилію, и надѣетѣся, что мапушка будетѣ на то согласна, и что Софія конечно послушается своихѣ родителей. Кѣ тому же, примолвилъ онѣ, Графѣ молодѣ, хорошѣ, уменѣ — Софія вѣрно сама влюблена въ него. Я поблѣднѣлъ, услышавѣ это. Мапушка подумала и отвѣчала, что она сѣ своей стороны на то согласна, есшли Софія по длинно любитѣ Графа и захочетѣ быть его супругою. Вѣрно захочетѣ, сказалъ батюшка, и велѣлъ позвать сестру. Она

вошла. Батюшка объявилъ ей желаніе Графа, и выхвалялъ его достоинства. Нельзя, сказалъ онъ, чтобы Графъ тебѣ не нравился, и чтобы ты, согласно съ волею родительскою, не захопѣла быть его супругою. Софія стояла неподвижно — всѣ молчали — батюшка требовалъ отвѣта. Наконецъ сестра прещущимъ голосомъ отвѣчала, что она еще очень молода и никогда не думала о замужствѣ. Нужды нѣтъ! сказалъ съ жаромъ батюшка: думай шеперь. Однимъ словомъ, любезная дочь, продолжалъ онъ, мы надѣемся, чтобы ты изъ одного повиновенія къ родителямъ вышла за Графа, естли бы и никакой любви къ нему не чувствовала, чего однакожь быть не можетъ. Матушка сказала, что она никакъ не хочетъ принуждать своей дочери къ замужству, какъ бы оно ни было выгодно для фамиліи ихъ. Софія заплакала, целовала руки у матушки, и сказала, что она, говоря согласно съ своимъ сердцемъ, должна признаться, что не чувствуетъ никакой склонности къ Графу, какъ онъ впрочемъ ни достоинъ ея почтенія. Графъ, стоявшій до того времени въ углу комнаты съ видомъ весьма смиреннымъ, бросился передъ Со-

фією на колѣни и языкомъ романическаго любовника говорилъ, что такимъ приговоромъ она лишаетъ его жизни, и прочее. Батюшка разгорячился, спалъ бранить сесипру и мамушку, которая за нее вступилась и сказала Графу, что онъ конечно послѣ такого объясненія не захочетъ пребывать ея руки. Я не могъ долѣе молчать и съ жаромъ говорилъ ему, что поступокъ его весьма страненъ и несходенъ съ благоразуміемъ; что нельзя умному человеку пребывать у родителей себѣ въ супруги дочери ихъ, не узнавая прежде, любитъ ли она его. Между тѣмъ сесипра стояла на колѣняхъ передъ батюшкою и говорила, что она увѣрена въ его любви къ ней; что онъ конечно не захочетъ ее сдѣлать несчастною и не станетъ принуждать ее вступить въ вѣчную связь противъ склонности ея сердца. Батюшка сердился, кричалъ; однакожь въ глазахъ у него были слезы. По томъ услышавъ, что я браню Графа, которой со стыдомъ вспалъ и отошелъ къ окну, обратился на меня весь свой гнѣвъ, вытолкалъ меня изъ комнаты, самъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Графъ пошелъ за нимъ, и когда проходилъ мимо меня, я ругалъ его какъ

какъ негодяя; но онъ, будучи въ великомъ смятеніи, не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Я поскакалъ къ шебѣ, какъ къ истинному другу дома нашего, чтобы увѣдомить шебя о всемъ производившемъ у насъ; но шебя не было дома. Возвращаясь домой, я не заспалъ уже у насъ Графа. Батюшка встрѣтился мнѣ въ передней комнаѣ, прошелъ мимо въ великомъ гнѣвѣ и уѣхалъ со двора. Мамушку и сестру нашелъ я въ слезахъ. Я утѣшалъ ихъ и говорилъ, что сестрѣ не бывать за Графомъ; что естли онъ не оставитъ насъ въ покоѣ, то я не опойду отъ него, пока кто нибудь изъ насъ на топъ свѣтъ не опправится. Онъ просили меня не горячиться, и говорили, что жаръ мой ихъ только болѣе огорчаетъ. Батюшка возвратился домой поздно. Я ожидалъ поуштру отъ Графа вызова на поединокъ, думая, что не лзя снести шой брани, кошорою я осыпалъ его. Въ восемь часовъ увидѣлъ я у насъ на дворѣ Графскую карету; вскочилъ, одѣлся, пригошовилъ шпагу и пистолеты, и ждалъ къ себѣ Графа. Но видя, что онъ неидетъ, и узнавъ, что онъ у батюшки въ кабинетѣ, пошелъ я туда; однакожь они тамъ заперлись. Мнѣ хо-

Г 4

шѣлось

пѣлось знать, что они говорили; я приложилъ ухо къ дверямъ и слушалъ. Представь же себѣ, что я услышалъ! Подлецъ говорилъ, что онѣ знаетъ причину, для чего Софія не хочетъ итти за него за мужъ: что этому виною ты, любезной другъ; что за годъ передъ тѣмъ, когда еще тебя не было въ Лондонѣ, мать моя и сестра обходились съ нимъ гораздо ласковѣе; что ты, познакомясь съ нашимъ домомъ, вкрался къ нимъ въ любовь, обольстилъ Софію и вооружилъ ее противъ него. Я не могъ долѣе слушать, побѣжалъ къ мапущкѣ, которая вчера еще занемогла отъ слезъ, и рассказалъ ей и сестрѣ слышанное мною. Сестра испугалась; но мапущка сказала очень равнодушно, что она, не смотря на то, что ты иностранецъ, не богашъ и не знаменъ, лучше бы хощла выдать дочь свою за тебя, нежели за какого нибудь Лорда или Графа, и что она личныя достоинства предпочитаетъ знатному роду и богатству. Сестра покраснѣлась „ Тупъ Сиръ Карлъ замолчалъ и приспально смотрѣлъ на меня. Трудно описать тогдашнія чувства моего сердца. Надобно знать, что я не почиталъ себя влюбленнымъ въ Софію.

фію. Хопя признавался себѣ, что она мнѣ весьма нравится, однакожь думалъ, что и всякой, умѣющей цѣнить достоинства сердца и разума, долженъ ее любить и почитать такъ же, какъ я любилъ и почиталъ ее. Я желалъ приобрести ея дружбу; желалъ, чтобы она имѣла ко мнѣ полную довѣренность, и чтобы сердце ее переливало въ мое сердце всѣ чувства свои; желалъ бы вѣкъ жить съ нею, вѣчно наслаждаться ея дружбою. Такія желанія почишалъ я восхипительными мечтами, и любилъ ими заниматься; время отъ времени онѣ казались мнѣ восхипительнѣйшими и болѣе усиливались въ душѣ моей. Я скучалъ не видя Софіи; сердце мое чувствовало какую-то пустоту. . . . Однакожь всѣ сіи чувства умѣлъ я себѣ изъяснять, ни мало не думая, чтобы я былъ влюбленъ въ нее. Когда же услышалъ, что Софію принуждаютъ вступить въ вѣчныя обязательства и отдать сердце свое навсегда одному человѣку, и слѣдственно мнѣ надлежало бы оставить всю надежду быть когда нибудь первымъ ея другомъ, быть близкимъ къ ея сердцу: то я оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Подлой вымыслъ Графа С*, будто бы я непозволенными средствами входилъ въ любовь

къ Ладѣ и Софіи и будто бы я заставлялъ ихъ думать о немъ дурно, не могъ уже болѣе меня пронуть. Но когда услышалъ, что Софія могла бы вспунить въ вѣчной союзъ и со мною, моглабы бытъ вѣчно моею: тогда вся кровь моя пришла въ сильное волненіе, и сердце мое наполнилось вдругъ такими живыми ощущеніями, что я въ воспергъ запрепещалъ, не могъ стоять на ногахъ, упалъ на кресла и былъ внѣ себя. Сиръ Карлъ испугался, схватилъ руку мою, и спрашивалъ, что со мною сдѣлалось. Долго не могъ я отвѣчать ему. Наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что участіе, принимаемое мною въ безпокойствѣ дома ихъ, и такія хорошія обо мнѣ мысли мапушки его, привели меня въ то положеніе, въ которомъ я тогда былъ. Теперь я все знаю, сказалъ онъ, смотря на меня съ нѣжностію: я давно догадывался, и всегда желалъ, чтобы догадки мои были справедливы; и будь увѣренъ, любезной другъ, что я съ своей стороны такъ же презираю общія предразсужденія, какъ и мапушка. Видя, что я не могъ успокоиться, совѣтовалъ онъ мнѣ взять его карету и ѣхать домой, примолвя, что онъ всячески по-

еша-

спарается избавиться отъ Графа С*, успокоить мать и сестру, и ввечеру прїдетъ мнѣ рассказать все, что у нихъ случится. Я обнялъ его и поѣхалъ домой.

Въ тотъ день не видался я съ Профессоромъ А*, ушедши со двора прежде, нежели онъ вспалъ. Какъ же я удивился, нашедши его въ одинадцать часовъ лежащаго на постелѣ! Я нездоровъ, сказалъ онъ, видя меня подходящаго къ нему: чувствую боль въ головѣ и во всемъ тѣлѣ жаръ. Я сѣлъ подлѣ его постели, и просилъ его послать за Докторомъ. Съ улыбкою отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ самъ Докторъ и что привалъ уже лѣкарство. Между тѣмъ спрашивалъ у меня, гдѣ я былъ. Я хотѣлъ открыть ему все сердце мое; но видя его въ великомъ жару, рѣшился до времени молчать, и сказалъ ему только то, что я прогуливался, заходилъ къ Лорду Р*, но не видалъ его. Примѣтя мое безпокойство о его болѣзни, онъ увѣрялъ меня, что не считаешь ее опасною, и просилъ меня быть покойнымъ. Я не отходилъ отъ него до самого вечера. Жаръ въ немъ увеличивался. Онъ мало говорилъ, почти безпрестанно смотрѣлъ на меня, и часто

пожи-

пожималъ мою руку. Въ семь часовъ просилъ меня чипать вслухъ книгу, лежавшую у него на сполникѣ; эло было Паскалево сочиненіе. Я чипалъ до двѣнащати часовъ. По помѣ онѣ выслалъ меня, сказавъ, что ему хочеться спать. Поцаловавъ у него руку, пошелъ я въ свою комнапу и былъ въ великомѣ безпокойствѣ. Сѣ одной спороны приводела меня въ спрахѣ болѣзнь моего благодѣтеля, а сѣ другой безпокойло меня то, что Сирѣ Карлѣ, по обѣщанію своему, ко мнѣ не пріѣхалъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; хотѣлъ чипать, бралъ книгу, но ничего не понималъ и бросалъ ее опять на сполѣ. Всю ночь у меня глазѣ сѣ глазомѣ не сходился. Въ шесть часовъ я вспалъ сѣ постели и вошелъ попихоньку въ комнапу къ Профессору Л*; онѣ не спалъ, и сказалъ мнѣ, что ночь провелъ весьма безпокойно, и что чувствуешѣ въ себѣ великой жарѣ. Я неопступно просилъ его послать за Докторомѣ, на что онѣ и согласился. Докторѣ пріѣхалъ, пощупалъ пульсѣ, сказалъ, что у него сильная горячка, и, написавъ рецептѣ, уѣхалъ. Кѣ вечеру жарѣ у него умножился и начался бредѣ, которой продолжался во всю ночь. Я совсѣмѣ спать

не ложился и не отходилъ отъ постели его. Поутру онъ пришелъ въ память, чувствовалъ нѣкопорое облегченіе, но былъ въ чрезмѣрной слабости. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть къ себѣ на постелю, взялъ у меня руку и сказалъ тихимъ голосомъ: „Мысль, что я могу нынѣ умереть, не страшитъ меня. Да будетъ, что Богу угодно! Я умру конечно въ самое лучшее для смерти моей время. И такъ ты можешь остаться въ чужой Землѣ одинъ, не имѣя истинныхъ друзей, не имѣя еще надлежащей опытности!„ . . . Тутъ я заплакалъ. „Эта мысль, продолжалъ онъ, была бы для меня мучительна въ послѣднія минушы жизни моей, если бы я не полагался на премудрую Руку, всемъ правящую.„ . . . Но зачѣмъ говорить о смерти, перервалъ я, когда уже спало вамъ лучше? „Однакожь я могу умереть, говорилъ онъ: для чегожь мнѣ не воспользоваться перешними минушами? Для чего не употребить ихъ въ пользу моего любезнаго друга? Съ самаго своего младенчества замѣчалъ я всѣ побужденія своего сердца и проникалъ въ его внутренность. Ты одинъ изъ шѣхъ щасливыхъ людей, которыхъ имѣютъ еще природы многія добрыя

рыя свойства; открытая душа твоя удобна ко принятію добрыхъ впечатлѣній. Я радовался тобою, и благодарилъ Небо, поручившее мнѣ воспивывать тебя. Я старался наславленіями, почерпнутыми изъ опышовъ, поливать въ сердцѣ твоемъ сѣмена добраго, и съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ онѣ зеленѣли и развершывались. Я старался представлять тебѣ науки въ прелестномъ образѣ: ты и полюбилъ ихъ. Путешествіе почелъ я за средство сообщить тебѣ лучшее повидше о чловѣкѣ и разпространить вообще кругъ твоихъ знаній. Я познакомилъ тебя съ славными учеными, предлагалъ имъ вопросы, требовалъ объясненія на нѣкоторыя темныя мѣста ихъ сочиненій, и все единственно въ наученіе тебѣ. Но знакомство твое не ограничивалъ я одними учеными: я былъ съ тобою при Дворахъ, выводилъ тебя на театръ большаго свѣта, знакомилъ тебя съ знаменитыми его актерами, показывалъ тебѣ опшѣнки страстей, и такимъ образомъ научалъ тебя чловѣкознанію. Никогда не хотѣлъ я говорить съ тобою сухимъ языкомъ школьнаго Моралиста; но всегда въ картинахъ представлялъ тебѣ ходъ разума и движенія сердца чловѣческаго.

Не

Не спускалъ глазъ съ собственнаго своего сердца, и замѣчалъ впечатлѣнія, производимыя въ немъ разными сценами, чшобы наконецъ открыть тебѣ таинственную книгу — самаго себя. Я давалъ тебѣ полную свободу въ обхожденіи съ людьми, и вообще хотѣлъ тебя научать опытами, а не словами. Я намѣренъ былъ вести тебя по степенямъ къ тому совершенству, до котораго опредѣлено человѣку достигнуть въ здѣшнемъ мірѣ. Какъ восхищался я мыслію, что нѣкогда увижу въ тебѣ истиннаго Философа, возмогу пасть предъ тобою передъ святилищемъ великаго Бога и сказать: *Вотъ воспитанникъ мой! Онъ отдастъ уже санъ свой, и посвящаетъ Тебѣ, всемогущій Отецъ нашъ, сердце свое.* Но Богъ, ведущій насъ по премудрости своей путями чудесными, разлучаетъ меня съ тобою, „ Слезы покапились по лицу друга моего. Я спалъ на колѣни и съ рыданіемъ говорилъ ему: не уже ли Богъ опшметъ тебя у меня въ самое ш время, когда мнѣ всего нужнѣе руководство швое, благодѣтель и отецъ мой! „Отецъ у насъ Богъ, сказалъ онъ, и я спѣшу въ Его объятія. Такъ, любезной мой другъ, я скоро умру — пригошовься

ся

ся къ этому. Облегченіе, мною чувствуемое, подобно морской пишинѣ, которая предшествуетъ бурѣ; внутренній огонь изсушаетъ во мнѣ жизненные испочки., — Я вскочилъ, бѣгалъ въ испугу по комнатамъ, ломалъ у себя руки, молилъ Бога, чтобы Онъ умилился надо мною и не лишалъ меня наставника моего. Поди ко мнѣ, сказалъ слабымъ голосомъ Профессоръ Л*: время дорого. Я подошелъ и спалъ опять на колѣни подлѣ постели его. По шомъ говорилъ онъ: „При самомъ началѣ знакомства нашего съ домомъ Лорда Р* предвидѣлъ я слѣдствія его. Теперь хочу говорить прямо. Я примѣчалъ, какъ живо чувствовалъ ты достоинства Софійны; съ какимъ восхищеніемъ говорилъ о нихъ; какъ привязанность твоя къ ней возрастала; какъ ты, не видя ее, скупчалъ, и лучшее свое удовольствіе находилъ въ шомъ, чтобы слушать ее, чтобы на нее смотрѣть. Я хотѣлъ до нѣкотораго времени молчать, будучи увѣренъ, что ты самъ откроешь мнѣ чувства свои, когда онъ будетъ еще сильнѣе. Тогда хотѣлъ я представить тебѣ опасное твое положеніе; сказать, что усиливающаяся въ тебѣ страсть можетъ

ся просвѣщать разумъ свой. Но старайся всегда оживлять въ себѣ увѣреніе, что не исправляя сердца и не побѣждая страстей, не лзя пріобрѣсти шѣхъ великихъ и существенныхъ знаній, на копорыхъ основывается дѣятельность мудраго человека, на копорыхъ основывается счастье его. Слушайся гласа совѣсти, и поступай во всемъ по лучшему своему разумѣнію. Старайся быть полезнымъ роду человеческому; старайся болѣе и болѣе пріобрѣтать благоволеніе небснаго Отца нашего; смирайся и съ умиленнымъ сердцемъ преклоняй предъ Нимъ колѣни свои, моля Его, да изліетъ на тебя Свое благословеніе. Онъ утѣшитъ тебя въ твоихъ огорченіяхъ, наставитъ тебя въ истинѣ, и ты узнаешь то, чему никакой человекъ не можетъ научить тебя. Онъ будетъ тебѣ лучшимъ путеводемъ, нежели я, чувствующій теперь всю ничтожность свою. . . . Что я могу сказать тебѣ болѣе? . . . Въ этомъ бюро найдешь ты пристра гвиней, вексели на Голландскія Конторы и Англійскихъ Банкировъ. У тебя будетъ довольно денегъ на путешествіе. Ты мой сынъ, мой наследникъ — кромѣ тебя нѣтъ у меня никого. Послушай: если тебѣ надобно

будетъ

будешь избрать какое нибудь соспоянiе, когда возвратишься въ опечество, по совѣтую тебѣ, зная свои способности, избрать ученое соспоянiе, въ которомъ можешь сдѣлать много пользы. Поспайся бытъ Профессоромъ при Лейпцигскомъ Университетѣ; тамъ тебѣ многiе любятъ. Если же покажется тебѣ, что ты и не будучи Профессоромъ или Докторомъ, можешь одними своими сочиненiями способствовать разпространенiю добраго; и еслии нѣми деньгами, которыя теперь имѣешь, можешь прожить всю жизнь свою: то избери себѣ гдѣ нибудь уединенное жилище, и въ тишинѣ работай для блага своихъ сочеловѣковъ. Теперь, любезной другъ мой, обними меня и оставь меня одного часа на два., — Я съ горячностiю обнялъ моего благодѣтеля, цаловалъ его, обливалъ слезами. Впрочемъ Богъ знаетъ, что будетъ съ побою! сказалъ онъ, когда я пошелъ отъ него. — Между нѣмъ, надѣясь еще, что онъ можетъ остаться живъ, послалъ я опять за Докторомъ.

Лишь только вошелъ я въ свою комнату, подали мнѣ письмо отъ Лорда Р*, которое было такого содержанiя:

Государь мой!

„Я васъ обласкалъ и любилъ; но вы
„Заплашили мнѣ за это очень худо. Вы
„вскружили голову моей женѣ, обольстили
„мою дочь; съ злымъ намѣреніемъ съ
„одною разсуждали вы о романахъ, а съ
„другою читали краснорѣчивыя бредни.
„Дочь меня не слушаетъ, жена со мною
„бранится, сынъ буншуетъ; а кто же
„этому причиною? Все вы. Гофмейстеръ
„вашъ казался мнѣ человѣкомъ умнымъ
„и добрымъ; однакожь онѣ худо смо-
„прѣлъ за вами, допустивъ васъ раз-
„строить спокойствіе цѣлой семьи нашей.
„Вы совсѣмъ себя забыли, почитая за
„возможность жениться на моей дочери.
„Бѣдному Нѣмецкому Барону не бываешь
„моимъ зятемъ. Я знаю цѣну вашей
„Лапини, государь мой! Я любилъ съ
„вами спорить, но никогда не думалъ,
„чтобы вамъ пришло на мысль пжалло-
„вать меня въ свои шеспи. — Въ за-
„ключеніе всего знайте, что двери моего
„дома для васъ навсегда затворяются.
„Простите! Желаю вамъ оипѣ добраго
„сердца всякаго благополучія.,,

Поди! сказалъ я Лордову человѣку,
прочитавъ письмо и бросивъ его на шолѣ;

но

но онъ подалъ мнѣ другое письмо отъ Сира Карла. „Проспившись съ тобою, писалъ онъ, пошелъ я къ мадушкѣ, гдѣ нашелъ и Лорда, бывшего внѣ себя отъ гнѣва и бранившаго мадушку за ея, какъ говорилъ онъ, безумное намѣреніе выдать дочь свою за Лейпцигскаго Студенса. Мать моя говорила, что она по-длинно эпова намѣренія не имѣла; но что впрочемъ тебя любящъ и не почла бы за безчестіе назвать зятемъ своимъ, зная твои достоинства; что ты человекъ благородной, и что просвѣщенной разумъ твой цѣнишь она дороже всякаго богатства. Лордъ горячился, бранилъ тебя, называлъ обольстителемъ, коварнымъ человекомъ. По томъ осыпалъ онъ жестокими укоризнами сестру мою, которая со слезами увѣряла его, что ей и на мысль не приходило вышпи за тебя за мужъ, и что не имѣетъ никакой причины почитать тебя влюбленнымъ въ нее. Я называлъ Графа С* клеветникомъ, которой лжетъ на честныхъ людей. Лордъ велѣлъ мнѣ молчать; но я такъ разгорячился, что не слушалъ его, и побѣжалъ изъ комнаты, сказавъ, что иду проводить Графа домой, и что онъ уже никогда къ намъ не пріѣдетъ. Башюшка

побѣжалъ за мною, схватилъ меня за руку, привелъ въ мою комнату, самъ ушелъ, заперъ двери, приставилъ къ нимъ двухъ человекъ и не велѣлъ меня выпускать. Такимъ образомъ два дни сижу я заключенной въ моей горницѣ. Отъ человека, который приносилъ мнѣ кушанье, услышалъ я радостную вѣсть, что Лордъ вчера ввечеру крупно говорилъ съ Графомъ, и, выходя съ нимъ изъ кабинета, просилъ его впредь оставить его въ покоѣ. За что онъ на него разсердился, не знаю; но отъ сердца этому радуюсь. Между стѣмъ въ комнатѣ у машушки часто слышанъ шумъ, и Лордъ въ гнѣвѣ топаетъ ногами. Любезной другъ! я восхищаюсь надеждою рано или поздно обнять тебя какъ брата моего! Увѣдомь меня, что къ тебѣ пишетъ Лордъ; это письмо писано вчера послѣ обѣда. Опиши ко мнѣ еще чтонибудь, пока намъ не лъзя видѣться., — Я написалъ къ нему, что Лордъ запретилъ мнѣ входъ въ свой домъ; что я лишаюсь моего отца, благодѣтеля, друга, и сердце мое такъ рвется, что я не въ состояннн ничего болѣе сказать ему.

Около часа ходилъ я по горницѣ своей и плакалъ. Когда пріѣхалъ Докторъ,

шорѣ, пошелъ я съ нимъ въ комнату къ моему благодѣтелю и къ ужасу своему увидѣлъ его поперегъ ностели безъ чувствъ лежащаго. Докторъ пустилъ ему кровь; я шерѣ спиртомъ у него виски, пульсы — но онѣ ни мало не приходилъ въ себя. По томъ Докторъ сказалъ мнѣ, что всякая помощь со спорны его будетъ бесполезна, и самъ уѣхалъ. Я послалъ за Пасторомъ и бѣгалъ по комнатамъ какъ сумасшедшій. Когда Пасторъ началъ читать молитвы, умирающій открылъ глаза: я было обрадовался, бросился къ нему — но онѣ въ ту же минуту спалъ кончаться. Я пришелъ въ изступленіе, стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и не спускалъ съ него глазъ. По томъ спалъ на колѣни, взялъ его въ свои объятія и держалъ до той минуты, какъ онѣ уже испустилъ духъ. Сѣвъ на кресла, размашривалъ я лице умершаго, на копоромъ изображалось нѣкоторое унылое спокойствіе. Я не могъ плакать и погружался въ глубокое размышленіе, которое окончалось совершеннымъ забвеніемъ. Очувствовавшись, увидѣлъ я себя лежащаго на постелѣ; хотѣлъ встать, но не могъ — силы мои истощались

отъ сильнаго внутренняго движенія и отъ долговременной безсонницы.

Баронъ Т*, узнавъ о смерти моего друга, пріѣхалъ ко мнѣ, изъявлялъ искренное свое сожалѣніе о кончинѣ его, утѣщалъ меня, предлагалъ мнѣ свои услуги, и, видя слабость мою, взялъ на себя попеченіе о погребеніи его. Во весь шопъ день былъ я въ ужасной поскѣ. Около полуночи закрылись глаза мои, и я спалъ до самаго полудня. Все еще не было у меня силъ сойти съ постели; но когда пришелъ день погребенія, я вспалъ, одѣлся, оросилъ слезами хладное и блѣдное лицо покойнаго и провожалъ на кладбище гробъ его; печальныя пѣсни погребенія усугубляли мое рыданіе. Наконецъ земля сокрыла въ нѣдра свои прахъ моего друга. — Пріѣхавъ домой, чувствовалъ я великую грусть; сердце мое сжималось и обливалось кровію. Все, на что я ни смотрѣлъ — все воспоминало мнѣ потерю мою. Размышляя о послѣднемъ увѣщаніи покойнаго, ощущалъ въ себѣ умиленіе, со слезами молился Богу и поручалъ Ему судьбу мою.

На другой день поуспру, когда я разбиралъ бумаги покойнаго и плакалъ, вдругъ отворились двери, и вошелъ ко мнѣ

мнѣ — Лордъ Р* съ сыномъ своимъ. Я изумился. Подошедши ко мнѣ, онъ меня обнялъ и сказалъ: „Я беру живое участіе въ вашей горести; пусть слезы мои будущъ шому доказательствомъ. . . . Простите меня, что я написалъ къ вамъ такое грубое письмо; гнѣвъ затмѣвалъ тогда разумъ мой. Прошу быть по прежнему другомъ нашему дому. Пойдемте ко мнѣ; — отрите слезы свои, или проливайте ихъ въ объятіяхъ нашей семьи. Простите меня, простите и забудьте все прошедшее!., — Я былъ въ замѣшательствѣ, благодарилъ его за возобновленіе милости своей ко мнѣ, и увѣрялъ, что никогда не забывалъ и не забуду, кто я и кто онъ. Пожалуйте не говорите со мною такимъ оскорбительнымъ для меня языкомъ, сказалъ онъ: право я не имѣю того щеславія, которое могли вы приписать мнѣ по письму моему; повторяю, что я писалъ его въ горячности, теперь чистосердечно разкаиваюсь и прошу у васъ прощенія., — Искренность, одушевлявшая слова его, меня очень пронула. Я увѣрялъ его со слезами, что сердечно почишаю и люблю его, и ни мало на него не сержусь. Вы докажете мнѣ это тогда, сказалъ онъ,

когда поѣдете со мною. Я просилъ у него позволенія ѡстаться часа на два дома, говоря, что мнѣ надобно написать въ Германію нужное письмо, и что я непременно буду къ нему обѣдать. Хорошо, отвѣчалъ онъ: я оставляю у васъ сына и карету, самъ пойду домой пѣшкомъ и буду васъ дожидаться; сынъ мой не помѣшаетъ вамъ писать и между шѣмъ можешъ вамъ кое-что рассказать.

Когда Лордъ ушелъ, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Сира Карла, и ожидалъ отъ него объясненія. „Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобы щастливая переменна въ мысляхъ моего батюшки могла утѣшить тебя въ горести швоей! Онъ скоро разкаялся, что далъ слово Графу выдать за него сестру, не спрося на то ея согласія; слезы ея и мапушкины мучили его. Ему уже досадно было, что Графъ приступалъ къ нему и безпрестанно швердилъ, что онъ надѣется на его слово; что родительское повелѣніе конечно заставитъ Софію повиноваться, и что онъ со временемъ вѣрно бы пріобрѣлъ ея любовь. Лордъ съ негодованіемъ слушалъ, когда онъ безстыдно тебя бранилъ; когда же онъ сказалъ нѣчто обидное и на щетъ мапушки, то онъ обрадовал-

довался, нашедши причину побранишься
 съ нимъ и навсегда освободиться отъ его
 упрековъ, прося его никогда уже къ намъ
 въ домъ не ѣздить. Между тѣмъ онъ
 все еще шумѣлъ съ мапушкою, говоря,
 что она Графу подала поведѣ думать
 о себѣ дурно, и принудила его противъ
 воли разорвать съ нимъ знакомство.
 Наконецъ, видя, что его гнѣвъ увеличива-
 етъ мапушкину болѣзнь, переспалъ сер-
 диться, спалъ къ ней ласкавшись и просилъ
 у нее прощенія. Сестру также раздаловалъ
 и сказалъ, что онъ передъ нею виноватъ.
 Со мною помирился и выпустилъ меня
 изъ моей комнаты; однакожь велѣлъ мнѣ
 быть дома. На другой день онъ самъ началъ
 говорить о себѣ: признался, что Графъ
 выдумывалъ на себя лжи, и что онъ
 обидѣлъ себя своимъ письмомъ. Когда
 мапушка тебя хвалила, онъ уже согла-
 шался съ нею. Узнавъ о кончинѣ Про-
 фессора Л*, пришелъ онъ къ мапушкѣ
 съ печальнымъ лицомъ и увѣдомилъ ее о
 своемъ несчастіи. Она и сестра заплакали;
 онъ и самъ плакалъ, и сказалъ, что по-
 ѣдетъ къ тебѣ, будетъ у тебя просить
 прощенія и конечно вмѣстѣ съ тобою до-
 мой возвратится. По томъ, приказавъ
 мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, поѣхалъ къ
 тебѣ.,,

Я чувствовалъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторое радостное движеніе. Лордъ, когда я пріѣхалъ къ нему, встрѣшилъ меня въ переднихъ комнашахъ и повелъ въ спальню къ Лади, копорая еще не вставала съ постели. Вошедши, поцаловалъ я руку у Лади и Софіи, и не могъ удержаться, чшобы не заплакать, видя у нихъ въ глазахъ слезы. Лади выхваляла достоинства покойниковы. Софія говорила, что она многому отъ него научилась. Онъ былъ мой отецъ, сказалъ я, мой благодѣтель, наставникъ и другъ: вообразите же, что я, лишась его, чувствовать долженъ! Они всѣ вмѣстѣ старались меня утѣшать. Я пробылъ у нихъ весь пошъ день. Лордъ сказалъ мнѣ, что онъ со всемъ домомъ поѣдетъ въ деревню, какъ скоро Лади оправится, и неотступно просилъ меня ѣхать съ ними. Я отговаривался, не хотѣвъ такъ скоро удалиться отъ того мѣста, гдѣ погребенъ прахъ моего друга. Присоедините вашу прозьбу къ моей, сказалъ Лордъ супругъ и дочери своей: какъ намъ оставить его здѣсь? Повѣрьте, продолжалъ онъ оборотясь ко мнѣ, что мы всѣ васъ любимъ и раздѣляемъ съ вами горестъ вашу. Всѣ спали меня просить ѣхать

Ѣхашь съ ними въ деревню. Я былъ очень пронутъ и согласился исполнить волю ихъ. — На другой день опять пріѣхалъ ко мнѣ Лордъ съ Карломъ и взялъ меня съ собою. Лади спало гораздо лучше, и они собирались Ѣхашь черезъ два дни. До самаго отѣзда я съ ними не разскавался, и только что ночевалъ дома.

Наконецъ поѣхалъ я съ ними въ деревню. Нѣжныя ласки ихъ утѣшали меня въ моей печали. Часто говорилъ я съ Софією о покойномъ благодѣшелѣ моемъ, плакалъ и видѣлъ изъ глазъ ея кающіяся слезы. Какъ вы чувствительны! говорилъ я ей съ восхищеніемъ. Видя вашу чувствительность, отвѣщивала она, не лзя никому не пронуться. Часто погружался я въ глубокую задумчивость, размышлялъ о совѣщѣ, которой далъ мнѣ Профессоръ Л* при смерти своей — размышлялъ и препеталъ. Мнѣ уѣхашь изъ Англїи, думалъ я, и оставить навсегда пѣхъ людей, которыхъ любовь ко мнѣ составляетъ теперь все мое утѣшеніе? За чѣмъ я возвращусь въ Германію? Нѣтъ у меня тамъ ни родшвенниковъ, ни друзей; ничто меня шуда не призываетъ. Покойникъ боялся, что любовь моя

къ

къ Софіи можетъ превратиться въ жестокую спрасъ, которая лишитъ меня спокойствія, возмутитъ всю душу мою; но изслѣдывая свое сердце, нахожу, что эта любовь совсѣмъ не есть та гнусная спрасъ, которая унижаетъ человѣка и лишаетъ его разсудка. Я чувствую къ Софіи одну нѣжную дружбу, которая можетъ только умножить мое щастіе. У меня былъ другъ, но — я лишился его. Сердце мое осиротѣло; ему надобно сыскать другое сердце, которому бы оно могло во всемъ открываться и все сообщать. Чувствительное Софіино сердце удобно къ нѣжнѣйшей дружбѣ; и ты, духъ моего наставника и опца, конечно бы не оскорбился, если бы я навсегда соединился съ Софією и остался бы жить въ ея опечествѣ! Я рассказалъ бы ей все то, что отъ тебя слышалъ; мы бы всегда о тебѣ говорили, и на гробъ твой поклялись бы исполнять мудрыя твои наставленія. Ты думалъ единственно о моемъ щастіи: и такъ конечно бы благословилъ ты союзъ мой съ нею — союзъ, которой бы сдѣлалъ меня щастливымъ. --- Такія мысли питали мою любовь къ Софіи; однакожь я не смѣлъ открытъ ей моего сердца.

Одна-

Однажды Сирѣ Карлѣ позвалъ меня прогуливаться. Мы шли оба задумавшись. По шомѣ сказалъ онѣ: „Пора тебѣ, любезной другѣ, умѣришь свою печаль. Я увѣренѣ, что ты любишь сестру мою; думаю, что и она тебя любитѣ. Башюшка опмѣнно тебя ласкаетѣ; а мапушка давно уже сказала свои мысли. Всѣ обстоятельспва для тебя благопріятны. Объяснись, и — ты конечно будешь щасливѣ.“ Нѣшѣ, опвѣчалѣ я, никогда не осмѣлюсь приступить къ такому объясненію, которое можетѣ имѣть для меня весьма несчастныя слѣдствія. Ты, другѣ мой, узналѣ, что я люблю Софію; но надѣюсь, что ты эпова никому не опкроешь и не захочешь погубить меня. Пусть мапушка твоя, по любви своей ко мнѣ, и согласилась бы признашь меня своимѣ сыномѣ; но согласится ли на эпо когда нибудѣ твоя родитель? Конечно нѣшѣ; онѣ уже эпо и сказалѣ. Если бы я дерзнулѣ у него пребовать Софіиной руки, то онѣ получилѣ бы полное право сказать, что я забылѣ себя, и какѣ неблагодарнаго выгнать изѣ своего дому. А Софія . . . никакѣ не могу ласкаться, чшобы она любила меня и захотѣла со мною соединиться нераз-
ры-

рывнымъ союзомъ . . . Нѣтъ, узнавъ мое желаніе, она бы презрѣла меня. — Я замолчалъ, и Сирѣ Карлѣ не сказалъ ни слова. Когда мы возвратились въ домъ, онъ повелъ меня въ комнату къ Лади, кошорую мы нашли одну. Она посадила меня подлѣ себя и начала со мною говорить. Сирѣ Карлѣ, прошедши раза два по комнатѣ, подошелъ къ ней, взялъ у нее руку, поцаловалъ ее и сказалъ: ма-тушка! онъ любитъ сестру; я писалъ въ немъ надежду бытъ нѣкогда ея супругомъ; онъ не смѣетъ открыться въ чувствахъ своихъ ни Софіи, ни башюшкѣ, ни вамъ; мнѣ надлежало рѣшиться говорить за него. Я пришелъ въ ужасное замѣшательство и не смѣлъ поднять глазъ. Лади пожала мою руку и сказала, что она за щастіе почтетъ отдать за меня свою дочь. Въ самую сію минушу вошелъ Лордъ. Я вспалъ и не зналъ, куда смотрѣть и гдѣ спать. Лордъ удивился, видя меня въ такомъ смятеніи. Лади обняла его, и указывая на меня, спросила: ты любишь его? Какъ моего сына, отвѣчалъ Лордъ, ласково взглянувъ на меня. — „Не правда ли, что онъ имѣетъ великія достоинства?“, — Такія, какія желаю имѣть моему Карлу. — „Не правда ли, что

что теперь не назвалъ бы ты моего намеренія *безумнымъ*, естли бы мнѣ вздумалось выдать за него Софію? — Лордъ посмотрѣлъ на меня, подошелъ ко мнѣ и съ улыбкою сказалъ: „Будь веселѣе, любезной другъ! Я уже объ этомъ думалъ; и естли Софія тебя любитъ — естли ты согласишься на мое предложеніе, то съ теперешняго же часа буду называть тебя своимъ сыномъ., Я бросился передъ нимъ на колѣни, не находилъ словъ къ выраженію чувствъ моего благодарнаго сердца, и насилу могъ сказать, что я на все соглашусь; но что не знаю, удостоиваетъ ли меня Софія своей любви. Тѣмъ лучше, шѣмъ лучше, отшѣчалъ Лордъ: это теперь откровенно. Карлъ! позови сестру. — Софія черезъ минуту вошла. Я встрѣтилъ ее такимъ взоромъ, по которому ей можно было отчасти угадать, чего я отъ нее ожидаю. Послушай, Софія, сказалъ Лордъ, взявъ ее за руку: я люблю Барона какъ душу свою; онъ тебя любитъ, очень любитъ; доброе сердце и разумъ его замѣняютъ въ моихъ глазахъ и знатность и богатство; естли прежде думалъ я не такъ, то не зналъ еще хорошо Барона: — скажи же мнѣ чисто-

Часть. XV. Но. 32. Е сер-

сердечно и прямо, любишь ли ты его и хочешь ли выйти за него за мужъ? Я съ препеномъ ожидалъ отвѣта. Нѣжной румянецъ покрылъ Софіины щеки; она была въ замѣшательствѣ и съ робостію взглянула на мать. Теперь ошъ себя все зависишь, сказала Лади: Баронъ, ставъ швоимъ супругомъ, конечно не разлучишь насъ съ побою, останется навсегда жишь съ нами въ Англии, и. . . . Вошь одно условіе, перервалъ Лордъ, на которое надобно ему согласиться. Вошь то предложеніе, говорилъ онъ мнѣ, которое я хошѣлъ вамъ сдѣлать: что вы скажете? Я ошвѣчалъ ему дрожащимъ голосомъ, что во всю мою жизнь буду почитать его ошцемъ своимъ, а Лади матерью; что Англія ошнынѣ будетъ моимъ ошечествомъ, ештли Софія. . . . Я взглянулъ на нее и замолчалъ. Лордъ обнялъ меня и принуждалъ Софію ошвѣшествовать. Вижу, вижу, примолвилъ онъ, что сердце швое не совсѣмъ нечувствительное къ достоинству эшова любезнова молодова человѣка: о чемъ же долго думаешь и начшо поминь его мучительною для него неизвѣстностію? Наконецъ Софія сказала тихимъ голосомъ, что воля ея согласна съ волею родителей ея,

и что она — любишь меня. Я пришелъ въ восхищеніе, упалъ передъ нею на колѣни, схватилъ и цаловалъ руку ея, рыдалъ, благословлялъ ее и говорилъ, что посвящаю ей всю жизнь мою, копорую она дѣлаешь блаженною. Лордъ, Лади и Сиръ Карлъ обнимали меня и Софію, и всѣ мы плакали. Лордъ сказалъ, что онъ не хочетъ опсрочивать нашей свадьбы, и что Софія черезъ три дни будетъ моею супругою. Я былъ въ безпрестанномъ восторгѣ; всѣ сіи три дни не отходилъ отъ Софіи, не спускалъ съ нее глазъ, чинилъ у нее на лицѣ чувства ея сердца и восхищался. Наконецъ передъ олшаремъ произнесли мы объшь любишь другъ друга вѣчно.

Я едва вѣрилъ своему щастію; боялся, чтобы оно не было одною восхищительною мечтою легкаго сна. Я думалъ только объ одной Софіи, ею жилъ и дышалъ; забылъ покойнаго моего друга, забылъ самаго себя. Около двухъ мѣсяцовъ не принимался ни за книгу, ни за перо. Софія часто просила меня заняться чтеніемъ; но я почиалъ такія прозьбы за недостатокъ въ нѣжности, и съ ласкою выговаривалъ ей, что она любишь меня не такъ, какъ я люблю ее. На

выговоры мои опвѣчала она всегда слезами, который заспаляли меня самого плакать и просить у нее прощенія.

Однажды спросила у меня Софія, не говорилъ ли со мною о чемъ нибудь Профессоръ Л* при смерти своей. Эпѣтъ вопросъ поразилъ меня. Я задумался. Размышляя, какъ покойной Л* спарался пишашъ во мнѣ охоту къ наукамъ, просвѣщашъ мой разумъ и занимашъ всегда душевныя силы мои, и какъ я опспалъ тогда отъ всѣхъ полезныхъ своихъ упражненій и былъ въ бездѣйстви, чувспвовалъ я угрызеніе совѣсти, стыдъ и горестъ. Софія, видя, что я былъ въ смашеніи, не повшоряла своего вопроса. — Съ того времени началъ я опять читашъ книги; однако не находилъ уже въ чтеніи такого удовольствія, какъ прежде. Вообще разумъ мой спалъ гораздо шупѣ, такъ что я совсѣмъ не могъ читашъ нѣкоторыхъ мешафизическихъ книгъ. Я узналъ, что сердце мое обмануло меня; что къ Софіи чувспвовалъ я не нѣжную дружбу, но спраспную любовь, которая помрачила прежнюю чистоту души моей. Часто былъ у меня печальной видъ. Софія спрашивала меня о причинѣ моего
уны-

унынія, а я всегда отвѣчалъ ей, что воспоминаніе смерти моего благодѣшеля наполняетъ голову мою горесѣпными мыслями.

Къ зимѣ прѣехали мы въ Лондонѣ. Я всегда почти былъ дома; иногда ѣздилъ только къ Барону Т*, которою познакомился съ нашимъ домомъ, и вмѣстѣ съ Софією въ Театрѣ.

Однажды, когда были мы въ Театрѣ, представляли Шекспирова Юлія Цезаря. При Брушовой рѣчи:

— — — We must die, Messala:
With meditating that she must die once,
I have the patience to endure it now.

[То есть: *Мы должны умереть, Мессала! Думая, что она когда нибудь умереть долженствовала, я терпѣливо сношу смерть ея нынѣ*] Софія, взглянувъ на меня съ нѣжностію, спросила, такъ ли бы я снесъ смерть ея, какъ Брушъ снесъ смерть Порціи? Сей вопросъ, голосъ и взоръ ея, весьма меня шронули. Я не могъ ничего отвѣчать ей, а только съ горячностію цаловалъ у нее руку. Она отвернулась отъ меня и опирала плащ-

комъ слезы, капавшія изъ прекрасныхъ глазъ ея. Съ самаго сего часа возбудилось въ сердцѣ моемъ печальное предчувствіе, которое по томъ почти безпрестанно безпокоило меня. Мнѣ казалось, что я скоро лишусь Софіи; и сія мучительная мысль погрузила меня наконецъ въ глубокую меланхолію. Я долженъ былъ открыть Софіи свое предчувствіе. Она утѣшала меня ласками своими и съ нѣжностію шутила надъ моимъ суевѣріемъ; однакожь я, прошивъ воли своей, пишалъ въ себѣ горесѣныя мысли, которыя не давали мнѣ ни читать, ни писать, ни же спать покойно. Я не могъ насмотрѣться на Софію, и часто долженъ былъ скрывать слезы свои, чтобы не огорчить ея чувствительнаго сердца. — Приближалось время важной перемѣны въ жизни моей — время, въ которое мнѣ надлежало живо почувствовать плѣнно сть всѣхъ удовольствій, основываемыхъ человекомъ не въ собищенномъ своемъ сердцѣ, но на чемъ нибудь внѣшнемъ.

Въ Апрѣлѣ мѣслцѣ жена моя родила мнѣ сына; но я не могъ имъ радоваться, видя мать его въ великой слабости, которая часъ отъ часу умножалась. Черезъ два дни послѣ родинъ Ме-

дики сказали, что жизнь ея въ опасности. Вообразите мой ужасъ! . . . Я бросился къ постелѣ ея, спеналъ и рыдалъ. Софія безпрестанно на меня смотрѣла, и видно было, что она чувствуетъ приближеніе смерти своей. Пока она еще говоришь могла, то просила меня быть мужественнымъ и не огорчать ее опчаяніемъ своимъ. Во второмъ часу по полуночи спало ей очень дурно. Всѣ были въ слезахъ. Передъ свѣтомъ начала она опходить. Мнѣ казалось, что я вмѣстѣ съ нею умираю; кровь во мнѣ хладѣла, пульсы бились тише — и когда Лади закричала: ея нѣтъ уже на свѣтѣ! я упалъ и думалъ умереть; однакожь мнѣ сдѣлался только обморокъ. Я пришелъ въ себя единственно для того, чтобы онять изъ себя выпши. Обнялъ умершую, хопѣлъ изъ сердца своего влить жизнь въ ея сердце и жаромъ своимъ сообщивъ теплоху охладѣвшему тѣлу ея; но все было напрасно — въ тѣлѣ Софіиномъ не было уже души ея.

Софію повезли погребать въ деревню. Мнѣ не лъзя было самому шуда ѣхать; для того что я занемогъ сильною горячкою и дней принашцать былъ безъ чувствъ. Опомнившись, услышалъ я къ

усугубленію моей горести, что Лади за три дни передъ шѣмъ умерла отъ паралича. Ко мнѣ пришелъ Лордъ Онъ былъ ужасно блѣденъ и худъ; и сколь горестъ ни сивдала сердце его, однакожь онъ старался меня утѣшать. Принесли ко мнѣ сына. Видѣ младенца, совершенно похожаго на машь свою, размягчилъ мое сердце; лаская его, проливалъ я утѣшительныя слезы. — Дней черезъ семь вспалъ я съ постели, и мы поѣхали въ деревню. Тамъ, на гробъ дражайшей моей супруги, молилъ я Всевышняго о подкрѣпленіи силъ моихъ; шамъ, чипая утѣшителя несчастныхъ, благодѣтельнаго Йонга, рѣшился я бышь мужемъ. Спала повязка съ глазъ моихъ; разсѣялась окружавш. я меня шма — я въ восхищеніи осмошрблся и восхвалилъ благость Божію.

Я и Лордъ, которой былъ всегда унылъ, не выѣжали изъ деревни; но Сирѣ Карль, которой и калъ утѣщенія своего въ забавахъ шумнаго города, часто бывалъ въ Лондонѣ. Тамъ влюбился онъ въ дочь Лорда М* и съ согласія родителей своего на ней женился. Лордъ Р* послѣ того переѣхалъ жить въ Лондонъ, не выѣжавъ изъ деревни около

цешы-

четырёхъ лѣтъ. Любя меня какъ своего сына, не хотѣлъ онъ со мною разстаться и неопшпупно просилъ меня жить въ Лондонѣ, шакъ что я наконецъ долженъ былъ согласиться шуда переѣхать; однакожь всякой годѣ мѣсяца на три ѣздилъ я въ деревню. Воспитаніе сына болѣе всего меня занимало. Я самъ училъ его многимъ языкамъ, и весьма ушѣшался прилѣжностію и поняшливосшію его. — Лордъ Р*, чувствуя слабость своего здоровья, написалъ духовную, въ которой отказалъ мнѣ пятнашцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Сей почтенной старецъ, черезъ годъ послѣ того, скончался въ нашихъ объятіяхъ. Мы погребли его подлѣ гроба супруги и дочери его. Сирѣ Карлъ съ фамиліею своею и я цѣлой годѣ по томъ жили въ деревнѣ.

Сыну моему минуло четырнатцать лѣтъ; пришло время ему учиться наукамъ. Я рѣшился ѣхать съ нимъ въ Германію и учить его въ Лейпцигскомъ Университетѣ, предпочитая его Англійскимъ публичнымъ училищамъ. Простившись съ моимъ шуриномъ и оросивъ слезами гробъ моей супруги и Профессора Л*, поѣхалъ я въ Германію. Тамъ возобновилъ я прежнія знакомства, а осо-

бливо въ Лейпцигѣ, гдѣ старыя друзья мои съ радостію меня приняли. Сынъ мой учился шесть лѣтъ. По помѣ поѣхалъ я съ нимъ въ Швейцарію и въ Италію. Изъ Италіи возвратились мы опять въ Швейцарію и пріѣхали въ Цирихъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ Лф*. Великія знанія и доброе сердце его такъ меня къ нему привязали, что я всякой день спарался быть съ нимъ вмѣстѣ, болѣе по тому, что разговоры наши были полезны для моего сына. Прогуливаясь въ одинъ день по окрестностямъ Цирихскимъ, пришелъ я на то мѣсто, гдѣ мы теперь сидимъ. Виды, открывшіяся мнѣ съ этого возвышенія, привели меня въ восхищеніе. Вдругъ почувствовалъ я сильное желаніе, если можно, провести тутъ всю жизнь мою. Я узналъ, кому принадлежало это мѣсто, купилъ его и построилъ домикъ. — По помѣ поѣхалъ я съ сыномъ въ Вѣну, и былъ представленъ Князю К*, которой удостоилъ меня и сына моего своей милости, и предложилъ ему самое то мѣсто, которое нѣкогда мнѣ предлагасмо было. Сынъ мой, по совѣту моему, съ благодарностію принялъ такое милостивое предложеніе и вступилъ въ должность,

кошо-

которая открыла ему пространное поле для оказанія своихъ дарованій. Я оставилъ его въ Вѣнѣ, возвратился въ Цюрихъ и поселился въ уединенномъ своемъ домикѣ.

Здѣсь посвящаю жизнь мою наукамъ. Безконечность великихъ дѣлъ Творца нашего обогащаетъ меня всякой день новыми существениыми познаніями. Я не выдумываю никакихъ системъ, а довольствуюсь разсматриваніемъ частей той великой системы, въ которой все находится между собою въ почтѣйшей связи; той прогрессіи, той постепенности, по коей восходитъ Натура въ спроеніи животныхъ отъ безымяннаго червячка, которой въ дватцать семь милліоновъ разъ менѣе сырнаго червя, до совершеннѣйшей швари — отъ органовъ жизни Полипа до органовъ жизни Оранг-Утанга. Удивляюсь измѣненію, возвышенію и утонченію матеріи; удивляюсь духу, оживляющему сію матерію. Небесныя пространства, усѣянныя тысячами солнцевъ, которыя освѣщаютъ отдаленные отъ насъ міры, суть для меня восхищительное зрѣлище. Но главнѣйшій предметъ моего вниманія есть человекъ, чудеснѣйшее и славнѣйшее твореніе

реніе міра нашего. Разсматривая нрав-
ственную натуру его, которая ошли-
чаетъ его отъ всѣхъ прочихъ животныхъ,
вижу цѣль здѣшняго бытія его и радуюсь;
разсматривая его натуру вообще, вижу,
что она еще можетъ достигнуть боль-
шого совершенства — увѣряюсь, что
нѣкогда достигнетъ его, и радуюсь. Все,
все вѣщаетъ мнѣ о премудрости, бла-
гости и всемогуществѣ Творца нашего —
и человекъ и червь, и солнце и аполонь.

Такимъ образомъ въ тихой радо-
сти текутъ дни мои. Сынъ мой всякой
годъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и живетъ со
мною мѣсяца по два. Шуринъ мой, для
свиданія со мною и съ сыномъ моимъ,
два раза былъ въ Швейцаріи; впрочемъ
всякой мѣсяцъ получаю отъ него письма.
Изъ Англійскаго Банка присылаютъ ко
мнѣ проценты съ пятнадцати тысячъ
фунтовъ стерлинговъ, которые при от-
бѣдѣ изъ Лондона я поожилъ въ него.
Четвертую часть изъ процентовъ посы-
лаю къ сыну, другую четверть издержи-
ваю на книги и на небольшія домашнія на-
добности, а половину отсылаю въ разныя
болѣницы и раздаю бѣднымъ. Почтенной
другъ мой Лф* часто посѣщаетъ меня,
и мы по нѣсколькимъ часамъ проводимъ съ
нимъ

нимъ въ утѣшительныхъ разговорахъ. Я пишу, имѣя въ предметъ пользу моихъ сочеловѣковъ, и сочиненія свои издаю въ свѣтъ. Благословляю память Профессора Л*, коимъ былъ первымъ орудіемъ къ устройству истиннаго моего счастья. Время отъ времени болѣе чувствую цѣну его наставленій. Наприм. онъ всегда говаривалъ, что не обуздывая страстей, не исправляя сердца, не любя быть мудрымъ и слѣдственно счастливымъ: я испыталъ истину этсва, и живо помню, какое замѣненіе сдѣлалось въ душѣ моей, когда я покорился спроси. Во всѣ часы жизни моей благодарю Бога, Которому угодно было озарить меня лучемъ святой Истины, и съ веселіемъ ожидаю того времени, въ которое Онъ повелитъ мнѣ скрыться изъ здѣшняго міра и явиться шуда, гдѣ сіяетъ Истина свѣтомъ живѣйшимъ. — —

Мудрой пустынникъ окончалъ свое повѣствованіе, за которое Г. Девисъ весьма благодарилъ его. Я входилъ въ нѣкоторыя подробности [сказалъ онъ по помѣ Англичанину] единственно для того, чтобы живѣе изобразить вамъ сердце молодого челоѣка. — Они ходили прогуливаться и весь вечеръ проговорили о нау-

наукахъ. Г. Девисъ не видалъ, какъ на-
сшала ночь. Пустынникъ удержалъ его
у себя ночевашъ, и поуспру, прощаясь
съ нимъ, подарилъ ему нѣкоторыя изъ
своихъ сочиненій, славныхъ въ ученомъ
свѣтѣ. Г. Девисъ, выпрося у него поз-
воленіе посѣщать его и пользоваться
его насшавленіями, возвратился въ Ци-
рихъ, будучи весьма доволенъ своею
прогулкою.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Спарецъ, нищій и дряклой, едва пере-
двигалъ трепещущія ноги свои,
шедши въ знойной день по большой до-
рогѣ; голодъ и жажда помили его. Въ
нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ
онъ маленькую пѣнисшую рощицу и въ
концѣ ея прекрасной домикъ, въ кото-
ромъ раздавались голоса веселящихся лю-
дей. Спарецъ обрадовался. Здѣсь упо-
ляшъ голодъ и жажду дряхлаго, думалъ
онъ: здѣсь прохладной бальзамъ пѣни
освѣжитъ упомянутое пѣло мое. —
Онъ подходилъ къ окну домика и видилъ
семь или восемь человекъ сидящихъ за
бога-

богатымъ обѣденнымъ споломѣ. , Сыны
щастія и радости! восклицаетъ нищій:
удѣлише ошѣ изобилія своего бѣдному
собрату вашему, лишенному самаго ну-
жнаго пропитанія!., — Три раза над-
лежало ему повторить сіи слова, кошо-
рья заглушаемы были шумомъ веселя-
щихся, довольно уже виномъ разгорячен-
ныхъ. Наконецъ услышали голосъ ни-
щаго: шумъ прерывается — гости на-
хмурились, а хозяинъ вскочилъ со стула,
посмотрѣлъ вѣ окно, и увидя спарика,
пьяжкими болѣзнями обезображеннаго, за-
кричалъ: „какой уродъ! Дайте этому на-
глуму *собрату* копѣйку, и отгоните его
прочь., Безжалостныя люди безжалостнаго
Господина опогнали ошѣ окна бѣднаго,
разругавъ его и давъ ему копѣйку. Ни-
щій пролилъ слезы, и ошшедши шаговъ
пятьдесятъ, упалъ ошѣ слабости; хо-
пѣлъ сномъ прервать вѣ себѣ чувство
голода и жажды, но сонъ бѣжалъ ошѣ
глазъ бѣднаго. Вѣ самую сію минупу
подбѣгаетъ къ нему крестьянской маль-
чикъ, смотришъ на него съ жалостію и
зовешъ его вѣ свою хижину. Ошдохни
у насъ, старичокъ! говоритъ онъ: ешъли
шы хочешъ ѣшъ, шо матушка моя шебя
накормишъ и постелишъ шебѣ подѣ боль-
шимъ

шимъ дубомъ мягкую постелю, гдѣ солнце жечь тебя не будетъ. Старикъ посмотрѣлъ на мальчика, посмотрѣлъ на небо, благодарилъ Бога и силился встать на ноги. Мальчикъ взялъ его подъ руку и довелъ до своей хижины. Вопль шебъ гость, сказалъ онъ матери своей: бѣдной старичокъ лежалъ на солнцѣ и насилу могъ встать. Добродушная крестьянка посадила старика на лавку, обширала бѣлымъ плашкомъ лице его, покрывое попомъ и пылью, напоила, накормила и успокоила его. Чувствительной старикъ, пробудившись отъ крѣпкаго сна и чувствуя возобновленіе силъ своихъ, спалъ на колѣни и возсылалъ ко Всевышнему теплосе моленіе, да изліетъ Онъ дары Свои на сію благодѣтельную крестьянку и сына ея, и простишь жестокосердаго богача, такъ немилосердосе съ нимъ поешупившаго.

О вы, надѣленные въ избыткѣ благами міра сего! будьте милоспивы къ бѣднымъ и докажете благодѣяніями своими, что вы любите человекество!

Конецъ сочиненія въ Госпожи Добролюбовой.

СИСТЕМА МІРА.

Госпожа Тихова, будучи вдовою около шрехъ лѣтъ, поѣхала жиць вѣ свою подмосковную деревню, гдѣ былъ у нее прекрасной маленькой домикъ. Всегдашнюю горестъ ея о кончинѣ супруга облегчали шолько старанія, которыя прилагала она о воспитаніи своей дочери, единственнаго залога нѣжности его. Она вышла за мужъ весьма молода; и родилель ея, изчисляя сокровищи, которыя отдавалъ за нею вѣ приданое, думалъ, что имѣя великое богатство и нѣкоторыя пріятныя дарованія, можешъ она съ честію показаться вѣ свѣтѣ. Будучи всегда занятъ множествомъ дѣлъ и живя вѣ шумномъ разсѣяніи, не разсуждалъ онъ, что вѣ спокойнѣйшей жизни дочь его будетъ имѣть болѣе нужды вѣ помощи обработаннаго разума и сердца, и что чѣмъ лучше успѣетъ онъ вѣ выборѣ для нее супруга, тѣмъ нужнѣе будущъ ей сіи выгоды для пріобрѣшенія его почтенія и сохраненія любви его. Мысли шоль просныя не приходили ему вѣ голову, и самыми полезнѣйшими изъ родилельскихъ попеченій занимался онъ всего менѣе.

Ставъ супругою чловѣка почтеннаго, имѣвшаго чувства нѣжныя, разумѣ просвѣщенной, знанія основательныя и вкусѣ опмѣнно хорошій, Гж. Тихова скоро почувствовала худыя слѣдствія сего небреженія. Стараясь поправить его въ разсужденіи себя самой, рѣшилась она наиболѣе избѣгать его въ разсужденіи своей дочери. Городскія упражненія никогда совершенно не отвращали ее отъ сего предпріятія; но въ уединеніи, въ которое удалилась она отъ горести по смерти своего супруга, было ей уже свободно произвестъ его въ дѣйство. Она воспользовалась первыми лѣтми дѣйствія Надеждина и старалась сама учиться всему тому, чему нѣкогда учить ее хотѣла. Ея прилѣжность, хорошая память, точность и проницательность ея разума, такъ хорошо способствовали намѣренію нѣжнаго сердца ея, что наконецъ узнала она совершенно древнюю и новую Исторію, всеобщую Географію, начала Геометріи, и получила нѣкоторыя общія понятія о Натуральной Исторіи и Физикѣ. Чтобы быть въ состояніи самой учить дочь свою, пріобрѣтала она сіи разныя знанія единственно посредствомъ хорошихъ начальныхъ книгъ. Такимъ образомъ

зомъ стараяся найти для самой себя способъ пріятнѣйшій и надежнѣйшій, сперва знакомилась она съ шѣмъ, которой былъ наилучшій для характера Надеждина ума. Тонкость и живость ея, съ самаго ея младенчества, обѣщали много хорошаго, что въ послѣдствіи и подтвердилось. Надежда, вступивъ только еще на принапцатой годъ, начинала уже признательностію и успѣхами своими награждать мать свою за шѣ попеченія, которыя имѣла она о наученіи ея. Дни ихъ текли въ числѣйшихъ радостяхъ и во взаимныхъ восхищительнѣйшихъ удовольствіяхъ. Избранное общество изъ сосѣднихъ дворянъ, и посѣщенія, которыя иногда принимали они отъ городскихъ своихъ пріятелей, единственно отвлекали ихъ отъ ученія; разнообразіе, которое умѣли они вводить въ сіе ученіе, сажденіе цвѣтовъ и присмотръ за пшичникомъ, составляли отдохновеніе отъ онаго.

Для того ли, чтобы удалишь отъ сердца дочери своей всякое чувство тщеславія, или для того, чтобы избавишься отъ плагостныхъ посѣщеній, Гж. Тихова старалась скрывать свое богатство и выдавала за причину удаленія своего въ

деревню нужду поправитъ шамъ дѣла свои строгимъ хозяйствомъ. Освободясь отъ скучныхъ мѣлочей и бесполезныхъ издержекъ большаго дома, она имѣла болѣе времени работашъ и болѣе средствъ удовлетворять своей благодарности, тайно разливая вокругъ себя великодушныя вспоможенія. Тишина такой мирной жизни, утѣшеніе видѣть дочь свою соотвѣтствующую ея надеждѣ, крѣпкое здоровье, пріобрѣтенное трудолюбіемъ, умѣренностію и презвостію, вселили въ характеръ ея всегдашнее спокойствіе, а въ духъ ея такое веселіе, что пылкая Надежда находила живѣйшее удовольствіе въ ея сообществѣ. Возрастающая чувствительность сего юнаго сердца была вся устремлена на ея мать и родителя, котораго память старалась Гж. Тихова сохранять протательнымъ соболѣзнованіемъ и хвалою добродѣтелей его. Надежда, воспыиваемая въ искренности и свободѣ невинности, и несокрывавшая ничего отъ нѣжнаго друга своего, удержала въ себѣ сей драгоцѣнной цвѣтъ дѣвской простоты, которая дѣлаетъ разумъ столь любезнымъ. Всѣ ея разсужденія сославлялись во время разговоровъ ея съ машерью, и по тому оборотъ ихъ сдѣ-

сдѣлался живѣ и одушевленѣ, какѣ по бываетѣ въ жару разговора; и мысли ея выражались съ ясностію и острою, съ пріятностію и точностію.

Другѣ дѣтства Гж. Тиховой былѣ Г. Любомудровѣ, брательнѣ ея, копорой жилѣ въ Москвѣ, занимаясь должностію знашнаго чина и Физическими науками, въ копорыхѣ онѣ весьма успѣвалѣ. Двѣ дочери, кои были еще на рукахѣ у матери своей, и молодой Андрей, вступившій на шринаццатой годѣ, составляли всю его семью. Среди шумнаго города, домѣ его былѣ тихимѣ пріѣжищемѣ добронравія. Сынѣ его былѣ у него всегда въ глазахѣ. Получивѣ отѣ природы живое воображеніе, разумѣ быстрой и смѣлой, свободность, возвышенность и швердость въ чувствахѣ, Андрей имѣлѣ душу шихую и припомѣ удобную къ сильнѣйшимѣ движеніямѣ. Онѣ уже весьма любилѣ славу и все великое. Когда рассказывали ему какое нибудѣ храброе или великодушное дѣло, грудь его подымалась и пламя блиспало въ его взорахѣ. Ожидая отѣ шакого характера чего нибудѣ великаго, Г. Любомудровѣ чувствовалѣ, что онѣ можетѣ причинить ему

и великія безпокойства; однакожь нѣжная дружба, которую имѣлъ къ нему сынъ его, умѣряла его страхъ. Онъ заблаговременно привыкъ управлять имъ ласками. Холодность огорчила бы душу его; одинъ выговоръ былъ бы для него жестокимъ наказаніемъ.

По весьма убѣдительному призыву, полученному ими отъ Надежды, чптобы они были къ празднику, которой она хопѣла дать мапери своей на канунъ дня рожденія ея, они тихонько пріѣхали въ деревню къ Гж. Тиховой. Нечаянной пріѣздъ ихъ увеличилъ удовольствія сего не ожидаемаго праздника. Надежда украшала его своими пріятностями, Андрей оживлялъ своею веселостію. Гж. Тихова проливала слезы, видя такую нѣжную примѣчательность въ своихъ любезныхъ дѣтяхъ. Она была еще довольнѣе на другой день, когда, прогуливаясь на единъ съ братомъ своимъ, могли они свободно разговаривать о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ. Обѣдъ, соединившій ихъ съ милыми дѣтьми, былъ новою сценою новыхъ удовольствій. Послѣ разлуки довольно долговременною, бытъ вмѣстѣ въ хорошей день, въ мѣстахъ прекрасныхъ, съ предметами, ихъ
споль

столь занимающими; нѣжности крови и дружбы; родительскія движенія; воспорги, смѣшанные изъ всѣхъ сладостнѣйшихъ чувствъ природы — вы будете имѣть еще весьма слабое понятіе о ихъ щастіи, естли подумаете, что сіи черны могли вамъ изобразить его.

РАЗГОВОРЪ

ПЕРВОЙ.

Когда прохладной вечеръ заступилъ мѣсто жаркаго полудня, они всѣ вмѣстѣ пошли прогуливаться на террасу. Солнце готовилось сокрыться; оно было уже на краю горизонта. Вдругъ Гж. Тихова, перервавъ свой разговоръ съ братомъ, пошла съсѣсть на каменную скамью бывшую при входѣ въ большую алею. Г. Любомудровъ подумалъ, что она ослабѣла; пошелъ за нею, будучи въ безпокойствѣ, и спрашивалъ, что она чувствуетъ. Ничего, отвѣчала она съ улыбкою, не спуская глазъ съ запада: я шопчасъ удовлетворю вашему удивленію и любопытству; — дайте только съсѣсть солнцу.

Г. Любомудровъ и дѣти смотрѣли другъ на друга въ молчаніи и не смѣли перервать его. Солнце поспѣшъ зашло. Тогда Гж. Тихова вспала и съ веселымъ видомъ сказала: я довольна — въ мірѣ все спройно, Слова мои и внезапной уходъ мой ошъ васъ должны васъ удивить; надобно вамъ изъяснить эшо. Нынѣ, какъ извѣстно вамъ, день моего рожденія. Мнѣ кажется, что въ эшошъ день все въ Натурѣ бываетъ для меня занимательнѣе. Съ большимъ вниманіемъ разсматриваю я все происходящее вокругъ меня; вездѣ нахожу такіе предметы, которыя возбуждають во мнѣ размышленіе и занимають меня. Въ нынѣшнее утро, ходя по саду, старалась замѣчать перемѣны, которыя могли произойти въ деревьяхъ въ прошедшій годъ. Я видѣла, что инья лищались уже своей молодости, а другія приходили въ ихъ возрастъ и силу. Первыя дали мнѣ горестной урокъ, а другія меня утѣшили; — они представили мнѣ въ пріятномъ образѣ удовольствіе видѣть себя снова молодѣющую въ своей дочери.

Надежда поцаловала руку у матери своей и вздохнула.

Вотъ

Вотъ замѣчаніе, сказалъ Г. Любомудровъ, которое нравится мнѣ своею смѣлостію и Философією; а чувство, съ нимъ соединенное, меня весьма прогаешъ. Но не уже ли наблюденія твои простираются до самаго небеснаго свѣтила? Ты можешъ быть любопытствовала узнать, не лишилось ли оно нѣкоторой степени своей силы или сіянія своего?

Г ж. Тихова.

Нѣтъ, братецъ, мысли мои такъ далеко не простираются. Прошлаго году, въ самой нынѣшній день, сидѣла я одна на этой скамьѣ и погружалась въ пріятной задумчивости. Я видѣла заходящее солнце, и примѣтила, что оно сокрылось отъ глазъ моихъ за эшимъ дубомъ. Вспомнивъ это, захотѣлось мнѣ посмотреть, точно ли въ томъ мѣстѣ зайдетъ оно и въ нынѣшній годъ. Я бы никакъ не могла думать, чтобы земля въ теченіи своемъ была такъ правильна.

Г. Любомудровъ.

А особливо обтекши въ сіе время болѣе двухъ сотъ десяти милліоновъ Французскихъ миль.

Гж. Тихова.

Это ужасное пространство заставляло меня болѣе удивляться ея почности.

Г. Любомудровъ.

Она могла бы приписать себѣ шаковую же лестную похвалу; для того что въ шомъ же самой день года и въ ту же минушу она находилъ себя опять на томъ же мѣстѣ наблюдающую ея печеніе.

Гж. Тихова.

Нѣтъ, братецъ, оставимъ пустую гордость спориться съ нею въ разсужденіи большаго порядка. Какъ разумъ ни гордился своимъ стройнымъ ходомъ и свѣтильникомъ, однакожь слѣпая Плянеша пойдетъ всегда прамѣ его.

Надежда.

Когда же это такъ, дядюшка, то посмотримъ на звѣзды, которыя начинаютъ показываться. Я чрезвычайно рада, что онѣ могутъ засвидѣтельствовать добродѣтель шара нашего. Хлямы сами не много и въпрены, однакожь
земля

земля наша не такова; а можетъ быть, что по ея характеру почтутъ и насъ существами важными, соблюдающими во всемъ порядокъ и стройность.

Г. Любомудровъ.

На самомъ нашемъ шарѣ, любезной другъ мой, надлежало бы намъ начать заслуживать такое хорошее о себѣ мнѣніе, не заботясь о томъ, что могутъ думать звѣзды. Впрочемъ это лицемѣріе было бы для насъ совсѣмъ бесполезно. Звѣзды не видятъ земли нашей и не подзрѣваютъ, чтобы существовали ея жители.

А н д р е й.

Какъ! когда мы смотримъ на нихъ, можетъ быть, въ пять сотъ зрительныхъ трубъ, онѣ совсѣмъ и не примѣчаютъ насъ?

Г ж. Тихова.

Вѣрь теперь Поэтамъ, которые берутся возносить до звѣздъ славу женщинъ!

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Не будучи легковѣрною, уже ли захочешь быть неснисходительною? Хотя бы когда нибудь эпа лестная ложь и могла обмануть ихъ, однакожь бывала ли она для нихъ оскорбительна? Она имѣетъ свою пріятность, и происходитъ отъ желанія сдѣлать по правдою.

А н д р е й.

Однакожь очень прискорбно, батюшка, быть такъ мало извѣстнымъ во вселенной.

Г. Любомудровъ.

Утѣшься, Андрей! Марсъ и Луна видятъ насъ довольно ясно.

Надежда.

И такъ только они одни свидѣтели бытія нашего?

Г. Любомудровъ.

Меркурій и Венера, находящіеся между нами и солнцемъ, можетъ быть насъ усматриваютъ, естли они не ослѣплены великимъ свѣтомъ, ихъ окружающимъ. Но что касается до Юпитера, Сатурна

и Гершеля (*), по я весьма сомнѣваюсь, чтобы они имѣли о насъ хоща малое понятие.

А н д р е й.

Да хоща бы они и совершенно знали насъ! Мнѣ бы хощѣлось дать себя знать не такимъ Планетамъ, какъ наша.

Г ж. Т и х о в а.

О! я вижу, что Андрей изъ числа шѣхъ гордыхъ людей, копорыя презирають почтеніе равныхъ себѣ. Тогда они будутъ довольны, когда слава ихъ дойдетъ до Государя и до чужестранныхъ Дворовъ.

А н д р е й.

Правда. Я бы хощѣлъ, чтобы шаръ нашъ извѣстенъ былъ самымъ звѣздамъ.

Г. Любе-

(*) Такъ именуютъ новую Планету, открывшую Гершелемъ, копорую называли прежде и нынѣ еще называють Ураномъ.

Г. Любомудровъ.

Другъ мой! можно ли желать, чтобы онъ насъ видѣли, когда самой округѣ въ двѣсти десять милліоновъ миль, ко- шорой земля ежегодно обшекаетъ — естѣли бы она всего его заняла, надувшись гор- достію подобно баснословной лягушкѣ — составилъ бы только одну почку въ про- странствѣ.

А н д р е й.

Можно ли!

Г. Любомудровъ.

Мнѣ легко доказать себѣ это въ одну минушу.

Н а д е ж д а.

Однакожь, дядюшка, естѣли бы мы такъ разширились, какъ вы говорите, то были бы уже гораздо болѣе солнца. Звѣзды видятъ солнце: слѣдственно онъ бы видѣли насъ еще болѣе.

Г. Любомудровъ.

Послушай, Надежда: видишь ли шамъ внизу, отсюда версты за три, эту го- рящую свѣчу, копорая, думаю, зажжена въ какой нибудь деревнѣ?

Наде-

Надежда.

Вижу, дядюшка.

Г. Любомудровъ.

Деревня гораздо болѣе свѣчи; она освѣщена ея свѣтомъ: видишь ли ты деревню?

Надежда.

Нѣтъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ видишь ли, что шѣло, свѣтящееся само собою, можетъ быть издавна видимо; а шѣло гораздо большее, которое только отбрасываетъ намъ свѣтъ получаемой отъ него, непримѣнно для глазъ нашихъ?

Надежда.

Вижу, дядюшка.

Г. Любомудровъ.

Теперь представь себѣ землю въ подлинной ея соразмѣрности съ солнцемъ. Въмѣсто того, чтобъ быть болѣе его, такъ какъ деревня болѣе свѣчи, въ сравненіи

ненія будетъ она по же, что булавочная головка прошивъ зажженного факела. По этому примѣру можешь судить о той блестящей фигурѣ, которую мы составляемъ во вселенной.

Надежда.

Что, братецъ? Видно пришло намъ отказать отъ нашего требованія на почтеніе звѣздъ.

Гж. Тихова.

Я представляю себѣ теперь какого нибудь высококомѣрнаго и знатнаго жителя столицы, которой думаетъ, что все Государство смотритъ на него и которому бы пришли сказать, что за сто верстъ въ самомъ дѣлѣ его довольно знаютъ; что и за триста верстъ по случаю произнесено было имя его, но что за пять сотъ верстъ конечно нѣтъ о немъ никакого слуха.

Надежда.

Знаете ли, что? На братцовомъ мѣстѣ было бы мнѣ такъ стыдно, чтобы я и отъ луны спряшалась.

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Поберегись, душенька. Такая гордая чувствительность могла бы намъ дорого стоить.

Надежда.

А что, дядюшка?

Г. Любомудровъ.

То, что если бы спрятались мы отъ луны, то луна въ ту же минуту и сама бы отъ насъ спряталась.

Надежда.

О! мнѣ бы очень жаль было нѣжнаго свѣта ея.

Гж. Тихова.

Признайся, что и я до слабости люблю ее. По скромному и цѣломудренному виду ея кажется, что она совершенна бытъ солнцемъ женщинъ.

Г. Любомудровъ.

Мысль довольно щастливая. Сколько бы прелестныхъ прихотей можно было изъяснить переменами ея фазъ и неравностями ея печенія! — И шакъ

вы видите, друзья мои, что мы ничего не перьяемъ, и что земля весьма щаслива и пѣмъ, что получаетъ свѣтъ отъ окружающихъ ее свѣтилъ, безъ щеславія опличаешься отъ нихъ сіяніемъ своимъ.

А н д р е й.

Жаль однако, что мы не свѣплѣ блиспаемъ. Признайшесь, батюшка, что мы на мѣстѣ самомъ удобнѣйшемъ для блиспанія.

Г. Любомудровъ.

А по чему считаешь ты это мѣсто такъ выгоднымъ?

А н д р е й.

Это ничего не мудрено. Надобно только взглянуть на небесной сводѣ. Ясно видно, что онѣ сведенъ надъ нашею землею, что звѣзды разсѣяны на немъ въ равномъ разстояніи отъ насъ, и что мы занимаемъ середину вселенной.

Г. Любомудровъ.

Послушай. Помнишь ли потѣ прекрасной видѣ, которой нынѣ поушру
пока-

показывалъ ты мнѣ съ самаго этого мѣста: этотъ холмъ, этотъ лѣсокъ, этотъ вешкой домъ, до половины развалившійся, и эту башню, которая, кажется, доспаетъ верхомъ своимъ до самыхъ облаковъ?

А н д р е й.

Очень помню, бапюшка; а особливо это прекрасное орѣховое дерево, мимо котораго мы вчера ввечеру проѣхали, и котораго орѣхи такъ меня прельщали. Мнѣ пріятно было смотрѣть на него, хотя и издали; потому что отсюда казалось мнѣ, будто оно на самомъ концѣ горизонша.

Г. Любомудровъ.

А это не такъ. Ты долженъ былъ видѣть гораздо позади его ту маленькую деревеньку, гдѣ мы разсматривали большой гошической домъ, отчасти уже развалившійся. Ты знаешь, что она далѣе его. Мы ѣхали отъ нее до орѣховаго дерева около четверти часа.

А н д р е й.

Правда; но я въ этомъ не виноватъ. Въ такомъ отдаленіи не лзя точно на-

значить разспоянія. Смотри отсюда, всякой бы подумалъ, что дерево стоишь въ одной окружности съ холмомъ, лѣскомъ, замкомъ и башнею, и что наша терраса въ самой срединѣ полукружія. Я все это разсмотрѣлъ.

Г. Любомудровъ.

Что ты говоришь? Что считаешь ты, сестрица, отсюда до башни?

Гж. Тихова.

Около девяти верстъ, братецъ.

Г. Любомудровъ.

А до холма?

Гж. Тихова.

Верстъ шесть.

Г. Любомудровъ.

А до лѣску?

Гж. Тихова.

Менѣ двухъ верстъ. Я шуда кожу пѣшкомъ.

Г. Любомудровъ.

А я по времени дороги думаю, что до замка отсюда будетъ двѣ версты съ
поло-

половиною, а до орѣховаго дерева не болѣе четырехъ сажень. Но что же! всѣ эти предметы, одни шакъ удаленные, другіе столько впередъ подавшіеся, представляются въ одной окружности? всѣ эти споль неравныя пространства со-спавляютъ горизонтъ круглой? и наша терраса находится точно въ срединѣ всего? — Андрей не будетъ ли это шакъ и въ разсужденіи этой весьма правильной овальности небснаго свода, въ разсужденіи эшихъ звѣздъ, копорыя, кажешся, укрѣплены всѣ на одной поверхности, и наконецъ въ разсужденіи насъ, думающихъ, что мы находимся въ самомъ средоточіи этого прекраснаго павильона?

А н д р е й.

На это сказать мнѣ не чего. Ештли глаза обманываютъ меня въ небольшомъ разстояніи, то они еще болѣе обманутъ меня въ такомъ великомъ опдаленіи. Но чтобы мы не были точно въ срединѣ подъ небомъ, я все еще не могу вѣрить, и былъ бы гошовъ бишья обѣ закладъ, что нѣтъ ни двухъ дюймовъ лишнихъ ни въ шу, ни въ другую сторону.

Г. Любомудровъ.

Посмотримъ. Передъ обѣдомъ были мы вгоспяхъ у здѣшняго священника.

А н д р е й.

О! это самой честной человѣкъ! Онъ далъ мнѣ прекрасную грушу.

Г. Любомудровъ.

Ну, какъ же послѣ этого сомнѣвались въ его честности! Но дѣло идетъ не о садъ его, а о колокольнѣ. Помнишь, какъ онъ хвалилъ намъ перспективу, которая видна тамъ съ галереи? Мы вошли туда. Чшо же?

А н д р е й.

Церковь ниже, а колокольня не выше этой террасы. Я видѣлъ это по опшвѣсу.

Г. Любомудровъ.

И такъ опшуда видно не далѣе того, до чего видно съ этой террасы?

А н д р е й.

Ни мало не далѣе, бапюшка. Все точно шо же. Я увидѣлъ всѣ шѣ же предметы,

меты, въ такомъ же разстояніи, и все на концѣ горизонша, такъ какъ и отсюда.

Г. Любомудровъ.

По этому колокольня соспавляла центръ всей окружности?

А н д р е й.

Да, бапюшка.

Г. Любомудровъ.

И такъ здѣсь ты уже не въ центрѣ; пошому что кругъ не можетъ имѣть двухъ центровъ.

А н д р е й.

Да мы отъ церкви не далеко.

Г. Любомудровъ.

Однакожь до нее будетъ отсюда шаговъ двѣспи.

А н д р е й.

Но это ничего не значитъ противъ великаго отдаленія, въ которомъ было все то, на что мы смотрѣли.

Г. Любомудровъ.

И такъ, когда изъ двухъ разныхъ пунктовъ весьма отдаленные предметы ка-

жупся въ одинакомъ разстояніи, по промежутокъ, раздѣляющій пункты, долженъ бытъ всегда невеликъ, такъ какъ бы они составляли только одинъ пунктъ? Такъ что ли, другъ мой?

А н д р е й.

Точно такъ, бапюшка. Вы очень хорошо поняли мою мысль, и я очень доволенъ вашею догадкою.

Г. Любомудровъ.

Это меня ободряетъ. Теперь пойдѣмъ далѣе. Вы съ сестрою знаете, что земля обшекаетъ около солнца кругъ. Я начерчу его здѣсь на песокъ. Видите ли? Эшотъ овалъ называющъ Эллипсою, такъ какъ вамъ сказывали. Хорошо — вошъ она. Ее можно еще ясно видѣть отъ свѣша восходящей луны. Въ кругъ положу я шляпу, кошорая будетъ представлять солнце.

А н д р е й.

Ну, правду сказать, не худое солнце, и притомъ черное! — Постойте, поспойте!

(Бѣжитъ изо всей силы къ дому.)

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Куда ты, Андрей?

А н д р е й. (издалека, не
останавливаясь).

Я потчасъ прибѣгу.

Н а д е ж д а.

Что понадобилось моему вѣпренному
братцу?

Г. Любомудровъ.

Подождемъ и посмотримъ, заслужи-
ваетъ ли онъ брань.

А н д р е й.

(Возвратясь черезъ двѣ минуты
съ слугою, которой принесъ
головню).

Не заспавилъ ли я васъ долго ждашь?
Петръ! положи, пожалуй, головню на мѣ-
сто шляпы. Это солнце, думаю, спо-
итъ вашего, бапюшка. Вы бы пропу-
дильсь, смотря на него. Надѣньте шляпу:
теперь сыро.

Г. Любомудровъ.

Благодарю себя, мой другъ, за лю-
безное твое примѣчаніе. Эша головня

можетъ намъ служить еще и на другое. Поспой, Петрѣ. Теперь, дѣти, не хотите ли предпринять путешествія около солнца, чтобы лучше разсмотрѣть круги?

(Надежда и Андрей обходятъ около головни).

Хорошо. Петрѣ! возьми теперь головню и поди на конецъ алеи. Оттуда покажи ее намъ.

Петрѣ (уходя).

Слышу, сударь.

Надежда.

Чего хотите вы, дядюшка?

Г. Любомудровъ.

Увидишь. Ну, дошелъ ли до своего мѣста, Петрѣ?

Андрей.

Смотрите, онъ уже оборотился къ намъ. Ахъ! какъ мала спала головня!

Г. Любомудровъ.

Я очень радъ, что ты это замѣтилъ. Поди сюда. Спаны на этой сторонѣ круга.

Андрей,

А н д р е й.

Хорошо; да солнце-шо у насъ унесли.

Г. Любомудровъ.

Оно шеперь намъ не надобно. Положи, что оно сѣло. Только ночью можно видѣшь звѣзды. Головня будетъ звѣздою. Посмотри на нее хорошенько, чтобы увѣришься въ ея величинѣ и опдаленіи.

А н д р е й.

Я ужь довольно смошрѣлъ на нее.

Г. Любомудровъ.

Ступай же тихонько по круглой чертѣ, представляющей кругъ печенія земли, и смотри безпрестанно на головню, представляющую звѣзду. Далѣе! -- Увеличилась ли звѣзда въ глазахъ твоихъ, или приблизилась ли къ тебѣ?

А н д р е й.

Нѣтъ, батюшка; она все шакова же и шамъ же.

Г. Любомудровъ.

Поди еще далѣе по кругу, до мѣста прошивоположнаго шому, откуда пы пошелъ.

шелъ. Тутъ останопись. Ну, что наша звезда?

А н д р е й.

Она не перемѣнилась.

Г. Любомудровъ.

Какъ! она не кажешся тебѣ ни болѣе, ни ближе? Ты вѣдь къ ней гораздо подвинулся.

А н д р е й.

Какъ не такъ! Она спсюда можешъ бышь въ двухъ спакъ шагахъ, а я приближился къ ней шолько длиною діаметра эпова круга, кошорой около шести фушовъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ шесть фушовъ почти ничего не значашъ въ разсужденіи опдаленности головни? И безъ сомнѣнія они бы еще менѣе значили, еспьли бы мы удалились ошъ головни версты за три, до того, наприм. чтобы она предспавилась намъ въ величинѣ искры?

А н д р е й.

А н д р е й.

Тогда весь кругъ былъ бы непри-
мѣтною почкою. Сдѣлаемъ опытъ въ
большомъ, батюшка.

Г. Любомудровъ.

Надобно себя удовольствовать. Я
дамъ тебѣ діаметръ въ шестидесять шесть
милліоновъ Французскихъ миль, т. е. ді-
аметръ подлиннаго круга земли; а вмѣ-
сто головки, представлявшей звѣзду, даю
тебѣ подлинную звѣзду.

Н а д е ж д а.

Ну! ну!

А н д р е й.

Это такъ говорится. Посмотримъ,
посмотримъ!

Г. Любомудровъ.

Дай намъ немного соберись съ
мыслями.

Я сказалъ тебѣ, помнишь, *появь*
хорошо мысль твою, что когда изъ двухъ
разныхъ пунктовъ отдаленные предметы
кажутся всегда въ одинакомъ разстояніи,
то промежутокъ, раздѣляющій пункты,

дол-

долженъ быть невеликъ, такъ какъ бы они соспавляли только одинъ пунктъ.

А н д р е й.

Точно такъ — слово отъ слова.

Г. Любомудровъ.

Не забудь съ своей стороны, что ты самъ сказалъ; а именно, что нашъ маленькой кругъ, начерченной здѣсь на песокъ, былъ бы непримѣною почкою въ разсужденіи отдаленія, въ которомъ надлежалобъ быть головнѣ, чтобы величиною казаться ей только съ искру.

А н д р е й.

Помню, и не опираюсь.

Г. Любомудровъ.

Извѣстно, что діаметръ круга земли содержишь въ себѣ шестьдесятъ шесть милліоновъ Французскихъ миль. И такъ земля, будучи на концѣ эшова діаметра, бываешь къ одной звѣздѣ шестидесятью шестью милліонами миль ближе, нежели на другомъ концѣ.

А н д р е й.

Конечно.

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Ну, естли землѣ изъ двухъ споль разныхъ пунктовъ, не смотря на ея дальній переходъ отъ одного къ другому, эпа звѣзда показывается всегда въ одинакомъ разстояніи; естли, не смотря на ужасную величину этой звѣзды, которую скоро докажу вамъ, она никогда не представляется ей болѣе блестящей почки: шо два конца діаметра круга ея, не смотря на раздѣляющій ихъ промежутковъ, должны быть почитаемы какъ бы за одинъ пунктъ, и весь пространной кругъ будетъ не болѣе этого пункта, спавшаго непримѣтнымъ въ разсужденіи безчисленнаго отдаленія, въ которомъ звѣзда всегда отъ него находится?

На д с ж д а.

Что скажетъ теперъ бѣдной Андрей?

Г. Любомудровъ.

Но естли эшошъ великой кругъ естль ничто иное, какъ непримѣтная почка въ разсужденіи отдаленія звѣзды, шо что же будетъ въ разсужденіи сего самаго отдаленія земной шаръ, которой самъ естль ничто иное, какъ почка въ простран-

спранствѣ своего круга? Подумаешь ли тогда эта гордая планета, что небесной сводѣ сотворенѣ единственно для того, чтобы надѣ нею сгибаться павильономѣ; что звѣзды разсѣяны по этому шапру вѣ равныхъ разстояніяхъ для представленія ей великолѣпной карпины, и что она достойна занимать средину вселенной, гдѣ она едва ли примѣшна?

А н д р с ѣ й.

Надобно почувствовать правду; но меня ужасно огорчаетъ малость наша.

Г ж. Т и х о в а.

А мене еще гораздо болѣе огорчаетъ то, что всѣ славные Философы древности утвердительно посвявляли нашу бѣдную планету вѣ средоточіи вселенной. Я вижу, что вѣ самые злые вѣки Философіи люди были наполнены гордостію и безумствомѣ.

Г. Любомудровѣ.

Пифагорѣ вынесѣ изѣ Индіи и изѣ Египта лучшія понятія. При жизни своей заключалѣ онѣ ихѣ во внутренности школы, основанной имѣ вѣ Ипаліи. Ученики его, послѣ его смерти, сообщили ихѣ

ихъ Греціи. Сей великой мужъ полагааъ въ срединѣ нашего міра солнце, около котораго вращаются планеты такимъ образомъ: Меркурій, Венера, Земля съ своею Луною, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Правда, что онъ ошибся въ разсужденіи ихъ разстоянія и величины; но ни Геометрія его временъ, ни орудія астрономическія, не были доведены до такой степени совершенства, какъ нынѣ.

Гж. Тихова.

Слава Богу, что сыскался такой мудрецъ! — Что же, послѣдовали ли его системъ?

Г. Любомудровъ.

Какъ можно было принять ея такимъ народамъ, которымъ одни изъ ихъ ученыхъ сказывали, что земля плоска какъ столъ, а небеса полукружной сводъ, состоящей изъ матеріи твердой; — другіе, что солнце есть огненная куча, не много поболье Пелопонеса; что кометы составляются отъ случайнаго совокупленія многихъ блудящихъ звѣздъ; что звѣзды суть ничто иное, какъ скалы или горы, опорванные отъ земли возмущеніемъ эира, которой ихъ воспа-

лилъ; — иные, что онъ воспламеняющся ввечеру, а поуспру попухающъ; но что солнце, кошорое естъ огненное облако, восплаеящся поуспру и ввечеру попухающъ; и что разныя солнцы и луны освѣщающъ наши разныя климаты? И такъ естли солнце, по такимъ предразсужденіямъ, было у нихъ менѣе земли: то какъ же было уступитъ ему средошочіе міра?

Гж. Тихова.

Народъ достоинъ былъ шакого имени; но Философія никакъ не заслуживала своего.

Г. Любомудровъ.

Пшоломей, видя, что всѣ шакія мнѣнія охотно принимались въ его времена, и основываясь на обманчивомъ свидѣтельствѣ нашихъ чувствъ, легко могъ увѣришь себя и другихъ, что понятія Питоагоровы были мечшы; что земля естъ средошочіе всѣхъ движеній, какъ планетъ и солнца, разпредѣленныхъ въ ихъ классъ, шакъ и звѣздъ съ спеклянными небесами, кошорыя онъ сошворилъ. Эта система держалась болѣе чешырнаццати вѣковъ, принимая въ себя время ошъ времени нѣкошорыя новыя нелѣпости, кошорыя выдумывали послѣдоващеди ея,

что-

чтобы защишишься отъ самыхъ затруднительнейшихъ возраженій.

Гж. Тихова.

Эпо уже близко подошло и къ нашему вѣку.

Г. Любомудровъ.

Только за двѣсти лѣтъ передъ симъ Коперникъ вывелъ насъ изъ заблужденія; но оно еще и послѣ эпова времени владычествовало подъ другимъ видомъ.

Гж. Тихова.

Пожалуй, братецъ, расскажи все. Мнѣ хочется знать всѣ наши заблужденія.

Г. Любомудровъ.

Хотя Коперникъ, возстановя систему Пифагорову, которую я уже предложилъ вамъ, изъяснилъ посредствомъ ее непреоборимыя затрудненія той, которую онъ опровергъ: однакожь Тихо-Брагъ, величайшій Наблюдатель своего вѣка, шѣмъ не менѣе силился снова присвоить землѣ славу владычества.

Гж. Тихова.

И такъ онъ возобновилъ шолько Птолемеовы понятія?

Г. Любомудровъ.

Была опмѣна. По еге мнѣнію уже не всѣ планеты ходили вокругъ земли; но только одна луна ей оставалась. Солнце, взявъ себѣ въ проводы прочія планеты, обращалось около ее въ годъ и присоединялось ко свѣшъ звѣздъ, чшобы воздашь ей, въ дваццашъ четыре часа, шѣ же почести.

Гж. Тихова.

Я не вижу, по чему эша переменна лучше. Мнѣ бы казалось, что весьма безразсудно думать, будто шакому множесшву великихъ шѣлъ опредѣлено такъ скоро вращашься около земли, кошорая шолько мала.

Г. Любомудровъ.

Ты очень хорошо чувствуешь недостатокъ эпош системы. Но какъ она впрочемъ очень оспроумна и была подкрѣплена великимъ именемъ начальника своего, шо могла бы всегда одерживашь верхъ, ешьли бы Галилей съ помощію телескопа не утвердилъ существеннаго порядка въ планъ вселенной, порядка, открьшаго Пиагоромъ и Коперникомъ; ешьли бы Кеплеръ по проницанію своему не предчувствовалъ ея законовъ, и ешь-

ли

ли бы Ньютонъ, прославившійся въ Англіи почти за сто лѣтъ передъ симъ, не доказалъ ихъ со всею силою своего духа и истины.

Гж. Тихова.

Слава Богу! И шакъ солнце успокоилось уже посреди нашего міра! Теперь уже я могу по чистой совѣсти сдѣлать свою перемѣну.

Г. Любомудровъ.

Какъ, сестрица! не уже ли и ты хочешь предложить какую нибудь новую систему?

Гж. Тихова.

Нѣтъ, братецъ, я очень довольна вашимъ разпоряженіемъ, находя его сообразнымъ премудрости Натуры. Намѣреніе мое касается до эшова златоцвѣтнаго Феба, которой шакъ обманывалъ бѣдныхъ смертныхъ.

Г. Любомудровъ.

Отъ чего происходитъ эшотъ нѣжной гнѣвъ противъ него?

Гж. Тихова.

Какъ! при тысячи лѣтъ заставлялъ онъ насъ кормить его коней амврозією, и шолько для шого, чшобы они горди-

лись и шопали ногами на дворъ палатъ его!

А н д р е й.

Да, да, пепушка! Опспавимъ попчасъ эпова лѣниваго кучера, пошому что онѣ не ѣздитѣ на колесницѣ свѣта, и опшнимемъ у него всю запряжку.

Н а д е ж д а.

Я не дала бы ему и шой коляски съ четырью волами, на которой ѣздили Гальскіе лѣнивые Короли.

Г ж. Т и х о в а.

Но опнявѣ это имя у солнца, какое же другое дадимъ ему?

Г. Любомудровѣ.

Есть для него достойнѣйшее имя, самое величайшее, какое полько кому нибудь давали въ мірѣ. Именемъ побѣдителей назывались Имперіи земли; Астрономы раздѣлили между собою нашего спутника (*); Англійской Философѣ пребуемъ

(*) Ричіоли, Италіянскій Астрономъ, далъ главнымъ пяпнамъ луны имена Астрономовъ и ученыхъ, на прим. Платона, Аристошеля, Архимеда, Плинія, Коперника, Тихо, Кеплера, Галилея, и проч.

буешъ одинъ цѣлаго свѣшила — я бы назвалъ солнце *Ньютономъ*.

А н д р е й.

Ахъ, батюшка! когда могу я узнатьъ шова великаго человѣка (*)?

Г ж. Т ч и х о в а.

Ты восхищаешь меня такимъ усердіемъ къ славѣ его.

Г. Любомудровъ.

Какъ бы желалъ я изобразить вамъ томъ восторгъ, кошорой чувствовалъ я прошедшаго году, разсматривая въ Камбриджѣ его спашую! Рубильякъ, Французской рѣщикъ, изобразилъ его споящаго въ положеніи величественномъ, смотря-

И 4

щаго

(*) Во второмъ томѣ de l'Histoire de l'Astronomie moderne нами юные читатели могутъ нѣкогда удивляться великимъ Ньютоновымъ открытіямъ. Сія книга есть одно изъ славнѣйшихъ произведеній нашего вѣка, и, кажется, писана при чистомъ и блестящемъ свѣтѣ небесныхъ свѣшилъ, духомъ, свѣдущимъ въ таинствахъ небесъ. — Съ какою радостію воздаемъ сію честь Господину Балби, за то восхищеніе, въ кошорое приводитъ чшеніе его шворенія!

щаго на солнце и показывающаго ему рукою присму, которую держитъ другою для раздѣленія лучей его. Я не могъ спустить съ него глазъ. Вознесясь мысленно на ту великую высоту, до которой донелъ онъ человѣческія знанія, казалось, слышалъ я гласъ Натуры, зывающей ему при его сотвореніи: „Со времени тѣхъ вѣковъ, въ которые человѣкъ избучаетъ законы мои, онъ всегда не познавалъ ихъ. Время открытъ ему оныя. Тебя раждаю я для возвѣщенія ихъ земно-роднымъ. Гряди обновить Астронومیю, возвеличить Геометрію и основать Физику. Даю тебѣ сіи науки купно съ духомъ моимъ. Ты повѣдаешь пространство вселенной и простоту порядка, ею управляющаго. Ты возвѣсишь громаду ужасныхъ тѣлъ, мною въ ней разсѣянныхъ; предпишешь ихъ форму, опредѣлишь ихъ величину, измѣришь разстояніе и почто разочтешь самыя неравности ихъ печенія. Посреди ихъ поставишь солнце; скажешь, какою силою оно управляетъ ими, и какъ раздѣляетъ имъ свѣтъ и жизнь. Въ награжденіе тебѣ, поставлю тебя самаго, подобно какъ новое свѣтило, среди всѣхъ великихъ мужей, которые послѣ тебя являшся въ мірѣ.

мірѣ. Сообщая быстрое движеніе духу ихъ, принудишь его безпрестанно къ своему склоняться; и съ почтеніемъ будущею они около тебя вращаются для полученія свѣта. Что же касается до тѣхъ, которые захопятъ отъ тебя удалиться, подобно мятежнымъ кометамъ, хопящимъ выпши изъ Имперіи Солнца, и перяющимся на нѣсколько вѣковъ во мрачной глубинѣ пространства, но всегда приводимымъ наконецъ къ подножію престола его — они изъ глубины своихъ заблужденій принуждены будущею къ тебѣ возвратиться. Увидятъ ихъ блестящихъ свѣтомъ переходящимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печенія ихъ; но приближась къ тебѣ, погрузятся они въ сіяніи лучей твоихъ., —

Въ сію минуту пришли сказать Господу Тиховой, что готовъ столъ. Надежда и Андрей весьма бы хотѣли, чтобы отсрочили ужинъ, желая долѣе слушать Господина Любомудрова. Чтобы избавишься отъ ихъ докуки, надлежало дать обѣщаніе послѣ ужина еще ищши съ ними прогуливашся.

РАЗГОВОРЪ

ВТОРОЙ.

За ужиномъ разговоръ Господина Любомудрова съ сестрою его былъ весьма веселъ. Они восхищались оспроуміемъ дѣшей своихъ и сильною охотою ихъ къ ученію. По пихоньку показывали они другъ другу глазами видъ поспѣшности, съ которымъ Надежда и Андрей, не говоря ни слова, брали съ блюдъ кушанья и ѣли, чтобы скорѣе можно было ипши на шеррасу и начашь тамъ снова прерванной разговоръ. Наши малолѣпные Философы управились уже и съ десертномъ. Одинъ складывалъ свою салфешку, а другая отъ неперпѣнія верпѣлась на стулъ. Можешъ быть Гж. Тихова, забавляясь такою пріятною сценою, нарочно продолжала ее. Какъ бы то ни было, Надежда, чтобы не потерять времени, начала опять шумить надъ гордою досадою брата своего за то, что звѣзды его не видяшъ. Андрей самъ шумилъ до самаго того времени, какъ увидѣлъ, что тетка и отецъ его, съ кошорыхъ онъ почти глазъ не спускалъ, уже перестали ѣсть. Тогда, поворотясь вдругъ къ Надеждѣ, сказалъ

гром-

громкимъ голосомъ, чшобы всѣхъ заста-
вишь слушать себя: Сестрица! я читалъ
одну исторію, копорую мой бапюшка
и мапущка швоя конечно знаютъ, но
копорая шебѣ вѣрно неизвѣстна. Я ше-
бѣ расскажу ее. Магомешъ, хотѣвъ армію
своей доказать власть свою надъ Напу-
рою, общалъ въ глазахъ ея сдѣлашь ве-
λικое чудо; а именно, велѣшь высокой го-
рѣ издали придвинуться и пасть къ но-
гамъ его. Поупру собираетъ онъ всѣхъ
своихъ солдатъ, которые, полагаясь на
своего пророка, не сомнѣвались уже, что
чудо сдѣлается. Онъ спановится вперед-
ди и повелѣваетъ горѣ двинуться. Го-
ра не слушается перваго приказанія его.
Магомешъ изумляется. Спрашнымъ голо-
сомъ повторяетъ онъ свое повелѣніе. Го-
ра, какъ ты напередъ еще знашь могла,
ни мало не двигается и отъ новаго по-
велѣнія. Что это! восклицаетъ обмань-
щикъ съ видомъ вдохновеннымъ: гора не
хочетъ ийти къ намъ? И такъ, друзья
мой, спупайте за мною; поидемъ къ го-
рѣ Я не сердитѣ Магомеша. Звѣ-
зды не видяшь насъ; и такъ, сестрица,
поидемъ сами смотрѣшь на нихъ.

Сказавъ сіе, онъ вдругъ вскочилъ
изъ за-стола и побѣжалъ къ дверямъ,
при-

приведя Надежду шуткою своею въ великое замѣшательство. Г. Любомудровъ и Гж. Тихова улыбнулись, почувствуя тонкость его, и пошли за нимъ въ садъ.

Ночь была тогда самая свѣшлая. На небѣ не было ни одного облака. Луна, показавшаяся на горизонтѣ только на нѣсколько минутъ, сокрылась, и звѣзды, ею затемняемая, начали сіять во всемъ блескѣ своемъ. Дѣши много разъ удивлялись великолѣпію такого зрѣлища; но ожидая, что скоро удовлетворено будетъ ихъ любопытству, которое сіе зрѣлище всегда вселяло въ нихъ, онѣ разсматривали ихъ тогда съ новымъ восхищеніемъ. Блестящая звѣзда Сиріусъ первая попалась въ глаза Андрею. Онъ хотѣлъ знать ея имя; и когда узналъ его, то закричалъ: здравствуй, Сиріусъ! Эту звѣзду я очень люблю; она гораздо болѣе другихъ.

Надежда.

Я и сама люблю ее за то, что она свѣшлѣе прочихъ,

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть, друзья мои, что она сама по себѣ не болѣе и не свѣшлѣе; а кажется такою по тому, что она, ча-
яшель-

ягнельно, ближе къ землѣ. Приближась къ намъ такъ какъ солнце, безъ сомнѣнія показала бы она одинакой съ нимъ величины. Это еще много, что она такъ примѣтна для глазъ нашихъ, будучи по крайней мѣрѣ въ двѣсти тысячъ разъ далѣе.

А н д р е й.

Вы говорите, какъ вамъ захочется, батюшка. Въ двѣсти тысячъ разъ далѣе солнца? Да по чему же могли это узнать?

Г. Любоумдровъ.

Не пощаю отъ себя, что всѣ спаранія Астрономовъ измѣрить величину звѣздъ, копорая могла бы сообщить намъ поняшіе о ихъ опстояніи, были бесполезны. Однакожь самая эта невозможность доказываетъ ужасное опдаленіе ихъ; пошому что съ довольною точностию умѣли вымѣрять величину самыхъ опдаленнѣйшихъ планетъ, между прочими и этой прекрасной планеты Юпитера, копорую здѣсь видишь.

А н д р е й.

А! это Юпитеръ. Однакожь, батюшка, на взглядъ кажешся Сиріусъ больше.
Естьли

Естьли могли вымѣрять величину Юпитера, то для чего же не лзя измѣрять и величины Сиріуса?

Г. Любомудровъ.

Прежде, нежели буду ошвѣчать тебѣ, прошу тебя посмотришь въ отворенное окно на эту свѣчу, которая горитъ въ залѣ. Видишьли вокругъ ея огня эптошъ различной свѣшъ, которой ее увеличиваешь?

А н д р е й.

Вижу, башюшка.

На де ж да.

Точно такъ и солнце, окруженное лучами, увеличивается ошъ шого въ глазахъ нашихъ.

Г. Любомудровъ.

Звѣзды, будучи сами по себѣ шѣла свѣшлыя, подобно солнцу и свѣчѣ, имѣють также эпто сіяніе, которое въ глазахъ нашихъ увеличиваетъ ихъ гораздо болѣе, нежели каковыми онѣ въ существѣ должны намъ казаться, такъ что величина ихъ, по миѣнію Астрономовъ, умножается почти въ девять сошъ разъ.

А н д р е й.

А н д р е й.

О! о!

Г. Любомудровъ.

Скажите мнѣ теперь: когда луна бываетъ полная, и слѣдовательно блеститъ наиболѣе, могли ли вы примѣшить вокругъ ея подобное сіяніе?

Надежда.

Нѣтъ, никогда. Ея блескъ не простирается далѣе круга ея.

А н д р е й.

Такъ какъ и блескъ Юпитера.

Г. Любомудровъ.

Откуда же происходитъ это различіе?

А н д р е й.

Я думаю, что Юпитеръ и луна только отбрасываютъ намъ свѣтъ земной; а въ этомъ свѣтѣ не бываетъ никакого движенія, какое происходитъ въ шѣлахъ блистающихъ собственнымъ огнемъ своимъ.

Г. Любомудровъ.

Не лзя лучше думать. И такъ Юпитерова обширность не увеличивается; и какъ

какъ ни малъ кажется онъ по своему отдаленію, однакожь наши Астрономы имѣютъ довольно вѣрныя орудія для его измѣренія. Но звѣзды, окруженныя такимъ обманчивымъ сіяніемъ

А н д р е й.

Да развѣ не лзя отдѣлать его отъ нихъ, чшобы видѣть ихъ въ почной ихъ величинѣ?

Г. Любомудровъ.

Это самое производитъ телескопъ, соединяя и собирая въ одну почку всѣ ихъ лучи; но такая почка бываетъ уже весьма мала. И чѣмъ телескопъ совершеннѣе, тѣмъ эшотъ пунктъ, дѣлаясь свѣплѣе, спановишся менѣе, до того, что никакъ не лзя и вымѣрять его.

Г ж. Тихова.

Но какимъ способомъ по крайней мѣрѣ могли сдѣлать сравненіе между отдаленіемъ солнца и звѣздъ?

Г. Любомудровъ.

Эшотъ способъ найденъ весьма остроумно. Величина и отдаленіе солнца извѣстны по вѣрнымъ правиламъ, копорыя въ послѣдшви изъясню вамъ. Такимъ обра-

образомъ вычислили, какъ надлежитъ его уменьшитъ или опдалитъ, чшобы оно спало такъ мало, какъ Сиріусъ. По эшимъ разчетамъ получили понятіе о ужасной опдаленности Сиріуса, копорой еще къ намъ ближе другихъ звѣздъ. Но Астрономы по большой часпи думаютъ, что это опдаленіе должно бытъ еще гораздо болѣе; ибо сомнишельно, чшобы наилучшій телескопъ могъ совсѣмъ опдѣлтъ оптъ звѣзды излишній свѣтъ ея и показатъ ее намъ только въ шой существенной величинѣ, копорую она по шакому опдаленію должна имѣтъ для глазъ нашихъ.

А н д р е й.

О! когда звѣзды такъ опдалены, то мнѣ уже легко повѣритъ, что онѣ подлинныя солнцы. Естли бы онѣ имѣли только заемной свѣтъ, то какъ бы лучи ихъ могли дойти до насъ съ такимъ блескомъ и съ такою живостію, прошедши черезъ ужасныя пространства?

Г. Любожудровъ.

Разсужденіе швое очень хорошо. Доказано, что въ нѣсколько милліоновъ разъ можно уменьшитъ свѣтъ звѣзды, удаляя ее оптъ нашихъ глазъ, и при семъ

Часть. XV. Но. 36. I томъ

помѣ она будетъ еще такъ блистать, какъ бѣлая бумага при свѣтѣ луны.

А н д р е й.

И такъ тѣ, кошорыя кажутся намъ самыми маленькими, еще гораздо далѣе Сиріуса?

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть и между ими, во глубинѣ пространства, такой же большой промежутокъ, какъ между Сиріусомъ и солнцемъ.

А н д р е й (съ удивленіемъ).

Что вы говорите!

Н а д е ж д а.

А кажется, что онѣ всѣ на небѣ одна подлѣ другой. Есть и такія, кошорыя почпешь двойными, когда посмотришь на нихъ.

Г. Любомудровъ.

Я могу вамъ обоимъ отвѣчать вдругъ однимъ примѣромъ. Вы часто смотрѣли изъ оконъ моего дому на множество площадкѣ, кошорыми въ торжественные дни по вечерамъ освѣщается домъ Господина Б*** и Князя М*** Вы знаете, что онѣ

онѣ ставятся всѣ въ равномѣ разстояніи, и что свѣшпильни бывающѣ обыкновенно одинаковы.

А н д р е й.

Этому такѣ бышѣ надобно.

Г. Любомудровѣ.

Не замѣшилѣ ли шы, Андрей, что площадки, освѣщающія домѣ Господина Б * * *, копорой къ намѣ ближе, имѣющѣ свѣтѣ пространнѣйшій и живѣйшій, нежели шѣ, копорыя горящѣ подлѣ дома Князя М * * * ?

А н д р е й.

Помню, башюшка.

Г. Любомудровѣ.

А шы, Надежда, не могла ли бы думать, что опдаленныя площадки гораздо одна къ другой ближе, нежели ближнія?

На д е ж д а.

И очень бы могла.

Г. Любомудровѣ.

Это еще не все. Положимѣ, что между двумя изѣ дальнихѣ площадкѣ увидѣла бы шы шакую же, копорую бы за-

жгли еще версты за двѣ далѣе. Вы помните сказанное нами передѣ ужиномъ, что предметы въ нѣкопородѣ опдаленіи кажутся въ одинакомъ разстояніи отъ глазъ нашихъ, хотя одни изъ нихъ и гораздо далѣе другихъ?

А н д р е й.

Помнимъ, бапюшка, помнимъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ легко представите себѣ, любезныя дѣти, что опдаленнѣйшая площадь показалась бы вамъ поставленною рядомъ съ шѣми площадками, которыя освѣщаютъ домъ Князя М * * *, и что вы могли бы почестъ ее опдаленнѣйшею единственно по малости ея огня и слабому блеску лучей ея?

Надежда.

Вы правду говорите, дядюшка; это точно опнести можно къ большимъ и малымъ звѣздамъ. Теперь я понимаю, что онѣ могутъ быть очень далеко одна за другою и припомъ казаться намъ въ одной линіи, только съ шѣмъ различіемъ, что однѣ болѣе, а другія менѣе и слабѣе свѣтомъ. Понимаешь ли это, братецъ?

А н д р е й

А н д р е й (св гордою улыбкою).

Понимаю ли, сестрица? Я нашелъ другое сравненіе, кошорое, безъ хвастовства, въ десять милліоновъ разъ лучше башюшкина.

На де ж да.

Могу сказать, что ты очень скромнѣ.

А н д р е й.

И конечно; попому что оно можешъ служить для всего шара нашего, вмѣсто того, что башюшкино было бы поняшно шолько для нашихъ сосѣдей, или по крайней мѣрѣ шолько для Московскихъ жителей. Къ тому же я заимствовалъ его и не оцѣ земли.

На де ж да.

Ну, конечно; эшо было бы слишкомъ низко для шакого высокаго духа, какъ швой. Но можемъ ли мы поняшь эшо небесное сравненіе?

А н д р е й.

Я постараюсь вмѣшнить его въ швое поняшіе. Не правда ли, что звѣзды, окружающія Юпитера, кажется, шакъ же кѣ намъ близки, какъ и самъ онъ? Есть-

ли бы луна показалась теперь съ этой стороны, то не почла ли бы ты Юпитера въ одинакомъ отъ насъ разстояніи съ луною? И естли бы около луны было облако, то не правда ли, что она показалась бы такъ же къ намъ близкою, какъ и облако? И такъ облако, луна, Юпитеръ и звѣзды показались бы намъ въ одинакомъ отстояніи? А вѣдь тебѣ, сестрица, извѣстно, что отдаленіе ихъ очень различно?

На д с ж д а.

Знаю, братецъ, и при томъ могу увѣрить, что самое большое облако со-всѣмъ бы не было видимо въ отдаленіи луны; что луна не примѣтна бы была въ отдаленіи Юпитера, и что Юпитеръ былъ бы еще менѣе видимъ въ отдаленіи звѣздъ.

Г. Любомудровъ.

Браво, друзья мой! Эта война мнѣ очень пріятна. Последнія Надеждины слова приводятъ намъ на мысль опять то, что мы прежде сказали, то есть, что звѣзды должны сіять собственнымъ своимъ свѣтомъ, и что этотъ свѣтъ долженъ быть весьма живъ, чтобы дойти

до насъ изъ такого отдаленія, въ которомъ бы Юпитеръ, можетъ быть, тысячу разъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

А н д р е й.

О! теперь уже я это вижу. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что звѣзды подлинныя солнца.

Г. Любомудровъ.

И я тоже думаю. Но не уже ли думаешь ты, что всѣ такія солнца сотворены для нашей земли?

Н а д е ж д а.

Да начто бы онѣ были ей? Естьли бы имъ надобно было приводить въ зрѣлость наши ягоды, такъ бы намъ никогда не ѣдать ни малины, ни вишни.

А н д р е й.

Одинъ только слабой блескъ ихъ можетъ намъ служить. Однакожь луна, даже изъ самаго облака, во сто разъ насъ болѣе освѣщаетъ.

Г. Любомудровъ.

Сверхъ того вы знаете, что нѣкоторые звѣзды можно видѣть только въ

телескопъ: по крайней мѣрѣ эши были бы уже для насъ совсѣмъ бесполезны. И шакъ естъли бы всѣ такія солнцы были для насъ сотворены, то онѣ конечно бы были разположены вокругъ земли нашей въ такомъ же отстояніи, какъ наше солнце.

А н д р е й.

Хорошо, башюшка; покорно васъ благодарю. Съ насъ будетъ и одного. Чѣмъ прогнѣвала васъ моя сесприца, что вы хошите пожечь у нее на лицѣ лиліи? Нынѣшняя Арабка самаго лучшаго агаповаго цвѣша была бы тогда въ сравненіи съ бѣдною моею сесприцею немного жслашовашою красавицею.

Н а д е ж д а.

А такимъ щеголямъ, какъ мой братецъ, которые шляпу держатъ пропивъ солнца, вмѣсто того, чтобы попросу надѣшь ее на голову, сколько бы надобно было тогда рукъ и шляпъ, чтобы со всѣхъ сторонъ защититься отъ жара?

Г. Любомудровъ.

Но естъли всѣ эши солнцы, находясь отъ насъ въ такомъ отстояніи, не могутъ намъ сообщать ни шеплошы, ни свѣша;

свѣта; естли, будучи къ намъ ближе, онѣ по вашему смѣшному понятію сдѣлали бы только нашихъ прекрасныхъ дамъ Арабками и привели бы въ замѣшательство бережливыхъ щеголей, а по моему нѣсколько основательнѣйшему опасенію сожгли бы въ минушу всю землю; естли, не въ досаду нѣкоторымъ Философамъ, сотворены онѣ не для того единственно, чтобы веселить наше зрѣніе: то не уже ли щцетно разсыпаны онѣ по вселенной съ такою величественною разпочишельностію?

Надежда.

Эшо самое приводитъ меня въ недоумѣніе.

Андрей.

Подумаемъ шеперь снова. Естли солнце сотворено единственно для того, чтобы сообщать свѣшъ и шеплоту Планетамъ, и естли звѣзды подлинно солнца, то имъ также надлежитъ имѣть свои планеты, чтобы ихъ согрѣвать и освѣщать.

Г. Любомудровъ.

Такое заключеніе назову я философическимъ.

А н д р е й (съ усмѣшкою).

Видишь, сестрица?

Н а д е ж д а.

Но не уже ли, дядюшка, всѣмъ этимъ
солнцамъ дадимъ мы Планеты?

Г. Любожудровъ.

Когда каждое изъ нихъ въ особенно-
сти подлинно сотворено для освѣщенія
Планетъ, то ты конечно чувствуешь,
что онъ и всѣ вообще для того сотво-
рены.

А н д р е й.

Безъ сомнѣнiя. Что бы намъ было
въ шѣхъ, которыя бы ничего не освѣща-
ли? Это бы было похоже на то, естли
бы въ большой холодъ развесити огонь и
не велѣть никому подходить къ нему.

Г. Любожудровъ.

Или естли бы въ пустой улицѣ,
куда ни одинъ человекъ не ходитъ, за-
жечь фонари, только для того, чтобы
представити освѣщенную перспективу жи-
вущимъ въ сосѣднихъ улицахъ.

А н д р е й.

По порядку, батюшка, по порядку!
Нѣтъ солнца безъ Планетъ — хорошо;

но надобно, чтобы не было и Планетъ безъ солнца.

Г. Любомудровъ.

Хорошо, другъ мой. Естли премудрость Творца нашего не произвела щещно ни одного солнца

Надежда.

То благость Его конечно не могла оспавить и ни одной Планеты въ нещасной шемношѣ. Теперь я очень довольна.

Андрей.

И я также. Теперь вижу, какъ все одно съ другимъ согласуется. Около нашего солнца ходяшѣ Планеты, а около Планетъ спущники ихъ; и такъ, естли другъ мой Сяріусъ есть солнце, то около его ходяшѣ Планеты съ своими спущниками, равно какъ и вокругъ каждаго солнца.

Надежда.

Я уже не спрощу васъ, для чего мы, видя солнца, не видимъ Планетъ: я помню еще свѣчу и деревню.

Андрей.

Память швоя дѣлаешѣ мнѣ услугу. Теперь я нѣсколько опощенъ. Естли онѣ

онѣ насѣ не видяшѣ, то и мы не удостоиваемѣ ихѣ этой чести, — и мы не видимѣ ихѣ. Хорошо, государи мои, не показывайтесь намѣ! За то мнѣ не надобно вамѣ кланяться.

Г. Любомудровъ.

Я не думалѣ бы, чпобы ты такѣ много занимался чинами.

Надежда (кланясь).

А я, не смотря на то, хочу имѣ опдаться небольшой поклонѣ.

А н д р е й.

Что ты дѣлаешь, сестрица? Имѣ надобно прежде поклониться намѣ, за то чпо мы имѣ такѣ хорошо услужили.

Г. Любомудровъ.

Вѣ самомѣ дѣлѣ. Ну, не потчасѣ ли мы увѣрились, чпо солнцы, кошорыя, кажется, такѣ близки одно кѣ другому, находяшся между собою вѣ величайшемѣ разстоянїи? Надобно, чпобы мїрамѣ ихѣ было просторно. Вы чувствуете, какое великое пространство потребно для великихѣ движенїй солнечной Системы.

А н д р е й.

А н д р е й.

Намъ легко судить объ эпомъ по своей Системѣ.

Г. Любомудровъ.

Эпо будетъ самое лучшее сравненіе. Однакожь понялъ ли ты, какъ велико должно быть эпо пространство и не изумляешь ли оно себя?

А н д р е й.

Меня, батюшка? Нѣтъ. Послѣ того, какъ вы изъяснили мнѣ безчисленное отдаленіе звѣздъ, я съ такимъ же страхомъ пойду на самый конецъ солнечной Имперіи, съ какимъ бы смѣлой Кукъ, объѣхавъ вокругъ земли, сѣлъ на лодку, чтобы переплыть черезъ Москву рѣку.

Г. Любомудровъ.

Думаю, что Надежда не такъ смѣла.

А н д р е й.

О! сестрица моя сполько привязана къ землѣ, что не осмѣлилася подняться такъ высоко.

Н а д е ж д а.

Какъ же, бращецъ! Развѣ я не читала вмѣстѣ съ шобою, что отъ Планеты

нешы

нешы Гершеля до солнца будетъ шесть сотъ пятьдесятъ миллионъ миль? Правда, что она самая послѣдняя.

А н д р е й.

Хорошо; но если ты путь остановишься, то я могу еще показать тебѣ дальнѣйшія мѣста.

Н а д е ж д а.

А какъ же, братецъ?

А н д р е й.

Знаешь ли, что у Юпитера и Сатурна есть спутники или луны, копоры освѣщаютъ ихъ свѣтомъ заемнымъ отъ солнца, чтобы въ некоторомъ образѣ увеличить шотъ слабой свѣшъ, которой они получаютъ отъ эшова свѣшила? Гершель ихъ гораздо далѣе. И такъ вѣроятно, что у него есть также спутники, намъ неизвѣстные и можетъ быть еще многочисленнѣйшіе. И если послѣдній изъ эшихъ спутниковъ находится позади своей Планеты, то вѣдь онъ уже гораздо далѣе отъ насъ? Теперь я на границѣ міра.

Г. Любомудровъ.

Ахъ, другъ мой! хотя бы мнѣ и не хошлось уменьшитъ славы швоей, одна-
кожъ

кожъ я долженъ сказать тебѣ, что ты еще далеко отъ этой границы.

А н д р е й.

А что же видите вы еще за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я остановился?

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть другія Планеты, намъ еще неизвѣстныя. Но будемъ говорить только о той, которая открыта.

А н д р е й.

Хорошо, батюшка. Я готовъ слушать.

Г. Любомудровъ.

Развѣ ты забылъ Кометы, которыхъ печеніе вокругъ солнца свершается въ нѣсколько вѣковъ?

А н д р е й.

Правда, батюшка; я было совсѣмъ забылъ ихъ.

Г. Любомудровъ.

Я не буду говорить тебѣ о Кометѣ 1769 года, которой печеніе совершается, какъ думаютъ, въ пять сотъ лѣтъ; тѣмъ менѣе о Кометѣ 1680 года, ко-
рая

рая свершаетъ путь свой по мнѣнію Астрономовъ въ пять сотъ семьдесятъ лѣтъ. Будемъ говорить только о той, которая въ первой разѣ была примѣчена въ 1264 году и по томъ въ 1556; которую ожидаютъ въ 1848 году, и которая свершаетъ свое печеніе въ 292 года.

А н д р е й.

Довольно и эпова, думаю.

Г. Любомудровъ.

Изъ того пункта, въ кошоромъ она бываетъ къ солнцу ближе, нежели во всѣхъ иныхъ, отправимъ ее въ путь, кошорой она совершаетъ почти въ шриста лѣтъ, и раздѣлимъ это число на двое, опложивъ половину на ея удаленіе, а другую на возвращеніе. И такъ около 150 лѣтъ употребляетъ эта Комета на отхожденіе отъ солнца.

А н д р е й.

Это очень ясно; потому что Гершель только въ 32 года обходитъ свой путь — разность велика.

Г. Любомудровъ.

Гораздо еще болѣе, нежели ты думаешь; потому что движеніе Кометъ бываетъ

ваеиъ не шаково, какъ движеніе Планетъ ш. е. Эллипсою, едва отпачною отъ совершеннаго круга, почему бы онъ всегда были почши въ одинакомъ отспояніи отъ солнца. Оно бываетъ Эллипсою весьма продолговатою, что всякую минушу увеличиваетъ ихъ отдаленіе, пока доходятъ онъ до того пункта своего криваго пути, откуда солнце принуждаетъ ихъ опять итти къ нему по чертѣ прошивоположной. Но въ этой споль удаленной точкѣ, въ кошорой однакожъ онъ покоряющся власти солнца, всегда на нихъ дѣйствующаго, онъ должны быть еще далѣе отъ солнцевъ міровъ сосѣдственныхъ; иначе бы ближайшее солнце принудило ихъ вступитъ въ свою область. И пакъ надобно, чшобы за такимъ отдаленіемъ, до кошораго Комеша доходитъ только во 150 лѣтъ, оставалась еще пространная пустоша, служащая границею между тою Системою, отъ кошорой она зависитъ, и между ближайшею съ этой стороны. Отнеси эту мѣру ко всѣмъ другимъ мірамъ, и почувствуй, естли можешь, какъ велико должно быть пространство каждаго изъ нихъ.

Гж. Тихова.

Но развѣ ты, братаецъ, полагаешь, что всѣ они такъ велики, какъ нашъ?

Г. Любомудровъ.

Подумай только объ этомъ такъ, какъ Философу думать должно. Какъ осмѣлился человекъ утверждать, что область солнца его есть самая пространнѣйшая, когда онъ самъ занимаетъ въ ней только сама малѣйшую часть? Ходъ гордости его довольно чудесенъ. Когда онъ почиталъ всѣ небесныя тѣла сотворенными для него одного, тогда старался онъ отъ вѣка до вѣка увеличивать ихъ; а нынѣ, когда Астрономія доказала, что онъ ему чужды, онъ хочетъ всячески уменьшить ихъ пространство.

Гж. Тихова.

Я не могу ничѣмъ опровергнуть твоего сужденія; но это ужасное пространство приводитъ меня въ замѣшательство, которое, можетъ быть, ты еще увеличишь. Сколько полагается звѣздъ?

Г. Любомудровъ.

Самые вѣрнѣйшіе и почтнѣйшіе Наблюдатели сочли ихъ на нашей Гемисферѣ болѣе

болѣ трехъ тысячъ, а на противоположной десять тысячъ.

Гж. Тихова.

Боже мой! тринадцатъ тысячъ солнцевъ? тринадцатъ тысячъ мировъ во вселенной?

Г. Любомудровъ.

А звѣзды, едва въ телескопѣ усматриваемыя — тѣ, которыя открылъ бы намъ эпполъ инструменстѣ, будучи совершеннѣе — тысячи звѣздъ, собранныхъ въ эппихъ маленькихъ облачкахъ, которыя тутъ видны, и которыя называли туманными, и еще въ шѣхъ, которыя усматриваютъ только съ помощью трубъ — миллионы звѣздъ, заключенныхъ во млечномъ пуши Знаю, что такая многочисленность мировъ ужасаетъ воображеніе. При видѣ высокой горы человекъ ощущаетъ тайной ужасъ; мысль о пространствѣ земли изумляетъ его; океанъ и его глубины приводятъ его въ трепетъ: но что же весь эпполъ шаръ въ сравненіи съ горящею массою солнца, которая въ 1400000 разъ болѣе его? А что же будетъ и все пространство, занимаемое огромнымъ солнцемъ, въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, въ ко-

поромъ плаваюшъ подвласныя ему шѣла? Но естли и само оно — въ то время, какъ его Планеты, окруженныя своими спутниками, ходяшъ около его — вращается вмѣстѣ съ другими солнцами, проеждаемыми подобно ему своею свисою, около другаго шѣла, сильнѣйшаго всѣхъ ихъ?

Гж. Тихова.

Какъ! наше солнце и солнца всѣхъ міровъ ничто иное, какъ Планеты, блудящія по небесамъ? Однакожь, брашецъ, не одно ли швое воображеніе шакъ спрашсвуешъ?

Г. Любомудровъ.

А что скажешъ шы, естли эшо чаніе предложено Галлеемъ, доспойнымъ предшесшвенникомъ великаго Ньютона, поддерживаемо Господиномъ Ламбертомъ, величайшимъ Геометромъ нашего вѣка, сдѣлалось мнѣніемъ самыхъ лучшихъ нынѣшнихъ Астрономовъ, наприм. Господъ де ла Ланда и Бальи, и мудраго, глубокаго и благочесштиваго Разсмашривашеля Нашуры, Боннеша Женевскаго?

Гж.

Гж. Тихова.

Такія великія имена конечно вселяютъ въ меня почтеніе; но на чемъ основывается это мнѣніе?

Г. Любомудровъ.

Движеніе обращенія вокругъ себя, которое примѣтили въ солнцѣ, могло бы одно сдѣлать его въброднымъ. Нашура сообщила это движеніе всѣмъ тѣламъ, ходящимъ кругомъ около сильнѣйшаго тѣла, ими управляющаго. Она сообщила его спутникамъ, заставляя ихъ ходить вокругъ Планетъ своихъ; она сообщила его Планетамъ, заставляя ихъ ходить вокругъ солнца: — не уже ли она, будучи въ великихъ законахъ своихъ проста, единообразна и постоянна, сообщила его солнцу шщетно, оставляя его пребывать на одномъ мѣстѣ? Всѣ планеты вращаются около себя въ движеніи, несущемъ ихъ вокругъ солнца, чтобы постепенно принимать отъ него тепло во всѣ свои части; а какъ и солнце вокругъ себя вертятся, по необходимости ли и оно вокругъ высочайшаго тѣла?

Гж. Тихова.

Это чаяніе кажется мнѣ столько естественнымъ и важнымъ, что я желала

бы утвердить его на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ.

Г. Любомудровъ.

Такъ будь же удовольствована. Утверждено уже движеніе трехъ величайшихъ звѣздъ: Сиріуса, Аркшуруса и Алдебрана. Весьма вѣрно доказано, что Аркшурусъ всякой годъ, подвигаясь къ югу, проходитъ болѣе девяноста милліоновъ миль. По тому ужасному отдаленію, въ какомъ находящаяся отъ насъ самая ближайшія звѣзды, переходъ ихъ бываетъ едва примѣненъ черезъ нѣсколько лѣтъ; и такъ не льзя ли повѣрить, что гораздо отдаленнѣйшія звѣзды могутъ такъ же подвигаться и при томъ совсѣмъ непримѣнно для глазъ нашихъ, развѣ нѣсколько вѣковъ сряду будутъ наблюдать ихъ?

Гж. Тихова.

Когда движеніе трехъ большихъ звѣздъ такъ вѣрно, то я не могу тебѣ въ разсужденіи этомъ ничего возразить. Понимаю, по твоему разсужденію, и то, что малѣйшія звѣзды могутъ двигаться, хотя переходъ ихъ, по великому ихъ отдаленію, и долго не будетъ примѣтенъ. Но не довольно ли и того въ доказательство неизмѣримости вселенной, что

Что нѣкоторыя звѣзды обшекають та-
кой кругъ, котораго пространства не
можеть представить воображеніе? Начто
хотите вы, Астрономы, нарушать по-
кой прочихъ?

Г. Любомудровъ.

Для того, что въ противномъ слу-
чаѣ мы оскорбили бы Напуру. Чтобы
признать ея премудрость, надлежало со-
гласиться, что естли звѣзды подлинно
солнцы, подобныя нашему, и естли одно
изъ нихъ, такъ какъ наше, управляетъ
планетнымъ міромъ, то и другимъ над-
лежитъ производишь такія же дѣйствія:
не припишешь ли ей теперь страннаго
непостоянства, давая нѣкоторымъ звѣ-
здамъ движеніе, а другія, точно такія
же, оставая неподвижными? Но остере-
гись, сестрица: покой, которой ты толь-
ко по слабости даешь имъ, ест для
нихъ ужасное разрушеніе.

Гж. Тихова.

Ты ужасаешь меня, братецъ!

Г. Любомудровъ.

Посреди всѣхъ солнцевъ, пребываю-
щихъ въ совершенной недвижимости, пред-
положимъ только одно въ движеніи. По-

добно завоевателю, которой проходитъ безъ всякаго безпорядка собственныя свои области, стремясь опустошать чужія, --- оно идеть сперва мирно по своей Имперіи. Но на первыхъ границахъ сосѣдственнаго міра, имѣ находимаго, оно поглотитъ въ свою огненную массу всѣ Планеты этой Системы, по мѣрѣ углубленія своего въ ея предѣлы, и скоро пришетъ къ неподвижному престолу ограбленнаго имѣ солнца, чтобы пожрать его самаго. Отъ эпова разрушится равновѣсіе всеобщей машины. Какъ другимъ Системамъ, державшимся равностію силъ своихъ, противиться грабитель, усиленному похищеннымъ міромъ и стремящемуся съ новою силою въ своемъ печеніи? Подобно какъ пламенная печь припягиваетъ легкую солому, оно вовлечетъ въ рѣку пламени своего всѣ міры, которые попадутся ему на пути его. Оно будетъ возжигать пожаръ за пожаромъ — будетъ блудящею печью всей вселенной.

Г ж. Тихова.

И такъ возвратимъ поскорѣе движеніе всѣмъ солнцамъ, которыя было основана безразсудность моя; а особливо нашему — какому было ужасному не-
ща-

щастію я подвергла его! — Ахъ! боюсь теперь, чтобы его печеніе не замедлилось отъ большой пятгости свиты его.

Г. Любомудровъ.

Успокойся, сестрица. Сила его соразмѣрна массѣ тѣлѣ, которыя оно влечетъ съ собою. Земля, будучи только въ шестьдесятъ разъ болѣе луны, принуждаетъ ее итти за собою; Сатурнъ ведетъ съ собою кольцо свое и спутниковъ; отъ Юпитера также никогда не отстаютъ спутники его. Если Планеты своею главною массою принуждаютъ тѣла свиты своей провождать ихъ въ обращеніи около солнца, то солнце массою своею, гораздо большею массѣ всѣхъ Кометъ, Планетъ и всѣхъ спутниковъ вмѣстѣ, конечно можетъ ихъ вести за собою въ печеніи около великаго свѣтила, превышающаго его своимъ могуществомъ.

Гж. Тихова.

И такъ господинъ такого числа невольниковъ и самъ есть ничто иное, какъ невольникъ?

Г. Любомудровъ.

Какъ ни опредѣляй движеніе его, но надобно необходимо, чтобы оно ходило

вокругъ высочайшаго шѣла, средоточія круга его, подобно какъ и само оно есть средоточіе круговъ всѣхъ подвластныхъ ему шѣлъ. Это неперемѣнной законъ, которому слѣдуетъ Натура во всей Системѣ вселенной. Кометы, шѣ звѣзды, которыхъ печеніе по нашимъ понятіямъ есть самое неправильнѣйшее, подвержены ему въ самомъ большемъ своемъ удаленіи. Приближаясь почти по прямой линіи къ концу своей Эллипсы, онѣ всегда обтекаютъ кругъ, показанной имъ около солнца.

Гж. Тихова.

По этому для каждаго солнца надлежало сошворить превосходнѣйшее шѣло, чшобы солнцу ходить около его?

Г. Любомудровъ.

У Натуры много лучшихъ средствъ. Многія Планеты съ своими спутниками ходятъ вокругъ одного солнца; многія солнца съ Планетами своими могутъ ходить вокругъ одного превосходнѣйшаго шѣла, и многія превосходнѣйшія вокругъ одного еще превосходнѣйшаго. Эта постепенность Системъ шѣлъ превосходнѣйшихъ, умножаяся величиною и уменьшаяся

яся

яся числомъ, оканчивается центральнымъ всеобщимъ шѣломъ, на которомъ конечно находится престолъ высочайшаго Существова, обнимающаго однимъ взоромъ все чудесное Свое твореніе.

Гж. Тихова.

Но при такомъ непонятномъ множествѣ движеній и круготеченій, какъ предупредишь безпорядокъ?

Г. Любомудровъ.

Такъ какъ эпошѣ славной Адмиралъ, повелѣвавшей самымъ многочисленнымъ флотомъ. Онъ состоялъ изъ трехъ дивизій, составленныхъ изъ многихъ линейныхъ кораблей, множества фрегатовъ и безконечнаго числа купеческихъ судовъ съ шалупами. Однажды захошѣлъ онъ сдѣлать общую эволюцію. Онъ приказалъ тремъ Вице-Адмираламъ итти на своихъ большихъ корабляхъ въ большомъ кругѣ около его корабля. Каждой изъ Вице-Адмираловъ давалъ одинъ приказъ всѣмъ линейнымъ кораблямъ своей дивизіи, каждой линейной корабль многимъ фрегатамъ, каждой фрегатъ многимъ купеческимъ судамъ, и каждое купеческое судно всѣмъ своимъ шалупамъ. Имъ надле-

лежало занять великое пространство, чтобы свободно производить въ дѣйство всѣ повелѣнія, которыя исполнялись съ спорожайшею точностію. Эта эволюція безъ сомнѣнія казалась весьма мудреною послѣднимъ купеческимъ кораблямъ; они видѣли только спранныя и безпорядочныя движенія между всемъ множествомъ плавающихъ шѣлъ. Однакожь ты видишь, сестрица, что она была очень проста. Адмиралу надлежало дать только одинъ приказъ, одинъ знакъ. Шалупамъ надобно было идти только въ разномъ разстояніи вокругъ cadaго изъ купеческихъ кораблей, отъ которыхъ онѣ зависѣли; купеческимъ кораблямъ вокругъ cadaго фрегата, фрегатамъ вокругъ cadaго линейнаго корабля, линейнымъ кораблямъ вокругъ своего Вице-Адмиральскаго, а Вице-Адмиральскимъ вокругъ корабля великаго Адмирала.

Гж. Тихова.

Это сравненіе изъясняетъ мнѣ всю Систему вселенной. Но какъ можно понять эту постепенность превосходнѣйшихъ шѣлъ, для которыхъ огромная величина солнца есть только посредственная мѣра?

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Развѣ швое воображеніе не сдѣлало уже смѣлѣйшаго шага, вознесясь до ужасной величины самаго солнца, неоспоримо нынѣ доказанной? Эпо свѣпило, которое древніе почитали нѣсколько менѣе луны, а земли уже и несравненно менѣе — эпо свѣпило могло бы соспавить болѣе 1400000 земныхъ шаровъ, или болѣе 80000000 шаровъ лунныхъ. Какая же поспешность величины можешъ теперь остановишь тебя? Еспли всякое новое заблужденіе, изъ котораго чело-вѣкъ выходитъ, просвѣщася его разумъ; еспли каждая новая степенъ слабости, которую замѣчаешъ онъ въ своихъ органахъ, возвеличиваетъ его духъ: шо для чего же бояшься ему дать благороднѣйшее печеніе своему духу и разуму? Прежде употребленія микроскопа, не ограничивалъ ли онъ животноу Натуру послѣднимъ насѣкомымъ, которое могъ онъ еще видѣть глазами? Сколько миллионувъ шварей видишь онъ нынѣ за эшимъ насѣкомымъ? Въ каплѣ наспоенной воды, которая кажется совсѣмъ прозрачноу, видишь онъ море, населенное своими кишками; частъ плѣсни какого нибудь плода предспавляетъ ему покрывшя

лѣ-

лѣсами горы, копорыя для жипелей ея то же, что для насъ Альпійскія горы, скрывающія въ облакахъ главу свою. Онѣ видятъ шакихъ малыхъ живошныхъ, копорыхъ бышя совсѣмъ онѣ не подозрѣвалъ, поядающихъ другихъ еще малѣйшихъ живошныхъ; видятъ въ нихъ органы, способные ко всѣмъ ихъ нуждамъ; видятъ ихъ наполненныхъ тысячами яицъ, готовыхъ вылупиться и шѣмъ размножись до безконечности родъ ихъ. Естли же у него, пораженнаго такимъ чудеснымъ зрѣлищемъ, выпадетъ микроскопъ: то пусть возметъ онѣ телескопъ, и въ первой разѣ усмотритъ на небесахъ безчисленное множество неизвѣстныхъ звѣздъ, за копорыми скрывается еще въ тысячу разѣ превосходящее число другихъ, коихъ онѣ никогда не увидитъ. Гдѣ же теперь въ дерзости своей осмѣлится онѣ ограничить швореніе? Естли время безконечно для Вѣчнаго, то почему же пространству и матеріи быть конечными для Всемогущаго? Развѣ одно другаго менѣе доспойно славы Его? Вѣки, копорые мы можемъ изчислить, въ разсужденіи всей вѣчности сущь, можетъ быть, то же, что пространства, занимаемая усмаприваемыми нами миллионами міровъ, въ разсужденіи пространства безконечности.

Гж. Тихова.

Ахъ, брашецъ! какое высокое понятие сообщашь ты мнѣ о верховномъ Существѣ!

Г. Любомудровъ.

Ты удивляешься только могуществу Его въ числѣ и величинѣ огромныхъ тѣлъ, наполняющихъ вселенную; но какая премудрость, гораздо еще чудеснѣйшая, является въ томъ равновѣсіи, въ которомъ содержатъ ихъ вѣчное согласіе ихъ движеній! Обозри сперва нашу солнечную Систему. Кромѣ семи Планетъ и спутниковъ ихъ, которыя протекаютъ ее всегда въ ненарушимомъ порядкѣ, посмотри на шестьдесятъ или болѣе Кометъ, которыя круговращаются въ ней во всѣ стороны, и которыхъ всѣ шемные шаги ознаменованы. Какое множество ихъ еще не примѣчено нами! Геометрія доказываетъ, что, по формѣ круговъ ихъ, миллионъ пакихъ тѣлъ можетъ ходить около солнца безъ всякаго помѣшательства въ своемъ печеніи. Вознесись теперь на крылахъ мысли — пролепши всѣ міры, въ которыхъ царствуетъ одинакая гармонія — повергнись у подножія престола великаго Творца, чтобы

бы возрѣть на ихъ всеобщее печеніе. Такая благородная дерзость будетъ че-
 стію, воздаваемою славѣ Его. Лучь ока
 Его освѣщаетъ тебя. О какое велико-
 лѣпное зрѣлище открывається вдругъ
 глазамъ твоимъ! Звѣзды, которыя оп-
 сюда казались тебѣ только неподвижными
 свѣтильниками, являющся солнцами во
 всемъ своемъ величіи, въ пишинѣ теку-
 щими со всѣми своими Планетами во-
 кругъ величайшихъ солнцевъ, влекущихъ
 ихъ съ собою вокругъ другихъ солнцевъ,
 еще славнѣйшихъ. Какія точныя сораз-
 мѣрности между всѣми Провинціями,
 всѣми Имперіями и всѣми небесными мі-
 рами! какое величіе въ правленіи, и въ
 самой подчиненности! какъ всѣ круги
 совокупаются безъ всякаго замѣшатель-
 ства! Какая же могущественная невиди-
 мая цѣпь соединяетъ всѣ части безконе-
 чнаго цѣлаго? Великій Нюционъ открылъ
 ее намъ. Одна сила взаимнаго влеченія
 сообщена Творцемъ всѣмъ тѣламъ. Сово-
 купленная съ движеніемъ, полученнымъ
 тѣлами однажды навсегда при исхожденіи
 изъ Творческихъ рукъ Его, и размѣрен-
 ная по соотношенію массъ и разспояній,
 она есть всеобщій дѣйствователь Натуры.
 Она стремится соединить все то, что бы
 дви-

мленнаго ими на великолѣпную картину, кошорую предспавили имѣ. Однакожь Г. Любомудровѣ, бояся, чшобы онѣ по скорости его рѣчей чего нибудь не забыли, на другой день поушру описалѣ на память два разговора прошедшаго вечера. Надежда и Андрей нѣсколько разѣ прочипали ихѣ. Г. Любомудровѣ обѣщалѣ имѣ послѣ дашь всѣ нужныя обѣясненія, какія только могутѣ онѣ пожелашь въ разсужденіи *привлекательности*, изѣясня имѣ движеніе земли вокругѣ солнца и движеніе луны вокругѣ земли.

НЕПОСТОЯНСТВО.

Зефиренъ — говоритъ почтенной Ami de l'Adolescence — получилъ отъ природы хорошую память, разумъ острый и проницательной, воображеніе живое, дѣятельное и плодотворное. Казалось, что судьба хотѣла увѣнчать сіи драгоценныя дарованія, давъ ему такихъ родителей, которые по всей своей возможности старались обрабатывать щасливый природный способности сына своего. Весьма скоро понималъ онъ всѣ начала первыхъ наукъ, и сверхъ того чувствовалъ уже сильное желаніе учиться такъ называемымъ прикладнымъ искусствамъ.

Однажды, пришедши вгости къ своему пріятелю, заспалъ онъ его рисующаго Римскую голову. Великой характеръ сей головы весьма пронулъ его. Всѣ черты ея, которыя пріятель его оспѣивалъ на бумагѣ, оживлялись у него въ воображеніи. Увидѣвъ еще нѣсколько подобныхъ рисунковъ, прибиравъ на стѣнахъ въ кабинетѣ, пришелъ онъ въ такую живой восторгъ, какой долженъ былъ

чувствовать Рафаель, когда въ первый разъ дали ему карандашъ.

Онъ побѣжалъ домой, и вспрѣпивши отца своего на крыльцѣ, бросился къ нему на шею, и просилъ его поспѣшнѣе сыскать ему учителя рисованія. Отецъ его, обрадованной такою сильною охотою, согласился исполнить его просьбу, и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ самому славынѣйшему. Зефирень хотѣлъ бы, чтобы онъ оставилъ всѣхъ своихъ учениковъ, и только бы имъ однимъ съ утра до вечера занимался. Но какъ онъ не могъ его склонить на такую жертву, то по крайней мѣрѣ настоялъ въ томъ, чтобы онъ всякой день училъ его часа по два. Ему не понятно было, какъ люди всякой минуты жизни своей не употребляютъ на изученіе такого важнаго искусства.

Учителю надлежало быть къ нему на другой день. Не скажу вамъ, сколько фигуръ начертилъ онъ въ томъ вечерѣ. Всѣ тетради его были покрыты характерными головами. Вы конечно простите ему, что съ перваго раза не могъ онъ соблюсти той правильности, которая бываетъ знакомъ долговременнаго упражненія въ рисованіи. На примѣрѣ; у иной головы одинъ глазъ былъ пре-
вели-

великой, а другой маленькой; носъ выходилъ иногда на срединѣ лба, а ухо опправлялось подслушивать рожъ, или ротъ, миновавъ всю округлость щеки, шелъ грызть ухо. Но кромѣ такихъ небольшихъ ошибокъ, чертежи его были шакъ чисты, какъ полько можно было думатьъ.

Онъ самъ сшилъ прешолстую те-шрадь изъ самой большой бумаги, какую полько можно было сыскашь въ городѣ. Скоро все сіе пространство стало шѣсно для помѣщенія неизчислимаго количества глазъ, ушей, рукъ и ногъ, копорыя рисовалъ онъ подъ руководствомъ своего учителя. Инвалидной домъ нашелъ бы шущъ прекрасные образцы для всѣхъ шѣхъ членовъ, копорыхъ лишены почтен-ные жители его. По природной непер-пѣливости своей не много сучалъ онъ единообразіемъ сихъ упражненій, копо-рыя со всею почностію надлежало ему продолжашъ, чтобы напвердиль руку свою. За то, оставшись одинъ, награ-ждалъ онъ скучную медленность такого порядка, сославляя въ мысляхъ своихъ уже большія картины. На чердакѣ вы-бѣлили спѣны: ему вздумалось на нихъ изобразить Римскую Испорію, кошорую

онъ тогда прочиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ восемь дней онъ начертилъ углемъ презрѣдное собраніе Трибунскихъ головъ, бюстовъ славныхъ Консуловъ, Дикшаторовъ пѣшкомъ, Императоровъ верьхомъ; и я увѣренъ, что естли бы имена подписать подъ фигурами, дабы сдѣлать ихъ совершенно похожими: то Анпикваріусъ конечно бы нашелъ тайну сочинить на сію галерею множество важныхъ примѣчаній.

Онъ предпринялъ начертать въ такомъ же духѣ ходъ Исторіи нашей Монархіи; но черезъ нѣсколько дней слуги стерли всю работу его, увѣряя, что сіи Римскіе Герои пугаются кошекъ, ни мало не успрашая мышей. Такое несчастіе не много ослабило склонность его; а досада видѣть себя еще весьма далеко отъ пріятеля своего, котораго онъ надѣялся перегнать въ самые первые уроки, еще болѣе отвращила его отъ рисованія. Скоро уже спалъ онъ боясь замарать руки свои карандашемъ, и, чиня его, изломать свой ножичекъ. Учишелю его, которому сперва такъ трудно было умѣрять его ревность, стало тогда еще гораздо труднѣе возобновлять ее. Напрасно рассказывалъ онъ ему чудесныя дѣйствія живописи и зани-

машельные анекдоты изъ жизни великихъ Арписшовъ. Онъ привелъ къ нему одного молодого ученика, возвратившагося изъ Рима, и заставилъ его рассказывать Зефиреню красоты шѣхъ великихъ картинъ, которыя онъ разсматривалъ въ Италіи. Сей ученикъ, изъясняя свое удивленіе, употреблялъ Италіянскія слова, которыя по его мнѣнію могли скорѣе, или лучше выразить мысль его. Лишь только сіи звуки, новые для ушей нашего Зефиреня, были имъ услышаны, онъ вдругъ разсудилъ, что гораздо пріятнѣе говорить живымъ языкомъ, нежели рисовать головы, которыя, какъ бы ни были онъ *выразительны*, никогда говорить не могутъ. Тотчасъ побѣжалъ онъ сообщить такое разсужденіе отцу своему, которой съ сожалѣніемъ видѣлъ его отъказывающагося отъ сего пріятнаго искусства, которому прежде желалъ онъ учиться съ такою сильною охотою; но онъ не хотѣлъ прошивиться сей новой охотѣ, и на другой день, вмѣсто учителя рисованія, пришелъ къ Зефиреню учитель Италіянскаго языка.

Надобно отдать ему ту справедливость, что успѣхъ и швердось его въ первые дни были весьма велики. Прови-

дзашельность его побѣждала всѣ трудности Грамматики. Онѣ влюбился въ сей пріятной и гармонической языкѣ, и безпрестанно говорилъ имѣ со всѣми людьми въ домѣ, не думая, понимаютъ ли они его. Повариху называлъ онѣ *Vostre Signoria*, а приворопника *Con mio*. Италіанской переводѣ Телемека начиналъ онѣ понимать такъ же, какъ и подлинникѣ. Когда искалъ онѣ въ библиотекѣ опца свсего книгу шруднѣйшую, попался ему въ руки Гишпанской Донѣ Кишопшѣ. Донѣ Кишопшѣ, другѣ первыхъ его упражненій въ чшеніи! О какъ бы пріятно было чувствоватъ всю соль удивительныхъ пословицъ его простосердечнаго конюшаго на природномѣ языкѣ ихѣ! Стоятъ ли важныя Меншоровы разсужденія оспрыхѣ Санжяныхъ отвѣповѣ? И Калипса, оставленная Улиссомѣ, не смотря на всѣ пріятности очарованнаго острова, можетъ ли насѣ такъ заниматъ, какъ несравненная Дуцинея, для копорой любовникѣ ея отправился покорять Царства? Такое предпріятіе шребовало мужества. Надлежало безпрестанно сражатъсѣ съ неизвѣстными словами, подобно какъ рыцарѣ Печальнаго Образа сражался со шиадами и вѣшренными мѣльнич-

ницами. Однакожь онѢ вышелѢ изѢ сей первой компаніи сѢ такою же славою, какѢ и Рыцарь. Но — сказать ли вамѢ? еще прежде, нежели Герой во второй разѢ оставилѢ Манху, Зефирень оставилѢ Гишпанской языкѢ, чшобы приняться за Англійской, кошорой опять скоро промѣнялѢ на Нѣмецкой. ТакимѢ образомѢ черезѢ годѢ извѣснялся онѢ на чешырехѢ живыхѢ языкахѢ; но каждой зналѢ шакѢ мало, и шакѢ мѣшалѢ ихѢ вѢ своихѢ разговорахѢ, чшо надлежало для него составить Аудиторію изѢ депутатовѢ сихѢ чешырехѢ націй, кошорые переводили бы другѢ другу шо, чшо бы каждой изѢ нихѢ вѢ несвязныхѢ его періодахѢ могѢ понять по отрывкамѢ.

Искусство вѢ шѣлесныхѢ упражненіяхѢ придаетѢ, кажется, новую красоту обработанному разуму, и самыя пространнѣйшія знанія не могутѢ вѢ глазахѢ Публики извинить неловкости. Зефирень имѣлѢ вѢ помѢ непріятной опытѢ. ОпецѢ его вѢ день своихѢ именинѢ давалѢ небольшой балѢ, на кошоромѢ, не смотря на свою ученость, смѣшалѢ онѢ всѢ танцы. ОнѢ захопѣлѢ учиться танцовать по правиламѢ сего искусства. Но шолько лишь начали по-

казывать ему па менуеша, вскружили ему голову антрша. Во всякой урокѣ хопѣлъ онѣ учиться пому, чему точно не надлежало еще учить его. Всегда жадно желая того, чего еще не зналъ, и презирая то, что уже выучилъ, ничего не могъ онѣ порядочно удерживать въ своей памяти. Ему не было нужды до музыки; и когда играли менуешѣ, онѣ начиналъ прыгать конпр-шанцы — за что всѣ молодые дѣвицы называли его несноснымѣ.

Желая какѣнибудь заслужить ихѣ благосклонность, вознамѣрился онѣ учиться музыкѣ, чтобы аккомпанировать ихѣ въ пѣніи, или на клавесинѣ. Но какимѣ инструментомѣ начать? Всего бы лучше учиться на всѣхѣ вдругѣ; но отецѣ его не захопѣлъ уже сего и оставилѣ ему только свободу избирать. Среди своихѣ сомнѣній, рѣшился онѣ для опыта выбрать скрипку; и только черезѣ шесть мѣсяцовѣ вздумалось ему приняться за флейту, когда онѣ уже изрядно началѣ перебирать струны и съ легкостію управлять смычкомѣ.

Между тѣмѣ непостоянство его мыслей и вкуса весьма огорчало отца его, хотя по ослабленію родительскаго сердца,

ца,

ца, приписывалъ онъ сей порокъ одной молодости его. Желая, чтобы сынъ его чрезъ наблюденія и опыты скорѣе возмужалъ въ душѣ своей, рѣшился онъ отправить его путешествовать по Европѣ. Зефиреню того и хотѣлось. Описанія путешественниковъ были для него всегда пріятнѣйшимъ чтеніемъ; и онъ тысячу разъ въ воображеніи своемъ переносился въ описанныя ими земли. Все то, что я, возвращаясь изъ Англіи, рассказывалъ ему о благопріятномъ приѣмѣ, котораго меня тамъ удостоили — картины, въ которыхъ я, изъ благодарности, представлялъ сію землю, славную своимъ земледѣльствомъ, фабриками и коммерціею; гдѣ наслаждаются споль проташельнымъ зрѣлищемъ, видя всѣ Королевскія и человѣческія добродѣтели сидяція на тронѣ, а вокругъ ихъ Красоту, Юность и Пріятности — письма къ достойнымъ друзьямъ моимъ, копорыя ему я предложилъ: къ Госпожѣ де ла Фишъ, Господамъ Люку, Вилькесу и Гушшону, и фамиліи Бурней (*), копорую

(*) Можетъ быть нѣкоторымъ пріятно будетъ узнать, что въ домѣ, въ ко-

шо-

рую споль любитѣ Природа, соединяя въ ней любезныя качества съ великими дарованіями — наконецѣ усердное мое желаніе, мною передѣ нимѣ и передѣ всѣми изѣяваемое, чшобы сія нація была съ нашею въ мирѣ и соединилась шѣснымѣ союзомѣ, чшобы взаимно обогатиться свободною мѣною своихѣ произведеній и знаній: — всѣ сіи изображенія и чувства, воспламеня отѣ природы жаркое и живое воображеніе его, возбудили въ немѣ жела-

поромѣ прежде жилѣ Нюшонѣ, и въ кошоромѣ еще и нынѣ находится его Обсерваторія, живетѣ нынѣ Мисѣ Бурней, сочинительница *Эвелины и Сесилія*. Сіе жилище есть, кажется, храмѣ великаго Духа, откуда, открывѣ намѣ прежде таинства великихѣ движеній во вселенной, черезѣ сто лѣшѣ опять приходитѣ онѣ споль же ясно открывѣ намѣ глубочайшія движенія сердца чловѣческаго.

Г. Докпорѣ Бурней, отецѣ дѣвицы Бурней, извѣстенѣ во всей ученой Европѣ по своей изящной *Исторіи древней и новой музыки*, въ кошорой пріятность слога и занимательность анекдотовѣ соединяются съ остроумными идеями и полезными видами.

желаніе начать свое пушешествіе съ сего славнаго острова; и шрудно описать шу радость, которую произвело въ немъ наступленіе времени, назначеннаго для его опѣвѣзда, подѣ предводительствомъ умнаго и привязаннаго къ его фамиліи гофмейспера.

Надобно проѣхать по симъ прекраснымъ дорогамъ Графства Кеншскаго, дорогамъ, усѣяннымъ хорошими деревнями и окруженнымъ богато обрабошанными землями, или пріятными садами, чшобы составишь себѣ понятіе о шомъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ сей видъ въ сердце нашего молодаго пушешественика. Быспроша его мыслей не опѣвѣшповала еще всему шому, чшо являлось ему въ семъ послѣдствіи занимательныхъ картинъ. Важное зрѣлище шрудолубія возвышало душу его, а пріятные образа довольствія и плодородія вливали нѣжныя чувспва въ его сердце. Безпрестанной воспоргѣ провождалъ его до самыхъ воротъ Лондона, въ которой вѣхалъ онъ ввечеру, и гдѣ предспавилися ему еще восхитительнѣйшіе по лѣшамъ его предметы: многочисленное спеченіе народа на проспранныхъ улицахъ, вездѣ освѣщеныхъ. Въ первые дни послѣ своего при-

прибытія осматривалъ онъ разныя частіи сего пышнаго города. Великолѣпіе публичныхъ мѣстъ, украшающихъ его съ одной стороны; безчисленное множество кораблей, представляющихъ въ другомъ концѣ на величественной рѣкѣ, мчащей мимо его струи свои; гордая громада мостовъ, черезъ нее идущихъ и въ великолѣпномъ видѣ смыкающихся съ окрестностями города; внутри блестящее украшеніе лавокъ — сіи широкіе ходы для пѣшихъ, гдѣ всегда видишь себя окруженнаго двумя прелестнѣйшими предметами одушевленной Природы: прекрасными дѣтьми и женщинами, украшенными прохладностію и чистою простой, но хорошей одеждою — — какія чувства всѣ сіи красоты должны были въ первой разѣ возбудить въ пламенномъ и удобномъ къ восторгу сердцѣ, когда онъ болѣе года были безпрестаннымъ предметомъ моего удивленія, и когда онъ и по сіе время представляются памяти моеи еще въ такихъ живыхъ образахъ!

Зефирень не чувствовалъ такъ долго ихъ впечатлѣнія. Удовлетворивъ алчному своему любопытству, ощущалъ онъ только скуку и непріятность пресыщенія. Гофмейстеръ его, примѣшя сіе, предложилъ

жилъ

жилъ ему объѣхать примѣчательнѣйшія мѣста провинцій. Чрезмѣрно обрадованной Зефирень, вмѣсто всякаго отвѣта, просилъ его тотчасъ послать за почтовыми лошадьми, чтобы на другой день безъ всякой остановки выѣхать.

Я не буду слѣдовать за ними по всей дорогѣ ихъ, бояся васъ упоминъ. Я останоулся съ ними только на минушу въ Ричмондѣ и Виндзорѣ, пошому что сіи два мѣста будутъ нѣкогда драгоцѣнны памяти вашей по удивительнымъ стихамъ, вдохнутымъ ими въ двухъ великихъ Поэтовъ, Томсона и Попа, которые прославили ихъ. Онѣ еще шѣмъ пріятнѣе для моеи памяти, что воспоминаютъ мнѣ хорошаго Короля, просвѣщеннаго друга всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ, разведшаго въ Ричмондѣ прекрасныя сады, и великую Королеву, которая проводилъ въ Виндзорѣ большую часть года, стараяся нѣжностію своею увѣнчавать щастіе своего супруга, и матерьними попеченіями и добродѣтелями быть достойною пламенной любви дѣшей своихъ и всего своего народа, знающаго цѣну такой Королевы.

Вездѣ представлялись Зефиреню тѣ же занимательныя картины, копорья
споль-

сполько восхищали его при его прибытіи въ Англію; вездѣ находилъ онѣ вещи достойныя занимать его взоры и душу: но онѣ по своему характеру желалъ единственно того, что было не въ его силахъ, и радовался шѣми мѣстами, отъ которыхъ онѣ удаленъ былъ. Въ Англіи всего болѣе занимала его небесная Ишалія, такъ что одно имя ея приводило его въ восхищеніе. Посреди Товега искалъ онѣ Капитолію, а въ Графствѣ Корнваллискомъ Калабрію. Гофмейстеръ его ищощилъ всѣ средства, чтобы излѣчить его отъ сего безпокойства; но наконецъ побоялся онѣ, чтобы лѣкарства его, вмѣсто всякой пользы, не довели Зефиреня до чахотки, и пошому рѣшился вмѣстѣ съ Зефиренемъ просить отца его позволишь имѣ ѣхать въ сію Ишалію, которая была послѣднею цѣлію желаній молодого Зефиреня, подобно какъ нѣкогда была она цѣлію бѣгущихъ Троянѣ.

Кромѣ переѣзда изъ Кале до Англійскаго берега, Зефиренъ ѣздилъ все сухимъ путемъ, и уже около двухъ мѣсяцовъ кашался по большимъ дорогамъ; почему въ мореплаваніи думалъ онѣ найши гораздо болѣе удовольствія, нежели во всякомъ пушешествіи по швердой землѣ.

шерпѣніе, или лучше сказать, всячески обнаруживать свою нешерпѣливость до самой приспани.

Щасливая сила воображенія, удаляющая отъ насъ въ сладостныхъ мечтахъ надежды всякое воспоминаніе горестей нашихъ! Зефирень забылъ на берегу всѣ свои огорченія. Наконецъ прибылъ онъ въ сію славную страну, сокровищницу всѣхъ богатствъ Натуры и искусства. Ошдохнувъ два дни въ Ливорнѣ, отправился онъ во Флоренцію. Ему извѣстно было, что славная галерея сего города удерживала шушъ нупешественниковъ долѣе, нежели они хотѣли. Ему показали шѣхъ любопытныхъ, которые жили шамъ мѣсяцовъ по шести, не смотря на то, что всякой день собирались выѣхать. Сіе не показалось ему страннымъ при первомъ взорѣ на великолѣпное собраніе рѣдкихъ произведеній. Можетъ быть дошелъ бы онъ съ симъ мнѣніемъ и до конца галереи, естли бы вдругъ не представилась его воображенію церковь Св. Петра въ Римѣ и библіютека Вапиканская. Сіи два предмета занимали его цѣлой день, безмѣрно увеличиваясь въ головѣ его. Желая узнать почно, что
наде-

надлежитъ думать о ихъ огромности; ввечеру спалъ онъ просить своего Гофмейстера ѣхать самимъ осмотрѣть ихъ. Не хочу я слушать о сихъ вѣчныхъ примѣчашеляхъ, которыми и цѣлаго вѣка едва не мало ли для изслѣдованія каждой чудесности. Зефирснъ черезъ три дни увѣрился, что ни одна примѣчанія достойная вещь въ древней столицѣ міра отъ него не укрывалась. Онъ еще нашелъ время поскорѣе уложить свой чемоданъ, чтобы ѣхать въ Неаполь, гдѣ бытъ ему весьма хотѣлось. Однакожъ не особливья красота сего города возбуждали въ немъ живое любопытство; съ нѣкотораго времени видѣлъ онъ уже много великолѣпныхъ городовъ: но всѣ города, которые онъ видѣлъ, возносились на поверхности земли; на прошивъ того Геркуланумъ и Помпея были погребены въ ея нѣдрахъ. Тогда могли заниматься его одни подземные города. Романическая плодотворность его воображенія разнымъ образомъ представляла ему по ужасное приключеніе, которое привело ихъ въ сіе состояніе. Сошедши шуда, онъ весьма удивился, что такъ странно хотѣлъ видѣть кучу развалинъ и праха; потому что онъ тамъ ничего

инаго не видалъ, не смотря на изящныя
оспашки, временемъ сохраненныя. Дру-
гой нашелъ бы по крайней мѣрѣ нѣко-
торое средство къ улучшенію, удивляясь
въ Неаполѣ наилучшей Европейской при-
стани; но Зефиренъ не могъ ее видѣть,
не сравнивая ее въ мысляхъ съ пристан-
ями въ Амстердамѣ, въ Бурдо и
Константинополѣ, которыми онъ от-
давалъ преимущество для того, что
былъ удаленъ отъ нихъ. Что касается
до огнедышущей горы, которая возвы-
шается надъ городомъ и увеличиваетъ
красоту его рѣдкаго положенія, беспре-
станно грози покрыть его пепломъ и
огнемъ, ею выбрасываемымъ: то не
утверждающі ли всѣ путешественники,
что Элиѣ надлежитъ отдашь преимуще-
ство передъ Везувіемъ? И несчастныя
слѣдствія послѣдствія его изверженія не на-
полнили ли всѣхъ величайшимъ удивле-
ніемъ и ужасомъ, какой только Вулканъ
возбудить можетъ? И такъ въ сей пре-
красной землѣ, которую столь хотѣлось
ему объѣхать, оставался только одинъ
городъ, коего видъ могъ наградить его
за всѣ труды, понесенныя имъ въ путеше-
ствіи; а именно, чудесная Венеція,
возвышающаяся среди каналовъ, которые
бы-

бывающѣ всегда покрыты гондолами, и чрезѣ кошоры идущѣ пять сошѣ мостовѣ. Правда, что ему надлежало для сего проѣхать Италію почти во всю длину ея; но его смѣлое воображеніе, преодолевавшее всѣ препятствія, сблизало разстоянія, и Зефирень, уложивъ свое платье и прочее, тотчасѣ отпра-вился къ Венеціанской области.

Я боюсь, друзья мои, чтобы вы не сшали уже подозрѣвать Гофмейспера его въ чрезмѣрной снисходительности, видя его съ такою слабостію соглашающагося на всѣ замыслы своего питомца. Для оправданія его принужденъ я открыть вамѣ семейную тайну, надѣясь на вашу молчаливость.

Зефирень, во время всего путешествія своего, обыкновенно писалъ письма къ отцу своему, кошорой всегда замѣчалъ, что сынъ его чувствовалъ ош-вращеніе отъ шѣхѣ мѣспѣ, откуда къ нему писалъ письма, а шѣ, куда онѣ отправлялся, представлялся ему въ восхи-пительнѣйшемѣ образѣ. По сему мо-жно было видѣть ясно, что каждая зе-мля, наполняя его прежде пріятными на-

деждами, производила въ немъ послѣ, когда онъ прїѣзжалъ въ нее, неудовольствіе и скуку. Сіи замѣчанія, и тѣ, которыя сообщалъ ему Гофмейстеръ, и которыя подѣтверждали ихъ справедливость — такъ какъ и вы, зная уже все, конечно бы по засвидѣтельстввали — увѣрили его, что Зефиренъ былъ не такого характера, или не въ такомъ разположеніи, чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться симъ путешествіемъ. Однакожь онъ не хотѣлъ, отозвавъ его вдругъ назадъ, подать ему поводъ когда нибудь жаловаться, что симъ отзывомъ не дали ему научиться тому, чему надлежало учиться въ путешествіи. Онъ только совѣщивалъ Гофмейстеру не противиться тѣмъ приходимъ сына своего, которыя могутъ ускорить его возвращеніе въ отечество. Такимъ образомъ Зефиренъ, видѣвъ мимоходомъ Венецію, Туринъ, Швейцарію и Голландію, всегда съ одинакою послѣдностію и вѣрностію, по новому чувству испостоянства ничего болѣе не желалъ, какъ возвратиться въ свою отчизну, прежде того времени, которое онъ самъ назначилъ для своего путешествія.

Отецъ всегда отецъ; по чему вы можете вообразить, какъ отецъ Зефиреневъ обрадовался, увидя его. Но для чего не могу я описывать вамъ сихъ восторговъ, сего радостнаго испусленія сердца родительскаго въ ту минушу, въ которую возвратился ему сынъ достойный живѣйшей нѣжности? Для чего не могу представить ихъ обнимающихся, безмолвныхъ отъ восхищенія и заливающихся слезами — отца гордящагося новыми совершенствами, видимыми имъ въ сынъ; а сына въ живѣйшей радости спарающагося ихъ показывать отцу, какъ залогъ благодарности за любовь его? Какъ бы я былъ щасливъ, естли бы могъ представить вамъ сію прогашельную сцену, хотя бы и долженъ былъ чувствовать слабость своего изображенія! И родители ваши и вы ощутили бы величайшее удовольствіе, нашедши тутъ простое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыми сердца ваши взаимно наполнены. Отъ одного Зефиреня зависѣло всѣмъ намъ доставить сію радость, лучше воспользовавшись тѣми попеченіями, которыя имѣли о наученіи его въ первыя лѣта его дѣтства. Чего бы недоставало ему въ его воспитаніи для обработанія своихъ способностей

и усовершенствованія знаній, естли бы онѣ имѣлъ мужество сражаться съ непостоянствомъ своего характера и съ твердостью и прилѣжностію всему учиться? Въмѣсто сего непостояннаго вкуса, копорой заставлялъ его переходить отъ одной науки къ другой, и преодолевать трудности, соединенныя съ ихъ началами, никогда не давая ему времени чувствовать пріятность успѣха въ нихъ; вмѣсто сихъ минувшихъ мечпаній, копорыя столь великолѣпно въ глазахъ его украшали отдаленные предметы единственно для того, чтобы предметы видимые представлять въ самомъ худомъ видѣ; вмѣсто сихъ неудовольствій и сего отвращенія, копорыя безпрестанно онѣ долженъ былъ чувствовать, видя вблизи всегда въ слабѣйшихъ чертахъ тѣ образа, копорыхъ красота и живость вдали онѣ увеличивалъ — какое множество чистыхъ удовольствій и сладостнѣйшихъ пріятностей могло бы наполнять сердце его! Не говоря уже о семъ столь нѣжномъ удовольствіи, копорое чувствуетъ хороший сынъ, превзойдя надежду своей фамиліи, представивъ только одно личное благополучіе, копорое было бы частію его, и копорое по глубочайшему и постояннѣйшему

му

му чувству природы содѣлало бы щастливымъ и отца его.

Сѣ самага дѣтства видѣли вы его сѣ равною живостію любившаго науки и пріятныя искусства, учившагося онымъ сѣ неукропимою ревностію, думавшаго схватить все вдругъ, и боровшись прежде мужественно сѣ самыми спрашняйшими трудностями, успупавшаго имъ вѣ шу самую минушу, когда надлежало ему бытъ побѣдителемъ. Сѣ помощію сихъ природныхъ способностей, и будучи ободряемъ похвалами своихъ родителей, онъ бы могъ, имѣя немного поболѣе власти надъ собою, постепенно приобрѣсти все то, что бы могло придать величайшую пріятность жизни его. Разумъ его, заблаговременно приведенной науками вѣ зрѣлость, и охота къ пріятнымъ искусствамъ, которыя служили бы ему отдохновеніемъ отъ важнѣйшихъ трудовъ, предохранили бы молодость его отъ безпокойствъ, ея печеріе возмущающихъ, и отъ скуки, изсушающей ее вѣ самомъ ея цвѣтѣ. Зная правила всѣхъ изящныхъ искусствъ и привыкнувъ вѣ нихъ упражняться, не могъ бы онъ вѣ своемъ путешествіи ни на что смотрѣть равнодушно.

душно. Превосходныя произведенія во всякомъ родѣ, представлявшіяся взорамъ его, удовлетворяли бы любопытству его и обогащали его новыми знаніями. Большее число предметовъ, имъ обозрѣваемыхъ, разпространяло бы кругъ разума его; онъ пріобрѣлъ бы болѣе точности, разсматривая ихъ различія и отношенія, и проникъ бы глубже въ сердце человѣческое, наблюдая нравы и характеры жителей разныхъ странъ, которымъ бы пріятно было видѣть въ молодомъ человѣкѣ, знающемъ языкъ ихъ, сильное любопытство осматрѣть ихъ землю, и которые конечно бы постарались во всемъ предупредить его желанія весьма лестнымъ для него образомъ, и оказывали бы ему всякое уваженіе. Будучи принятъ въ лучшія общества, онъ научился бы пріятной учтивости и сему ласковому обхожденію, которое, будучи соединено съ достоинствами существенными, обезоруживаетъ зависть и заставляетъ человѣка любить и почитать. Возвращаясь въ свое отечество, вездѣ бы по слѣдамъ своимъ оставлялъ онъ сожалѣніе о своемъ удаленіи, и возбудилъ бы въ сердцахъ всѣхъ друзей своихъ живѣйшую радость о своемъ возвращеніи, а въ родителяхъ самую

самую основательнѣйшую надежду на его благополучіе,

Какъ далекъ былъ тогда Зефирень отъ сего щасливаго положенія, въ которое столь естественнo, казалось, надлежало ему припши по своимъ обстоятельствамъ! Во всѣхъ городѣхъ, мимо которыхъ онъ пролетѣлъ столь быспро, говорилъ онъ только съ одними шракирищиками, у которыхъ на минушу успокоивался отъ своего полета. Слабыя знанія, имъ пріобрѣтенныя, не могли принести никакой пользы его согражданамъ. Опецъ его видѣлъ, что намѣренія его совсѣмъ не исполнились; а друзья его Но могъ ли онъ по своему непостоянству къ кому нибудь привязаться? У Зефиреня друзей не было. Несчастной! какъ я жалю о немъ, помышляя, о любезной Гарапъ! что въ пакія же молодыя лѣта началась между нами сія дружба, которая никогда ни на минушу не перемѣнялась, и которая нынѣ, подобно какъ въ первомъ жару своего рожденія, могла бы насъ заставить смѣшать жизнь нашу и наше имѣніе и все раздѣлить пополамъ! Какъ люблю я вспоминать сія пріятныя минушы нашей молодости,

доспи,

доспи, въ которой одинакой вкусъ и одинакія чувства сближали сердца наши во всемъ, что могло соединять ихъ! Какъ быстро текли дни въ ученіи и опкоро-венныхъ разговорахъ нашихъ! Не было шакого удовольствія и огорченія, копо-раго бы оба мы равно не чувствовали. Будучи сосѣдами въ городъ и въ дере-виѣ, въ цѣлыя восемь лѣтъ не было по-чти ни одного дня, въ которой бы спре-мленіе бытъ вмѣстѣ насъ не соединяло. Какихъ слезъ стоила намъ разлука наша! Пріѣхавъ прежде себя въ столицу, съ какимъ жаромъ желалъ я, чтобы и ты былъ тамъ же! и какую радость, черезъ три года, почувствовали мы, когда опять увидѣлись! Если нынѣ въ раз-говорахъ нашихъ какое нибудь обстоятель-ство приведетъ намъ на память сіи пріят-ныя и столь частыя прогулки вдоль пре-красной рѣки, на сихъ высокихъ пригор-кахъ, гдѣ имѣя въ рукахъ Геснера, Том-сона, Сентъ Ламберта, наслаждались мы вдругъ всеми прелестями дружбы, Поэ-зіи и Природы: то какъ радостно для насъ находишь себя всегда въ томъ же разположеніи и успокоиваешься на твер-дой надеждѣ, что оно не переменится до гроба нашего!

О вы, юные чипашели мои, предъ копорыми излилося мое сердце! вы конечно простите мнѣ сіе стремленіе, котораго не могъ я удержать. Ахъ, естли бы имѣли вы такого друга, какого я имѣю! Естли бы вы такъ любили его и взаимно были имъ такъ же любимы, какъ я! И развѣ не имѣю я нѣкотораго права говорить съ вами о томъ, что мнѣ пріятно? Развѣ напрасно дали вы мнѣ шо имя, подъ которымъ я представилъ вамъ сіе сочиненіе? Нѣшъ, все шо, что одного изъ насъ прогаешъ, не можетъ быть впредь для другаго незанимательно. Мы соединены такими узами, которыя не могутъ быть разрушены ни съ вашей, ни съ моей стороны безъ порочной неблагодарности. Естли мои попеченія обработывашъ ваше сердце и разумъ споятъ чего нибудь въ глазахъ вашихъ, шо и я съ своей стороны не обязанъ ли въ разсужденіи васъ нѣжнѣйшею благодарностію? Паслухи и несчастные любовники населяли до нынѣ уединенное жилище мое; но къ симъ прогательнымъ предметамъ вы пришли присоединить еще предметы пріятнѣйшіе. Благодаря васъ, вижу я въ Природѣ одну улыб-

улыбку, одну живую радость. Съ какимъ удовольствіемъ зрю себя окруженного вашими прелестными лицами, на которыхъ въ такихъ прекрасныхъ чертахъ изображаются веселіе, невинность и чистосердечіе! Вы всегда въ воображеніи моемъ подлѣ меня находитесь. Отъ васъ заимствую я сіи простыя естественныя выраженія и сіи нѣжныя или великодушныя чувства, которыя изъ очей вашихъ слезы извлекаютъ, и которыя впечатлѣваютъ въ юныя ваши мысли характеръ благородства и возвышенности. Да каждой изъ васъ украсится цвѣтомъ надежды, съ которымъ представляю васъ Опечеству нашему! Не обманешся ожиданіе его. Нѣтъ, вы не будете такъ дурны, какъ сіи люди, которыхъ я чиналъ испорію. У нихъ не было такого друга, которой бы велъ ихъ къ добру путемъ удовольствія; а вы имѣете такого, которой должностъ сію почитаетъ за величайшее щастіе въ жизни своей. И такъ помните его всегда; но чтобы помнить его такъ, какъ онъ желаетъ того, то да соединится память его съ вашими добродѣтелями! Уже въ мысляхъ получаю сію лестную награду.

Нынѣ

Нынѣ слышу я, что вы имя мое поешо-
ряете въ играхъ своихъ; ожидаю, что
впредь будете сказывать его дѣтямъ ва-
шимъ, сидящимъ у васъ на колѣняхъ; и
вижу васъ ласкающихъ своихъ внучатъ,
приходящихъ къ вамъ въ старости ва-
шей лепешать — имя вашего друга.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Х V Ч а с т и.

	Стран.
<i>Продолженіе Исторіи Герцогини Ч**.</i>	3
<i>Пустынный.</i> - - - -	27
<i>Благодѣяніе.</i> - - - -	94
<i>Система Міра.</i> - - - - -	97
<i>Непостоянство.</i> - - - -	179
